

LEGAL CONCEPT

2026

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2026
Volume 25. No. 1

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2026
Том 25. № 1

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2026. Vol. 25. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue: ***For the Quality of the Criminal Law and the Optimization of Law Enforcement Practice:
About the Creative Legacy of Honored Scientist of the Russian Federation, Professor Lev L. Kruglikov***

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *I.S. Dikarev* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *M.L. Davydova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *M.Yu. Kozlova* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *D.V. Kononenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *G.A. Vasilevich* (Minsk, Belarus); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *V.P. Kamyshevskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,
N.M. Vishnyakova, *U.V. Naumova*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *Yu.A. Nikitina*

Passed for printing on March 16, 2026.
Date of publication: July 16, 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 15.9. Published pages 17.0.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies).
Order 48. «C» 8.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>
English version of the website: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Publishing House
of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Главная тема номера: *За качество уголовного закона и оптимизацию правоприменительной практики: о творческом наследии заслуженного деятеля науки РФ профессора Льва Леонидовича Кругликова*

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), SciUp (Россия), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. И.С. Дикарев – главный редактор (г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова – зам. главного редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. М.Ю. Козлова – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. Д.В. Кононенко – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Г.А. Василевич (г. Минск, Беларусь); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Т.В. Дерюгина (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова,
Н.М. Вишнякова, У.В. Наумова
Редактор английских текстов Д.А. Новак
Верстка и техническое редактирование
Ю.А. Никитиной

Подписано в печать 16.03 2026 г.

Дата выхода в свет: 16.07 2026 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,9.
Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.).
Заказ 48. «С» 8.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград,
просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского
государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

<i>Иванчин А.В., Каплин М.Н.</i>		
Лев Леонидович Кругликов – основатель Ярославской уголовно-правовой школы	6	
<i>Коняхин В.П., Полтавец В.В.</i>		
Учение об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание: доктринальная модель профессора Л.Л. Кругликова	15	
<i>Лапишин В.Ф.</i> Административная преюдиция – прием законодательной техники в уголовном праве: «Надо!», «Нет!» или «Как-то так...»		25
<i>Ларионова Л.Н.</i> Генезис обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в Уголовном кодексе Российской Федерации		32
<i>Лобанова Л.В.</i> К вопросу о факультативных признаках, характеризующих объект преступления		38
<i>Малимонова М.А.</i> Частные вопросы эффективности использования презумпций и фикций в институте судимости		46
<i>Пикуров О.Н.</i> Преступление и деликт: к вопросу об экономии уголовной репрессии		53
<i>Пономарев В.Г.</i>		
Злоупотребление субъективным правом как уголовно-правовая юридическая конструкция ...	61	
<i>Рожнов А.П.</i> Отдельные вопросы законодательного обеспечения эффективности унификации судебной практики по уголовным делам		72

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

<i>Терехов Е.М.</i> Система интерпретационных актов в РФ: понятие и предпосылки формирования	82
<i>Нуржанова А.К.</i> Нормативные требования к оформлению законопроектов в Российской Федерации и Республике Казахстан	89
<i>Кердан Л.Н.</i> Судебные правоприменительные акты-действия: техничко-правовой аспект	97

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Аблятипова Н.А., Деркач А.А.</i>	
Проблематика заключения гражданско-правовых договоров в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях	102
<i>Федорова П.А.</i> О принципе недопустимости произвольного вмешательства в частные дела субъектов ограниченных вещных прав	
	111

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Россинский С.Б.</i> Протоколы-доказательства в уголовном процессе: нормативно-нейминговые аномалии		118
<i>Миликова А.В.</i>		
Формы уголовно-процессуальных актов		126
<i>Суров В.В.</i> Прекращение уголовного дела и уголовного преследования как альтернативная форма разрешения уголовно-правового конфликта		132
<i>Дехерт А.А.</i> Частные случаи наложения денежного взыскания за неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей		138

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

<i>Казаченков С.Д.</i> Правовые инновации в налоговом администрировании: модели адаптации и трансформация правового регулирования в цифровую эпоху		145
---	--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

<i>Джакипов У.Д.</i> Ограничение гражданских прав сотрудников органов внутренних дел: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики		151
<i>Удодов Г.А.</i> Эволюция правовых основ антинаркотической политики БРИКС в декларациях саммитов (2009–2024 гг.)		158

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Ivanchin A.V., Kaplin M.N.*
Lev L. Kruglikov –
The Founder of the Yaroslavl Criminal Law School 6
- Konyakhin V.P., Poltavets V.V.*
The Doctrine of Mitigating
and Aggravating Circumstances:
The Doctrinal Model of Professor L.L. Kruglikov 15
- Lapshin V.F.* Administrative Prejudice –
A Technique of Legislative Drafting in Criminal Law:
“Necessary!”, “No!” or “Somehow Like This...” 25
- Larionova L.N.* Genesis of Mitigating
and Aggravating Circumstances
in the Criminal Code of the Russian Federation 32
- Lobanova L.V.* On the Issue
of Facultative Features
Characterizing the Object of a Crime 38
- Malimonova M.A.* Specific Issues
of the Effectiveness of Using Presumptions
and Fictions in the Institution of Criminal Records 46
- Pikurov O.N.* Crime and Tort:
On the Issue of the Economy of Criminal Repression 53
- Ponomarev V.G.*
Abuse of Subjective Right as a Legal Construct
in Criminal Law 61
- Rozhnov A.P.* Some Issues
of Legislative Support for the Effectiveness
of Unification of Judicial Practice
in Criminal Cases 72

THEORY AND PRACTICE OF STATE LEGAL DEVELOPMENT

- Terekhov E.M.* The System of Interpretative Acts
in the Russian Federation:
Concept and Prerequisites for Formation 82
- Nurzhanova A.K.* Regulatory Requirements
for the Formatting of Draft Laws
in the Russian Federation
and the Republic of Kazakhstan 89
- Kerdan L.N.*
Judicial Law Enforcement Acts-Actions:
A Technical-Legal Aspect 97

ISSUES

OF PRIVATE LAW REGULATION: HISTORY AND MODERNITY

- Ablyatipova N.A., Derkach A.A.*
Problems of Conclusion of Civil Legal Contracts
in the Donetsk People’s Republic, Lugansk People’s
Republic, Zaporozhie and Kherson Regions 102
- Fedorova P.A.* On the Principle of Inadmissibility
of Arbitrary Interference in the Private Affairs
of Holders of Limited Property Rights 111

PROCEDURAL LAW: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

- Rossinskiy S.B.* Protocols-as-Evidence
in Criminal Proceedings:
Normative-Onomastic Anomalies 118
- Milikova A.V.*
Forms of Criminal Procedure Acts 126
- Surov V.V.* Termination of a Criminal Case
and Criminal Prosecution
as an Alternative Form
of Resolving a Criminal Law Conflict 132
- Dekhter A.A.* Specific Cases
of Imposing a Monetary Penalty
for Non-Compliance
with Procedural Obligations
by Participants in Criminal Proceedings 138

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION

- Kazachenkov S.D.* Legal Innovations
in Tax Administration:
Adaptation Models and the Transformation
of Legal Regulation in the Digital Age 145

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Dzhakipov U.D.* Restrictions on Civil Rights
of Internal Affairs Officers:
A Comparative Legal Analysis
of the Legislation of the Russian Federation
and the Kyrgyz Republic 151
- Udodov G.A.* Evolution of the Legal Foundations
of the BRICS Anti-Drug Policy
in the Summit Declarations (2009–2024) 158

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.1>

UDC 343.01

LBC 67.408-32

Submitted: 06.02.2026

Accepted: 27.02.2026

LEV L. KRUGLIKOV – THE FOUNDER OF THE YAROSLAVL CRIMINAL LAW SCHOOL

Artem V. Ivanchin

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Mikhail N. Kaplin

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

Introduction: L.L. Kruglikov, who worked at P.G. Demidov Yaroslavl State University, passed away on April 25, 2025, at the age of 85. As his creative legacy, L.L. Kruglikov left the doctrine of legislative technique in criminal law and the doctrine of differentiation of criminal responsibility, as well as more than 50 students who defended candidate and doctoral dissertations. The **purpose** of the study is to systematize and evaluate the scientific heritage left by L.L. Kruglikov and to promote its popularization, dissemination, and use in scientific discourse. **Methods:** general scientific methods (formal-logical and system-structural), as well as special legal methods (formal-legal and historical-legal), were used. The general methodological framework was the dialectical method. As a **result** of the study, it is found that L.L. Kruglikov has made a significant contribution to the development of criminal law science, in particular, the theory of sentencing, the doctrine of differentiation of criminal responsibility, and the doctrine of legal technique in criminal law. **Conclusion:** L.L. Kruglikov's ideas on legislative technique in criminal law and the differentiation of criminal responsibility, along with his views on other fundamental issues, form the scientific basis of the Yaroslavl Criminal Law School, serving as its ideological foundation and methodological framework.

Key words: Kruglikov Lev L., Yaroslavl Criminal Law School, legislative technique, differentiation of criminal responsibility, criminal law, Criminal Code of the Russian Federation.

Citation. Ivanchin A.V., Kaplin M.N. Lev L. Kruglikov – The Founder of the Yaroslavl Criminal Law School. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 6-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.1>

УДК 343.01

ББК 67.408-32

Дата поступления статьи: 06.02.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ЛЕВ ЛЕОНИДОВИЧ КРУГЛИКОВ – ОСНОВАТЕЛЬ ЯРОСЛАВСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ШКОЛЫ

Артем Владимирович Иванчин

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Михаил Николаевич Каплин

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Введение: Л.Л. Кругликов, трудившийся в Ярославском государственном университете им. П.Г. Демидова, ушел из жизни 25 апреля 2025 года в возрасте 85 лет. В качестве своего творческого наследия он оставил учение о законодательной технике в уголовном праве и учение о дифференциации уголовной ответственности, а также более 50 учеников, защитивших кандидатские и докторские диссертации. **Цель** исследования состоит в систематизации и оценке оставленного Л.Л. Кругликовым научного наследия, способствовании его популяризации, распространению и использованию в научном обороте. **Методы:** применялись общенаучные методы: формально-логический, системно-структурный; специально-юридические методы: формально-юридический, историко-юридический. Общей методологической базой послужил диалектический метод. **В результате** исследования удалось выяснить, что Л.Л. Кругликов внес значительный вклад в развитие уголовно-правовой науки, в частности, теории назначения наказания, учения о дифференциации уголовной ответственности и учения о юридической технике в уголовном праве. **Вывод:** идеи Л.Л. Кругликова о законодательной технике в уголовном праве и дифференциации уголовной ответственности наряду с его воззрениями по иным фундаментальным вопросам образуют научную основу Ярославской уголовно-правовой школы, выступая ее идеологическим базисом и методологической основой.

Ключевые слова: Кругликов Лев Леонидович, Ярославская уголовно-правовая школа, законодательная техника, дифференциация уголовной ответственности, уголовное право, Уголовный кодекс РФ.

Цитирование. Иванчин А. В., Каплин М. Н. Лев Леонидович Кругликов – основатель Ярославской уголовно-правовой школы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.1>

Введение

Лев Леонидович Кругликов, известный российский ученый-правовед, возглавлявший Ярославскую уголовно-правовую школу в рамках Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, ушел из жизни 25 апреля 2025 года в возрасте 85 лет. В качестве своего творческого наследия Л.Л. Кругликов оставил учение о законодательной технике в уголовном праве и учение о дифференциации уголовной ответственности, а также более 50 учеников, защитивших кандидатские и докторские диссертации. Сегодня в Демидовском университете трудятся профессор А.В. Иванчин (ректор), доценты С.Д. Бражник, Д.А. Калмыков, М.Н. Каплин (заведующий кафедрой уголовного права и криминологии), М.В. Ремизов, Р.Ю. Смирнов, О.Г. Соловьев, А.Ф. Соколов (заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики), О.Е. Спиридонова, Е.Е. Язева (Пухтий). Другие последователи Л.Л. Кругликова работают в различных вузах и учреждениях нашей страны, в частности, А.А. Князьков, В.Ф. Лапшин, Л.В. Лобанова, В.Н. Некрасов, К.К. Панько, С.А. Санташов.

Указанное трагическое событие возлагает на учеников и научное юридическое сообщество обязанность систематизировать и оценить оставленное Л.Л. Кругликовым научное наследие, способствовать его популяризации, распространению и использованию со-

ответствующих идей, открытий и предложений в научном обороте.

Общая характеристика научной деятельности

С 1969 года Л.Л. Кругликов обучался в очной аспирантуре Свердловского юридического института (в настоящее время – Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева), в 1971 году досрочно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Способ совершения преступления: вопросы теории».

В 1971 году по приглашению профессора Я.О. Мотовиловкера, возглавлявшего кафедру в Ярославском государственном университете, ученый переехал в Ярославль, где жил и творил до конца своих дней.

В 1986 году Л.Л. Кругликов защитил докторскую диссертацию на тему «Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации».

Л.Л. Кругликов внес значительный вклад в развитие уголовно-правовой науки, в частности, теории назначения наказания, учения о дифференциации уголовной ответственности и учения о юридической технике в уголовном праве. Он является автором и соавтором свыше 650 научных работ, в том числе более 50 книг – монографий, учебников, научных и

учебных пособий, комментариев. Ряд из них опубликован за рубежом (в Китае, Казахстане, Беларуси и т. д.). В последние годы он постоянно возглавлял одну из секций Конгресса уголовного права, проводимого на базе Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В разные периоды жизни Л.Л. Кругликов был членом двух диссертационных советов по присуждению ученой степени доктора и кандидата юридических наук: при Казанском (Приволжском) федеральном университете и Самарском национальном исследовательском университете им. С.П. Королева. За выдающиеся заслуги в сфере юридической науки в 1996 году ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В 2004 году был награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

К числу наиболее известных научных трудов, выпущенных как им лично, так и в соавторстве, относятся: «Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве» (Воронеж, 1985), «Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания» (Ярославль, 1986), «Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступления» (Ярославль, 1989), «Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка» (Екатеринбург, 1994), «Преступления против личности»: в 2 ч. (Ярославль, 1998), «Проблемы теории уголовного права» (Ярославль, 1999), «Российское уголовное право: Курс лекций»: в 5 т. Т. 2 (Владивосток, 1999), «Презумпции в уголовном праве» (Ярославль, 2000), «Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания)» (Ярославль, 2001), «Проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания (на примере анализа экономических преступлений)» (Караганда, 2001), «Дифференциация ответственности в уголовном праве» (СПб., 2003), «Юридические конструкции и символы в уголовном праве» (СПб., 2005), «Общие начала назначения наказания» (Караганда, 2006), «Унификация в уголовном праве» (СПб., 2008), «Экономические преступления в бюджетной и кредитно-финансовой сфе-

рах: вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности» (Ярославль, 2008) и др.

Под руководством Л.Л. Кругликова была подготовлена также серия комментариев к Уголовному кодексу России (в 1994, 1996, 2002, 2003, 2005 и др.), учебников по Общей (1999, 2005) и Особенной частям уголовного права (1999, 2004, 2005).

Л.Л. Кругликов не просто создал Ярославскую уголовно-правовую школу и руководил ею, но и заложил ее научную основу. В качестве одного из приоритетных направлений научной работы кафедры он обозначил исследование проблем юридической техники применительно к отраслям криминального цикла, с упором преимущественно на законодательную технику. Однако этим направлением сфера интересов Ярославской уголовно-правовой школы не ограничивается, она в настоящее время включает также проблематику дифференциации и индивидуализации ответственности в уголовном праве, технику конструирования и применения норм об экономических и служебных преступлениях. Научная школа «Юридическая техника и дифференциация ответственности в уголовном праве» (Ярославская уголовно-правовая школа) признается одной из ведущих научных школ страны по своему профилю, то есть по вопросам юридической техники и дифференциации ответственности [12, с. 4; 9, с. 367].

Учение о законодательной технике

Законодательная техника является видом юридической техники. Несмотря на это, понятия законодательной и юридической техники в доктрине зачастую отождествляются. Л.Л. Кругликов, взявшись за разработку учения о юридической технике в уголовном праве, сразу же заявил, что не нужно замыкать ее рамками правотворчества, поскольку она присутствует практически во всех видах практики, не менее важна в правоприменении и толковании норм права [7, с. 3–4]. В последующем он отмечал, что отождествление законодательной и юридической техники неточно как минимум по двум причинам: «Во-первых, последняя как категория, более широкая по предмету, охватывает собой процесс “изготов-

ления” не только собственно законов, но и иных нормативных правовых актов. Во-вторых, она имеет отношение и к правотворчеству, и к интерпретационной практике, и к правоприменительной деятельности, то есть по сфере применения она шире. Законодательная же техника – в точном смысле этого слова – призвана “дать законы”, сформулировать их, то есть касается правотворческой деятельности государства» [8, с. 8].

Эта мысль в последующие годы получила развитие не только в научных исследованиях учеников Л.Л. Кругликова, но и едва ли не всеобщее признание в целом в правовой науке. И это не удивительно, поскольку само слово «юридическая», привязанное к понятию техники, указывает на всю область юридической практики, где требуются определенные знания, умения, навыки. Отсюда выделение различных видов юридической техники, в том числе законодательной, то есть признание их родовидовых отношений, заслуживает несомненной поддержки.

Л.Л. Кругликов являлся сторонником так называемого узкого подхода к законодательной технике. При широком подходе понятием законодательной техники охватывают не только интеллектуальные операции по переводу законодательной воли в содержание и форму права, но и различного рода организационные и процедурные правила законотворчества, например, порядок подготовки законопроекта и его обсуждения в парламенте страны, иные вопросы правотворческой процедуры (круг субъектов законодательной инициативы и т. д.), правила и приемы опубликования законов, организационно-методические правила перевода актов с одного языка на другой и др. В этом плане Л.Л. Кругликов верно подметил, что при столь широкой трактовке законодательная техника «смыкается с понятием правотворчества, нормообразования, с технологией подготовки, обсуждения, принятия и опубликования правовых актов...», а поэтому «понятие законодательной техники в узком смысле наиболее адекватно отражает его суть в нормотворческой деятельности, в том числе в области уголовного права». «Недопустимо, с одной стороны, расширять его рамки за счет положений организационно-процессуального (процедурного характера), а с другой – огра-

ничивать его словесно-документальной формой того или иного нормативно-правового предписания либо же строением (структурой) нормативного акта или его составляющих (разделов, статей и т. д.)» [7, с. 4].

Широкий подход имеет сторонников и среди специалистов в области уголовного права. Так, А.И. Ситникова понимает под законодательной техникой «организационно-процедурные правила и операции технического порядка по структурированию, внешнему оформлению законопроекта, проведению экспертизы, обсуждению, опубликованию и вступлению в силу законов» [14, с. 72; 13, с. 194]. Безусловно, процедура и организация законотворческого процесса, порядок опубликования нормативных актов и т. п. – важные вопросы правотворчества. Но вместе с тем их необходимо отличать от деятельности по выработке нормативных предписаний, проработке их содержания и формы, которые, собственно говоря, образуют сущность законодательной техники.

Основными средствами законодательной техники являются юридические конструкции, терминология, презумпции, фикции, символы и аксиомы. Рассматривая дискуссионный вопрос о круге средств уголовно-законодательной техники, Л.Л. Кругликов пришел к следующему выводу: «Применительно к современному уровню (состоянию) общей теории российского права есть основания оперировать в науке российского уголовного права понятиями: а) юридической конструкции, б) терминологии, в) презумпции, г) юридической фикции, д) символов и е) аксиом» [8, с. 11]. Каждый из названных компонентов законодательной техники в работах автора получил обстоятельную характеристику. Более того, из шести названных им средств законодательной техники четыре были детально исследованы на уровне кандидатских диссертаций его учениками [11; 2; 15; 4].

Спустя годы можно говорить о том, что сбылся и прогноз Л.Л. Кругликова: «По мере развития теории будут вычленены и иные средства – как уже фактически используемые законодателем, так и могущие быть использованными для нормативного закрепления, юридического выражения воли законодателя» [8, с. 11]. Действительно, реальный спектр средств и приемов законодательной техники

столь широк, что попытка формулировать их закрытый перечень изначально обречена на неудачу. Сюда относятся все мыслимые средства, приемы и правила (законы) научного познания, включая богатый логический инструментарий, всевозможные способы и средства организации и проработки правовых норм, апробированные в ходе многочисленных кодификаций инструменты и методы доведения содержания и формы права до «идеального» состояния и т. д.

Так, например, в уголовном правотворчестве не меньшую роль в сравнении с такими приемами законодательной техники, как презумпции и фикции, названные выше, играют классические логические приемы – определения и классификации. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к ч. 1 ст. 14 УК РФ (дефиниция преступления), ст. 15 (классификация преступлений), ст. 17 (определение совокупности преступлений), ст. 18 (дефиниция и классификация рецидива преступлений) и т. д. Разумеется, будучи примененными законодателем, определение (дефиниция) и классификация имеют полное право быть отнесенными к арсеналу законодательной техники.

Л.Л. Кругликов заметно углубил традиционное представление о классификации составов преступлений, которая является предпосылкой их оптимального конструирования. В теории уголовного права общепринятым является выделение формальных и материальных составов. Некоторыми специалистами наряду с ними также выделяются усеченные составы и составы создания опасности, иногда они рассматриваются в рамках первых двух. Так, А.В. Наумов делит составы преступлений по конструкции объективной стороны на два вида: материальные и формальные, а усеченные составы рассматривает как разновидность последних [10, с. 337].

В свою очередь, Л.Л. Кругликов обратил внимание на тот факт, что использование момента окончания преступления как основания деления позволяет выделить не только указанные виды составов, но и осуществить гораздо более дробную их классификацию. В результате он полагал возможным вести речь, как минимум, о шести видах состава, поскольку «в одних нормах момент окончания преступления связывается с фактическим наступлением по-

следствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия), причем оказавшихся успешными для виновного, хотя и не повлекших преступных последствий (о них не говорится в диспозиции статьи), в четвертых – с формальным моментом окончания деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приготовительными действиями» [7, с. 9–10].

Указанная идея Л.Л. Кругликова получила дальнейшее развитие не только в трудах ярославских исследователей [3], но была воспринята и активно поддержана коллегами из других вузов России. В частности, А.Г. Безверхов предложил различать (1) классификацию конструкций «составов оконченного преступления» по признаку наличия (отсутствия) общественно опасного последствия (составы материальные, формальные, формально-материальные и деликты реальной опасности) и (2) классификацию конструкций «составов оконченного преступления» по признаку «создания условий для совершения преступления» (составы усеченные, с двойной превенцией, деликты соучастников и пр.) [1, с. 71].

При этом недопустимо, на наш взгляд, как это порой делается, отождествление с позиции момента окончания преступления составов создания опасности и усеченных составов [5, с. 13]. Между составами угрозы («деликтами создания опасности», как их еще именуют) и усеченными составами имеются существенные отличия, в том числе по моменту окончания преступления. Если преступление, создающее опасность, окончено в момент создания этой самой опасности (ч. 1 ст. 215 УК РФ и др.), то преступление с усеченным составом является юридически завершенным на стадии фактически приготовительных действий или начала исполнения объективной стороны (разбой, бандитизм и др.).

Учение о дифференциации уголовной ответственности

Под дифференциацией уголовной ответственности Л.Л. Кругликов понимал ее разделение на различные части, формы, ступени в зависимости от характера общественной опасности деяния и деятеля. Детально он рас-

смотрел процесс дифференциации, ее этапы и средства, правила осуществления.

От дифференциации уголовной ответственности необходимо ограничивать ее индивидуализацию, ключевым этапом которой является назначение наказания. Л.Л. Кругликов обстоятельно исследовал общие начала назначения наказания, институты смягчающих и отягчающих обстоятельств, правила их законодательной регламентации. Игнорирование данных теоретических наработок привело к появлению на определенное время несправедливого отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение умышленного преступления соотрудником органа внутренних дел).

Диалектически противоположным дифференциации ответственности является процесс ее унификации, при помощи которого устраняется дублирование уголовно-правового материала, излишняя дифференциация в уголовном праве (например, необоснованным выглядит самостоятельное существование норм, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ).

Большое значение в разрезе учения о дифференциации уголовной ответственности имеют разработанные Л.Л. Кругликовым правила конструирования квалифицированных составов преступлений с подразделением их на две группы: 1) относящиеся к содержанию и 2) относящиеся к форме [6, с. 424–440; 3, с. 98–105]. Правотворческую ценность представляют рекомендации о целесообразности «блокового способа» изложения квалифицирующих признаков («по горизонтали» и «по вертикали»). В частности, необходимо системное и последовательное использование «вертикальных связей» квалифицирующих признаков типа: группа лиц по предварительному сговору (ч. 2) – организованная группа (ч. 3); крупный размер (ч. 2) – особо крупный размер (ч. 3); крупный ущерб (ч. 2) – особо крупный ущерб (ч. 3). Естественно, следует также учитывать специфику соответствующих преступлений.

Нарушение этого правила приводит к тому, что иногда законодатель, например, оценив повышенный уровень общественной опасности организованной группы и введя соответствующий квалифицирующий признак, не отражает общественную опасность совершения преступления в составе группы лиц по

предварительному сговору, фактически приравняв данное обстоятельство к единоличному совершению преступления.

Использование указанных правил и рекомендаций способно ощутимо повысить качество действующего УК РФ. В частности, законодатель в ст. 131 и 132 кодекса произвел дифференциацию ответственности по признаку возраста потерпевшего: несовершеннолетний (п. «а» ч. 3 ст. 131 и п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ) и потерпевший, не достигший четырнадцатилетнего возраста, то есть малолетний (п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ). Поэтому в определенных случаях, естественно с учетом криминологических показателей того или иного опасного деяния, имеет смысл, в целях углубления дифференциации уголовной ответственности, использовать «вертикальную связку» квалифицирующих признаков «в отношении несовершеннолетнего – в отношении малолетнего (не достигшего четырнадцатилетнего возраста)».

Также Л.Л. Кругликов обоснованно указывал на недопустимость чрезмерной дифференциации уголовной ответственности, усложняющей уголовный закон. Например, на сегодняшний день слишком глубокая градация ответственности произведена в ст. 228.1 УК РФ, в которой выделено целых пять частей.

Критической оценки с позиции взглядов Л.Л. Кругликова заслуживает фактическое появление в УК РФ новых привилегированных составов (ст. 159.1–159.6, ст. 204.2, 291.2 УК РФ), применение которых должно носить исключительный характер.

Развитие теории дифференциации видится в унификации типов санкций, исследованием которых также занимался Л.Л. Кругликов, чтобы при переходе от части первой статьи Особенной части УК РФ к последующим частям законодатель использовал более строгую типовую разновидность санкции.

Выводы

Идеи Л.Л. Кругликова о законодательной технике в уголовном праве и дифференциации уголовной ответственности наряду с его воззрениями по иным фундаментальным вопросам образуют научную основу Ярославской уголовно-правовой школы, выступая ее

идеологическим базисом и методологической основой.

Сформированный научный задел дает возможность продолжать исследования в данных направлениях, применяя учение о законодательной технике и дифференциации уголовной ответственности в отношении новых норм и институтов Общей и Особенной части уголовного права. Как правило, по данному принципу продолжают формулироваться темы диссертационных исследований, проводимых на базе кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Открытые Л.Л. Кругликовым методы исследования позволяют получать вы-

воды, обладающие научной новизной, а также обосновывать их. На текущем этапе данный подход заимствуется представителями других уголовно-правовых школ, вопросы законодательной техники и дифференциации ответственности отражаются в наименованиях и содержании диссертационных работ, выполненных в различных регионах нашей страны.

При участии Л.Л. Кругликова были подготовлены тысячи высококлассных юристов, создана и продолжает свое существование Ярославская уголовно-правовая школа, его идеи живут в правовой науке, образовательном процессе, практической юридической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безверхов, А. Г. Типология составов преступлений (некоторые проблемы законодательного конструирования) / А. Г. Безверхов // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. – Тольятти : Изд-во Волжского ун-та, 2011. – Ч. III. – С. 58–71.
2. Зуев, Ю. Г. Презумпции в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Зуев Юрий Геннадьевич. – Казань, 2000. – 25 с.
3. Иванчин, А. В. Концептуальные основы конструирования состава преступления : дис. ... д-ра юрид. наук / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль, 2014. – 436 с.
4. Иванчин, А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
5. Козаев, Н. Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Козаев Нодар Шотаевич. – Краснодар, 2016. – 61 с.
6. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: избранные статьи. 2000–2009 гг. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2010. – С. 424–440.
7. Кругликов, Л. Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве : сб. науч. ст. / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1996. – С. 3–14.
8. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2005. – 336 с.
9. Лапшин, В. Ф. Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований Ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей Северо-Западного региона) / В. Ф. Лапшин, В. Н. Некрасов // Пенитенциарная наука. – 2024. – Т. 18, № 4 (68). – С. 367–375.
10. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2023. – 832 с.
11. Панько, К. К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменения) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Панько Кирилл Константинович. – Воронеж, 1998. – 19 с.
12. Семенов, Я. И. Законодательная техника в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Семенов Ярослав Игоревич. – Челябинск, 2007. – 22 с.
13. Ситникова, А. И. Законодательная текстология уголовного права / А. И. Ситникова. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 343 с.
14. Ситникова, А. И. Законодательная техника и законодательная технология конструирования института неоконченного преступления / А. И. Ситникова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 24–25 янв. 2008 г. – М. : МГЮА, 2008. – С. 72–74.

15. Спиридонова, О. Е. Символ как предмет преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Спиридонова Ольга Евгеньевна. – Казань, 2002. – 20 с.

REFERENCES

1. Bezverkhov A.G. Tipologiya sostavov prestuplenij (nekotorye problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya) [Typology of Crimes (Some Problems of Legislative Construction)]. *Tatishchevskie chteniya: aktualnye problemy nauki i praktiki: materialy VIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Tatishchev Readings: Current Issues in Science and Practice. Proceedings of the 8th International Scientific and Practical Conference]. Tolyatti, Izd-vo Volzhskogo un-ta, 2011, pt. III, pp. 58-71.
2. Zuyev Yu.G. *Prezumpcii v уголовном праве: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Presumptions in Criminal Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan, 2000. 25 p.
3. Ivanchin A.V. *Konceptualnye osnovy konstruirovaniya sostava prestupleniya: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Conceptual Foundations of the Construction of the Corpus delicti. Dr. jurid. sci. diss.]. Yaroslavl, 2014. 436 p.
4. Ivanchin A.V. *Ugolovno-pravovye konstruksii i ikh rol v postroyenii ugovnogo zakonodatel'stva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Law Structures and Their Role in the Construction of Criminal Legislation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg, 2003. 24 p.
5. Kozayev N.Sh. *Sovremennye problemy ugovnogo prava, obuslovlennye nauchno-tekhnicheskim progressom: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Modern Problems of Criminal Law Caused by Scientific and Technological Progress. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2016. 61 p.
6. Kruglikov L.L. Kvalificiruyushchiye priznaki kak sredstvo differenciacii ugovnoy otvetstvennosti: sovremennoye sostoyaniye [Qualifying Signs as a Means of Differentiating Criminal Responsibility: The Current State]. Kruglikov L.L. *Problemy teorii ugovnogo prava: izbrannye statyi, 2000–2009 gg.* [Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles, 2000–2009]. Yaroslavl, Yaroslavl. gos. un-t im. P.G. Demidova, 2010, pp. 424-440.
7. Kruglikov L.L. O sredstvakh zakonodatel'noy tekhniki v ugovnom prave [On the Means of Legislative Technique in Criminal Law]. Kruglikov L.L., ed. *Problemy juridicheskoy tekhniki v ugovnom i ugovno-processualnom zakonodatel'stve: sb. nauch. st.* [Problems of Legal Technology in Criminal and Criminal Procedure Legislation. Collection of Scientific Articles]. Yaroslavl, 1996, pp. 3-14.
8. Kruglikov L.L., Spiridonova O.Ye. *Yuridicheskiye konstruksii i simvoly v ugovnom prave* [Legal Structures and Symbols in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2005. 336 p.
9. Lapshin V.F., Nekrasov V.N. Differenciatsiya otvetstvennosti i zakonodatel'naya tekhnika kak klyuchevye napravleniya nauchnykh issledovaniy Yaroslavskoy ugovno-pravovoy shkoly (na primere dissertatsiy predstavitelej Severo-Zapadnogo regiona) [Differentiation of Responsibility and Legislative Technique as Key Areas of Scientific Research at the Yaroslavl Criminal Law School (On the Example of Dissertations by Representatives of the North-Western Region)]. *Penitentsiarnaya nauka* [Penitentiary Science], 2024, vol. 18, no. 4 (68), pp. 367-375.
10. Naumov A.V. *Rossiyskoye ugovnoye pravo: kurs lekcij. V 3 t. T. 1. Obschaya chast* [Russian Criminal Law. Lecture Course. In 3 Vols. Vol. 1. The General Part]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 832 p.
11. Panko K.K. *Fikcii v ugovnom prave (v sfere zakonotvorchestva i pravoprimeneniya): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Fictions in Criminal Law (In the Field of Lawmaking and Law Enforcement). Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Voronezh, 1998. 19 p.
12. Semenov Ya.I. *Zakonodatel'naya tekhnika v ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Legislative Technique in Criminal Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2007. 22 p.
13. Sitnikova A.I. *Zakonodatel'naya tekstologiya ugovnogo prava* [Legislative Textual Criticism of Criminal Law]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2011. 343 p.
14. Sitnikova A.I. *Zakonodatel'naya tekhnika i zakonodatel'naya tekhnologiya konstruirovaniya instituta neokonchennogo prestupleniya* [Legislative Technique and Legislative Technology of Constructing the Institute of Unfinished Crime]. *Ugovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 24–25 yanv. 2008 g.* [Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference on January 24–25, 2008]. Moscow, MGYuA, 2008, pp. 72-74.
15. Spiridonova O.Ye. *Simvol kak predmet prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Symbol as an Object of Crime. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan, 2002. 20 p.

Information About the Authors

Artem V. Ivanchin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Rector, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 14, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, ivanchin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8859-256X>

Mikhail N. Kaplin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Sovetskaya St, 14, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, kaplin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3341-9623>

Информация об авторах

Артем Владимирович Иванчин, доктор юридических наук, профессор, ректор, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 14, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, ivanchin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8859-256X>

Михаил Николаевич Каплин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская, 14, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, kaplin@uniyar.ac.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3341-9623>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.2>

UDC 343.241

LBC 67.408.023-2

Submitted: 29.12.2025

Accepted: 27.02.2026

THE DOCTRINE OF MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES: THE DOCTRINAL MODEL OF PROFESSOR L.L. KRUGLIKOV

Vladimir P. Konyakhin

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Valeria V. Poltavets

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the doctrine of mitigating and aggravating circumstances in the interpretation of one of its main developers – Professor L.L. Kruglikov – as well as his numerous students and followers. **Research goals and objectives:** to show the significance of the rich creative heritage of L.L. Kruglikov for the development of domestic criminal law doctrine; the judicial practice of sentencing taking into account mitigating and aggravating circumstances; and the legislative approaches to reforming their lists and constructing special rules for accounting for these circumstances. **Methods:** in the process of preparing the work, the general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, classification, typologization, and modeling) and the specific scientific (logical-legal, historical-legal, comparative law, and sociological) research methods were applied. **Results:** the essence and legal nature of criminal law prescriptions forming the normative content of this doctrine are determined, as well as their specificity and relationship with the system of general sentencing rules. Based on the analysis of the content of the current criminal legislation, the practice of its application, and relying on the creative heritage of Professor L.L. Kruglikov, the distinctive features of these circumstances are established, revealing their theoretical and practical significance and contributing to their delimitation from other criminal law categories and institutions. **Conclusions:** based on the conducted research, taking into account the subsequent achievements of criminal law science and modern needs of judicial practice, the authors' definition of these circumstances is developed and a commentary on the latest innovations within Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation is provided. Furthermore, the ways to optimize the content of the list of aggravating circumstances, as well as special sentencing rules provided for in Article 65 of the Criminal Code of the Russian Federation, are identified.

Key words: mitigating circumstances, aggravating circumstances, sentencing, individualization of punishment, personality of the guilty, degree of public danger of the crime.

Citation. Konyakhin V.P., Poltavets V.V. The Doctrine of Mitigating and Aggravating Circumstances: The Doctrinal Model of Professor L.L. Kruglikov. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 15-24. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.2>

УДК 343.241

ББК 67.408.023-2

Дата поступления статьи: 29.12.2025

Дата принятия статьи: 27.02.2026

УЧЕНИЕ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ: ДОКТРИНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОФЕССОРА Л.Л. КРУГЛИКОВА

Владимир Павлович Коняхин

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Валерия Владимировна Полтавец

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Введение: статья посвящается учению об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание, в трактовке одного из основных разработчиков профессора Л.Л. Кругликова, а также его многочисленных учеников и последователей. **Цели и задачи исследования:** показать значение богатого творческого наследия Л.Л. Кругликова для развития отечественной уголовно-правовой доктрины, судебной практики назначения наказания с учетом смягчающих и отягчающих обстоятельств, а также законодательных подходов к реформированию их перечней и конструированию специальных правил учета названных обстоятельств. **Методы:** в процессе подготовки работы применялись общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, классификация, типологизация, моделирование) и частнонаучные (логико-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой, социологический) методы исследования. **Результаты:** определена сущность и юридическая природа уголовно-правовых предписаний, образующих нормативное содержание данного учения, а также их специфика и взаимосвязь с системой общих правил назначения наказания. Исходя из анализа содержания действующего уголовного законодательства, практики его применения и основываясь на творческом наследии профессора Л.Л. Кругликова, установлены отличительные признаки названных обстоятельств, раскрывающие теоретико-практическое значение последних и способствующие их отграничению от иных уголовно-правовых категорий и институтов. **Выводы:** на базе проведенного исследования с учетом последующих достижений науки уголовного права и современных потребностей судебной практики разработана авторская дефиниция указанных обстоятельств и дан комментарий к последним новеллам в рамках ст. 63 УК РФ. Кроме того, выявлены пути оптимизации содержания перечня отягчающих обстоятельств, а также специальных правил назначения наказания, предусмотренных ст. 65 УК РФ.

Ключевые слова: смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, назначение наказания, индивидуализация наказания, личность виновного, степень общественной опасности преступления.

Цитирование. Коняхин В. П., Полтавец В. В. Учение об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание: доктринальная модель профессора Л.Л. Кругликова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 15–24. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.2>

Введение

Изучение судебной практики показывает, что существенную роль при назначении наказания выполняют смягчающие и отягчающие обстоятельства, обеспечивающие его индивидуализацию. Об этом свидетельствуют следующие статистические данные, официально представленные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ (см. таблицу) [21].

Творческое наследие профессора Л.Л. Кругликова в контексте учения об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание

В доктрине уголовного права одним из основных разработчиков учения об обстоя-

тельствах, смягчающих и отягчающих наказание, стал создатель и руководитель Ярославской научной школы профессор Л.Л. Кругликов, которым был подготовлен целый ряд фундаментальных работ по данной проблематике [15–17; 9; 10]. Особую ценность в этом отношении представляет исследование, реализованное в рамках его докторской диссертации, блестяще защищенной в 1985 году [13].

Следует отметить, что в 70–80 гг. прошлого столетия в доктрине уголовного права еще не было единого представления о понятии и назначении указанных обстоятельств, характере связи последних с другими обстоятельствами, учитываемыми в процессе индивидуализации наказания, их основополагающих признаках и правовой природе.

Влияние смягчающих и отягчающих обстоятельств на назначение наказания

№	Год	Общее количество осужденных	Осуждено при наличии смягчающих обстоятельств		Осуждено при наличии отягчающих обстоятельств	
1	2024	512 845	451 370	88,10 %	101 550	19,80 %
2	2023	555 742	487 288	87,68 %	120 265	21,64 %
3	2022	578 774	506 491	87,51 %	122 233	21,12 %
4	2021	565 317	488 580	86,43 %	128 158	22,67 %
5	2020	530 998	451 782	85,08 %	134 532	25,34 %

Разрешению не только перечисленных, но и многих иных смежных проблем уголовно-правового характера был посвящен творческий путь профессора Л.Л. Кругликова. В частности, в работе «Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве» (1977 г.) Лев Леонидович, всесторонне исследуя сущность названных обстоятельств, пришел к обоснованному выводу, что советский уголовный закон оперирует терминами «смягчающие» и «отягчающие» обстоятельства как в Общей, так и в Особенной частях [15, с. 9]. Это явилось одной из причин возникновения научного спора о юридической природе рассматриваемых обстоятельств. По мнению ученого, «применение единой терминологии затушевывает характерные для каждой из этих групп существенные различия в части влияния на наказание», поэтому «уточнения в части терминологии оказали бы положительное влияние на теорию и практику» [15, с. 10]. Основываясь на понимании законодательных перечней смягчающих и отягчающих обстоятельств, Л.Л. Кругликов определял их как «обстоятельства, лежащие вне состава преступления, которые прямо или косвенно относятся к преступлению и (или) к личности преступника и сказываются на ответственности и наказании: а) ввиду их значительного влияния на большую или меньшую опасность преступления и личности (или только личности) виновного, либо б) в соответствии с требованиями социалистического гуманизма» [15, с. 18; 11, с. 56], когда речь идет только о смягчающих обстоятельствах [12, с. 5]. В то же время учет судом целого ряда смягчающих обстоятельств, не влияющих на степень опасности совершенного деяния и не связанных с ним (например, наличие малолетних детей у осужденного, беременность, состояние его здоровья, престарелый возраст, наличие боевых наград и др.), как раз и обусловлен реализацией принципа гуманизма.

В целях систематизации Лев Леонидович изначально классифицировал все законодательно закрепленные смягчающие и отягчающие обстоятельства на две укрупненные группы: 1) относящиеся к преступлению и (или) к личности виновного, которые влияют на большую или меньшую степень общественной опасности таковых; 2) не проявив-

шиеся в преступлении, лежащие за его пределами (характеризующие степень опасности виновного и те, которые не обладают такой характеристикой, но влияют на наказание) [15, с. 15–16]. В последующем его взгляд по данному вопросу несколько трансформировался. Классификация была уточнена посредством распределения названных обстоятельств на четыре группы: «а) проявившиеся в преступлении; б) не проявившиеся, но связанные с ним; в) не связанные с содеянным, но характеризующие степень опасности личности; г) не сказывающиеся на степени опасности личности, но все же характеризующие лицо, совершившее преступление» [14, с. 119].

Проведенное исследование позволило ученому выявить, логически обосновать и описать совокупность отличительных свойств рассматриваемых обстоятельств, обязательных для их включения в законодательно определенные перечни: типичность, обязательность (безусловность) и строго определенная направленность влияния [15, с. 18]. При этом минимально необходимый набор таковых признаков, по мнению Л.Л. Кругликова, составляют следующие: нехарактерность для большинства преступных деяний и значительность влияния на наказание [16, с. 84]. Впоследствии вышеназванные признаки были дополнены еще одним, а именно непроизводностью от других смягчающих и отягчающих обстоятельств [11, с. 56].

Как справедливо полагал ученый, значительность влияния на уровень опасности преступления и преступника того или иного обстоятельства позволяет суду в каждом случае назначения наказания их распознать, вычленив и зафиксировать в силу очевидности. Под типичностью обстоятельств он понимал характерность названных обстоятельств для более или менее обширного круга преступлений. Обязательность влияния, по его мнению, означает, что обстоятельство, зафиксированное в законе, сказывается на уровне общественной опасности по общему правилу во всех тех случаях, когда оно в наличии, независимо от конкретных особенностей содеянного и личности. Направленность предполагает, что указанное в законе обстоятельство способно во всех преступлениях либо только повышать,

либо только снижать общественную опасность [15, с. 17–20]. На взгляд Л.Л. Кругликова, в названный перечень не должны входить также обстоятельства, производные от других, уже включенные туда, то есть отраженные в законе [11, с. 56].

Роль обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, Л.Л. Кругликовым определялась посредством описания их комплексного значения, а именно: как одного из критериев общих начал, как фактора, способствующего избранию наказания [15, с. 23], а также как средства не только индивидуализации наказания, но и ответственности в целом [15, с. 31–32]. Учитывая только зарождающуюся на тот период времени систему специальных правил назначения наказания, данное заявление звучало весьма инновационным образом. Научная прозорливость ученого задавала тон для дальнейшего исследования значения смягчающих и отягчающих обстоятельств в рамках института назначения наказания, в определенной мере способствуя развитию доктринального осмысления и законодательного оформления отдельной группы правил, раскрывающих порядок их учета и влияния на меру наказания [18, с. 113].

Выступая сторонником расширенного понимания функционального предназначения названных обстоятельств (как средств индивидуализации уголовной ответственности [7, с. 11]), Лев Леонидович принимал во внимание в данном случае положения ст. 75, 90 УК РФ. В связи с этим имеющееся наименование рассматриваемых обстоятельств представлялось ученому не идеальным, как и «обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину» [11, с. 57]. Более того, в ходе проводимых исследований он неоднократно подчеркивал тесную взаимосвязь названных обстоятельств не только с признаками состава преступления, но также с институтами освобождения от уголовной ответственности и наказания.

В рамках данного вопроса следует констатировать, что Л.Л. Кругликов неизменно отмечал законодательную непоследовательность и необоснованность существования закрытого перечня отягчающих обстоятельств [15, с. 59; 11, с. 57].

Развитие идей профессора Л.Л. Кругликова в трудах его учеников и последователей

Вышеприведенные научные наработки профессора Л.Л. Кругликова во многом были положительно восприняты представителями доктрины и практики, что нашло отражение и развитие в трудах таких его учеников и последователей, как, например, М.И. Бажанов [2], О.А. Мясников [19], С.П. Донец [5] и М.И. Качан [6].

В частности, М.И. Бажанов к указанным обстоятельствам относил различного рода факторы, характеризующие личность виновного и совершенное им преступление, которые, соответственно, уменьшают либо повышают общественную опасность преступления и преступника, а следовательно, и степень ответственности осужденного [2, с. 39]. Подобной точки зрения придерживались и иные ученые [1, с. 20; 22, с. 105]. При этом М.И. Бажановым была поддержана точка зрения Л.Л. Кругликова относительно учета интенсивности, глубины выраженности любого признака состава при определении судом меры уголовно-правового воздействия [15, с. 40].

О.А. Мясников, солидаризируясь с Л.Л. Кругликовым относительно понимания отличительных свойств рассматриваемых обстоятельств, характеризует их как средства индивидуализации наказания, установленные в законе или признанные таковыми судом (только смягчающие обстоятельства), свидетельствующие о понижении или повышении общественной опасности преступного деяния и личности виновного, либо принимаемые во внимание на основе принципов гуманизма и справедливости, подлежащие учету при избрании меры наказания всякому лицу, признанному виновным в совершении преступления, по любому уголовному делу [19, с. 20].

С.П. Донец расширил и уточнил ранее сформулированное его научным руководителем Л.Л. Кругликовым понятие рассматриваемых обстоятельств, предложив закрепление такового в УК РФ в следующем формате: смягчающие и отягчающие обстоятельства – это 1) не относящиеся к признакам состава преступления; 2) обстоятельства субъективного

и объективного порядка, 3) влияющие на конкретную степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего, или характеризующие только личность виновного; 4) обладающие значительностью влияния, вследствие чего существенно уменьшающие или увеличивающие объем уголовной ответственности и строгость наказания [5, с. 5].

По мнению М.И. Качан, обстоятельства, смягчающие наказание, – это не только средства индивидуализации, но и дифференциации наказания [6, с. 8]. Однако, принимая во внимание правовую природу рассматриваемых обстоятельств, более последовательной в этом случае представляется точка зрения С.А. Бражниковой, характеризующей отягчающие обстоятельства исключительно как средства индивидуализации наказания [3, с. 7].

Выводы

Базируясь на творческом наследии профессора Л.Л. Кругликова и его последователей, а также учитывая содержание современного уголовного законодательства и актуальные потребности судебной практики, можно констатировать следующее.

Во-первых, заслуживает полной поддержки позиция о понимании различий в правовой природе признаков состава преступления, в том числе квалифицирующих / привилегирующих, и обстоятельств, перечисляемых в ст. 61, 63 УК РФ, а также учитываемых судом в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 61 УК РФ. Об этом свидетельствует не только отраженный в ч. 2 ст. 6, ч. 3 ст. 61, ч. 2 ст. 63 УК РФ запрет двойного учета таких обстоятельств, но и соответствующий ему порядок применения указанных в ч. 1, 2 ст. 62 УК РФ правил назначения наказания, допускающий смягчение наказания при наличии квалифицирующих признаков. Смягчающие и отягчающие обстоятельства, являясь средством индивидуализации наказания, всегда располагаются за пределами состава преступления, учитываются судом, не влияя при этом на квалификацию преступления.

Во-вторых, редакция ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 63 УК РФ была подвергнута коррективам. Произошедшие трансформации содержания указанных статей, к сожалению, не всегда

органично вписываются в уголовно-правовую материю. Более упорядоченными в данном случае выглядят положения ч. 1 ст. 61 УК РФ, где обстоятельства, характеризующие совершенное деяние и личность виновного, предшествуют перечислению обстоятельств, определяющих позитивное посткриминальное поведение виновного. Вместе с тем последовательное, лаконичное и систематизированное изложение данного перечня представляется в следующем порядке: 1) обстоятельства, понижающие опасность преступления и личности субъекта, его совершившего (п. «а», «д», «е», «ж», «з»); 2) обстоятельства, раскрывающие личностные характеристики виновного вне связи с преступлением (п. «б», «в», «г»); 3) обстоятельства, описывающие посткриминальное поведение такого лица (п. «и», «к»).

В свою очередь, все обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 63 УК РФ, целесообразно дифференцировать следующим образом. 1. Отражающие степень общественной опасности преступления: 1.1) особенности потерпевшего и его связь с виновным; 1.2) последствия, способ, орудия, средства, обстановка совершения преступления; 1.3) мотивы и цели преступления (п. «з», «п»; «б», «д», «к», «л», «н», «т», «ф»; п. «и», «ж», «е», «е.1», «м», «р», «с»). 2. Относящиеся к личности виновного и проявляющиеся во взаимосвязи с совершенным преступлением (п. «а», «в», «г», «у»). Однако в данном случае выпадает из контекста введенное Федеральным законом от 9 ноября 2024 г. № 384-ФЗ обстоятельство, предусмотренное в п. «у» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации», применение которого фактически не требует установления связи с преступным деликтом, негативно характеризуя исключительно виновного. Такой подход позволяет говорить об ужесточении уголовной ответственности и обоснованно вызывает определенную настороженность, поскольку служит базой для формирования новой тенденции¹.

В то же время заслуживает одобрения Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282, которым реализована идея Президента РФ В.В. Путина² о включении в число отягчающих наказание обстоятельств «совершение преступления с использованием программно-

аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен» (п. «ф» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Вполне очевидно, что объем причиняемого вреда в данном случае существенно возрастает, соразмерно увеличивая вредоносность как совершенного преступления, так и личности виновного. Вместе с тем, учитывая, что использование технологий искусственного интеллекта в противоправных целях возможно без доступа к информационно-телекоммуникационным сетям, ограниченным в доступе, вопрос об эффективном противодействии совершению преступлений, в ходе которого применялись технологии искусственного интеллекта, отнюдь не теряет своей актуальности и в настоящее время [4, с. 80].

В-третьих, исходя из понимания уголовно-правового значения названных обстоятельств для процесса индивидуализации наказания, следует подчеркнуть их относительную самостоятельность и особую значимость (весомость) не только в рамках системы общих, но и специальных правил назначения наказания. Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ и п. 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ учет обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в случае их выявления – это прямая обязанность суда [8, с. 411], нарушение которой влечет изменение приговора в соответствии со ст. 389.15 УПК РФ. Исключением в данном отношении является только одно обстоятельство, предусмотренное ч. 1.1 ст. 63 УК РФ.

Установление смягчающих обстоятельств предопределяет возможность (либо обязательность) применения правил назначения наказания, предусмотренных ст. 62, 64, 67, 68 и 89 УК РФ. Наличие отягчающих обстоятельств обуславливает выбор более сурового наказания в пределах санкции статьи Особенной части УК РФ, а также, согласно ч. 1 ст. 56 УК РФ, выступает обязательным условием избрания лишения свободы в определенных законом случаях, и, кроме того, делает невозможным применение целого ряда положений ст. 62 УК РФ.

В-четвертых, уголовно-правовое значение рассматриваемых обстоятельств выходит за рамки института назначения наказания, поскольку их учет необходим и при назначении условного осуждения (ч. 2 ст. 73 УК РФ), и при изменении категории преступления (ч. 6

ст. 15 УК РФ). В совокупности с иными факторами они учитываются при освобождении лица от уголовной ответственности. Вместе с тем считаем необходимым согласиться с Т.В. Непомнящей в том, что уяснение главенствующей роли смягчающих и отягчающих обстоятельств дела делает возможным вывод, что их следует именовать «обстоятельствами смягчения и отягчения наказания», поскольку данная формулировка ориентирует суды на учет этих обстоятельств именно при назначении наказания [20, с. 66]. Такое название рассматриваемых обстоятельств является уже длительный период времени традиционным и полностью согласуется с содержанием общих начал назначения наказания, частью которых они выступают (ч. 3 ст. 60 УК РФ), а также с расположением конкретизирующих их перечней в главе 10 УК РФ, целиком посвященной регламентации исключительно этих вопросов. Кроме того, исходя из понимания сути нормативных положений, раскрытых в ч. 1 ст. 61 и ч. 1 ст. 63 УК РФ, и вышеприведенных аргументов, выглядит весьма спорным наименование рассматриваемых обстоятельств как смягчающих либо отягчающих вину, что нашло отражение в ряде определений Конституционного Суда РФ (от 21 апреля 2011 г. № 492-О-О, от 29 сентября 2015 г. № 1969-О), касающихся учета судом психического расстройства при назначении наказания.

В-пятых, данные обстоятельства формируют представление о степени общественной опасности совершенного деяния и (или) личности виновного, однако не исчерпывают всего наполнения названных категорий. Иное противоречит пониманию принципа справедливости, зафиксированному в ч. 1 ст. 6 УК РФ. Содержание положений ч. 3 ст. 60 УК РФ также наглядно демонстрирует зависимость и тесную взаимосвязь смягчающих и отягчающих обстоятельств с совершенным деянием и личностью виновного, что позволяет сформировать представление о направленности их влияния и весомости (значимости) при выборе меры наказания. Опираясь на понимание положений, предусмотренных ч. 2 ст. 6, ч. 3 ст. 60 УК РФ, п. 6 ч. 1 ст. 299 УПК РФ, а также исходя из роли рассматриваемых обстоятельств в процессе индивидуализации наказания, представляются противоречивыми

требования ч. 4 ст. 65 УК РФ, запрещающие учитывать при назначении наказания обстоятельства, отягчающие наказание.

Фактически наблюдаемое исключение из общего правила не согласуется не только с правовой природой рассматриваемых обстоятельств (искусственно игнорируются признаки обязательности и значительности влияния), но и нарушает уголовно-процессуальные императивы об обоснованности принимаемых судебных решений. В рамках исследуемого вопроса представляет интерес подход, используемый законодателем в ч. 4 ст. 62 УК РФ, согласно которому смягчение наказания осуществляется посредством изменения drobных правил, что наблюдается при сравнении указанных положений с ч. 2 ст. 62 УК РФ. В свете изложенного думаем, что назрела необходимость изменения положений ст. 65 УК РФ посредством признания утратившими силу положений ч. 4 данной статьи и ее дополнения ч. 5 в следующей редакции: «Срок или размер наказания лицу, признанному присяжными заседателями виновным в совершении преступления, но заслуживающим снисхождения, при наличии отягчающих наказание обстоятельств, не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части».

В-шестых, наличие рассматриваемых обстоятельств всегда оказывает непосредственное влияние на меру наказания, смягчая или ужесточая ее, как в рамках санкции статьи Особенной части УК РФ, так и с выходом за таковые. Подтверждением этому является неоднократно высказанное Верховным Судом РФ суждение о недопустимости избрания судом максимально строгого наказания, предусмотренного в санкции, при наличии смягчающих обстоятельств. Кроме того, следует принимать во внимание, что нормативное оформление указанных перечней способствует не только четкому пониманию судом возможной направленности и учету тех или иных обстоя-

тельств, но и сбалансированности порядка назначения наказания и его индивидуализации, а значит, обеспечивает реализацию принципов назначения наказания в целом.

В-седьмых, исходя из понимания законодательного опыта развития положений, раскрывающих перечень рассматриваемых обстоятельств, важно отметить социально-экономическую и политическую (идеологическую) обусловленность их содержания, а также наполняемость последнего за счет влияния международного уголовного права.

В качестве квинтэссенции всего вышеизложенного можно предложить следующую дефиницию: *смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства – это предусмотренные уголовным законом или установленные судом (не нашедшие нормативного закрепления смягчающие обстоятельства) различного рода факторы объективного или субъективного характера, не являющиеся признаками состава преступления и в силу этого не влияющие на квалификацию содеянного, однако снижающие или, наоборот, повышающие степень опасности совершенного преступления и (или) личность виновного и подлежащие обязательному учету при назначении наказания.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В частности, авторами законопроекта № 499360-8 также было предложено внести изменения в ч. 1 ст. 63 УК РФ посредством ее дополнения пунктом «т») следующего содержания: «совершение умышленного преступления лицом, имеющим иностранное гражданство, или лицом без гражданства, ранее нарушившим и/или нарушающим правила въезда в Российскую Федерацию и/или режим пребывания (проживания) в Российской Федерации».

² Утвержденный В.В. Путиным перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства, состоявшегося 5 марта 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/76615>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, М. М. Индивидуализация наказания несовершеннолетних / М. М. Бабаев. – М. : Юрид. лит., 1968. – 120 с.

2. Бажанов, М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву / М. И. Бажанов. – Киев : Вища школа, 1980. – 216 с.
3. Бражникова, С. А. Институт отягчения наказания при его назначении в пределах санкции уголовного закона: по материалам судебной практики Краснодарского края : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Бражникова Светлана Анатольевна. – Краснодар, 2006. – 23 с.
4. Бхатт, Н. Преступления в эпоху искусственного интеллекта: гибридный подход к ответственности и безопасности в цифровую эру / Н. Бхатт // *Journal of Digital Technologies and Law*. – 2025. – № 3 (1). – С. 65–80. – DOI: 10.21202/jdtl.2025
5. Донец, С. П. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве: правовая природа, классификация, проблемы учета : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Донец Сергей Петрович. – Казань, 2003. – 17 с.
6. Качан, М. И. Обстоятельства, смягчающие наказание, в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Качан Марина Ивановна. – Ростов-на-Дону, 2005. – 25 с.
7. Кругликов, Л. Л. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2017. – Т. 16, № 3. – С. 8–13. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.3.1
8. Кругликов, Л. Л. Назначение наказания / Л. Л. Кругликов // *Уголовное право России. Часть Общая* : учеб. для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : БЕК, 2000. – С. 394–446.
9. Кругликов, Л. Л. Общие начала назначения наказания : монография / Л. Л. Кругликов. – Караганда : Болашақ-Баспа, 2006. – 44 с.
10. Кругликов, Л. Л. Общие начала назначения наказания : учеб.-метод. пособие. – 3-е изд., доп. / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 2015. – 44 с.
11. Кругликов, Л. Л. О принципах назначения уголовного наказания / Л. Л. Кругликов // *Юридическая техника*. – 2020. – № 14. – С. 54–57.
12. Кругликов, Л. Л. Отягчающие обстоятельства как ограничительное средство в российском уголовном праве / Л. Л. Кругликов // *Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники)*. – 2017. – № 6. – С. 3–12.
13. Кругликов, Л. Л. Правовые средства обеспечения справедливости наказания в процессе его индивидуализации : дис. ... д-ра юрид. наук / Кругликов Лев Леонидович. – Ярославль, 1985. – 365 с.
14. Кругликов, Л. Л. Практика учета судами смягчающих и отягчающих обстоятельств при назначении наказания / Л. Л. Кругликов // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2016. – № 1 (33). – С. 119–121.
15. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в советском уголовном праве : учеб. пособие / Л. Л. Кругликов ; под ред. Е. А. Фролова. – Ярославль : ЯрГУ, 1977. – 83 с.
16. Кругликов, Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Вопросы теории / Л. Л. Кругликов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
17. Кругликов, Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания : учеб. пособие / Л. Л. Кругликов. – Ярославль : ЯрГУ, 1986. – 70 с.
18. Лобанова, Л. В. Обеспечение справедливости наказания при рецидиве преступлений и наличии смягчающих обстоятельств / Л. В. Лобанова, М. А. Малимонова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 111–117. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14
19. Мясников, О. А. Смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике / О. А. Мясников. – М. : Юрлитинформ, 2002. – 240 с.
20. Непомнящая, Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т. В. Непомнящая. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2006. – 781 с.
21. № 10.1 Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2024 годы. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>
22. Соловьев, А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву (Законодательство и судебная практика) / А. Д. Соловьев. – М. : Госюриздат, 1958. – 204 с.

REFERENCES

1. Babayev M.M. *Individualizaciya nakazaniya nesovershennoletnikh* [Individualization of Juvenile Punishment]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1968. 120 p.
2. Bazhanov M.I. *Naznachenije nakazaniya po sovetскому уголовному праву* [Sentencing Under Soviet Criminal Law]. Kiev, Vishcha shkola Publ., 1980. 216 p.

3. Brazhnikova S.A. *Institut otyagcheniya nakazaniya pri yego naznachenii v predelakh sankcii ugovnogo zakona: po materialam sudebnoj praktiki Krasnodarskogo kraja: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Institution of Aggravation of Punishment When It Is Appointed Within the Sanction of the Criminal Law: Based on the Materials of Judicial Practice of the Krasnodar Territory. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2006. 23 p.
4. Bkhatt N. Prestupleniya v ehpokhu iskusstvennogo intellekta: gibridnyj podkhod k otvetstvennosti i bezopasnosti v cifrovuyu eru [Crimes in the Era of Artificial Intelligence: A Hybrid Approach to from Responsibility and Security in the Digital Era]. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2025, no. 3 (1), pp. 65-80. DOI: 10.21202/jdtl.2025
5. Donec S.P. *Smyagchayushchiye i otyagchayushchiye obstayatelstva v ugovnom prave: pravovaya priroda, klassifikaciya, problemy ucheta: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Criminal Law: Legal Nature, Classification, Accounting Issues. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan, 2003. 17 p.
6. Kachan M.I. *Obstayatelstva, smyagchayushchiye nakazaniye, v rossijskom ugovnom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mitigating Circumstances in Russian Criminal Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2005. 25 p.
7. Kruglikov L.L. Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti: sootnosheniye so smezhnymi ponyatiyami [Differentiation of Criminal Responsibility: Correlation with Related Concepts]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 8-13. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.3.1
8. Kruglikov L.L. Naznacheniyе nakazaniya [Imposition of a Sentence]. Kruglikov L.L., ed. *Ugovnoye pravo Rossii. Chast Obshchaya: ucheb. dlia vuzov* [Criminal Law of Russia. General Part. Textbook]. Moscow, BEK Publ., 2000, pp. 394-446.
9. Kruglikov L.L. *Obshchiye nachala naznacheniya nakazaniya: monografiya* [General Principles of Sentencing. Monograph]. Karaganda, Bolashak-Baspa Publ., 2006. 44 p.
10. Kruglikov L.L. *Obshchiye nachala naznacheniya nakazaniya: ucheb.-metod. posobiye* [General Principles of Sentencing. Teaching Aid]. Yaroslavl, YarGU, 2015. 44 p.
11. Kruglikov L.L. O principakh naznacheniya ugovnogo nakazaniya [On the Principles of Imposing Criminal Punishment]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2020, no. 14, pp. 54-57.
12. Kruglikov L.L. Otyagchayushchiye obstayatelstva kak ogranichitelnoye sredstvo v rossijskom ugovnom prave [Aggravating Circumstances as a Restrictive Tool in Russian Criminal Law]. *Aktualnye problemy ugovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatelnoj tekhniki)* [Current Problems of Criminal Law at the Present Stage (Issues of Differentiation of Responsibility and Legislative Equipment)], 2017, no. 6, pp. 3-12.
13. Kruglikov L.L. *Pravovye sredstva obespecheniya spravedlivosti nakazaniya v processe yego individualizacii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Means of Ensuring Justice of Punishment in the Process of Its Individualization. Dr. jurid. sci. diss.]. Yaroslavl, 1985. 365 p.
14. Kruglikov L.L. Praktika ucheta sudami smyagchayushchikh i otyagchayushchikh obstayatelstv pri naznachenii nakazaniya [The Practice of Courts Taking into Account Mitigating and Aggravating Circumstances When Sentencing]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 1 (33), pp. 119-121.
15. Kruglikov L.L. *Smyagchayushchiye i otyagchayushchiye obstayatelstva v sovetskom ugovnom prave: ucheb. posobiye* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Soviet Criminal Law]. Yaroslavl, YarGU, 1977. 83 p.
16. Kruglikov L.L. *Smyagchayushchiye i otyagchayushchiye otvetstvennost obstayatelstva v ugovnom prave (Voprosy teorii)* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Criminal Law: (Questions of Theory)]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 164 p.
17. Kruglikov L.L. *Ugovno-pravovye sredstva obespecheniya spravedlivosti nakazaniya: ucheb. posobiye* [Criminal Law Means of Ensuring Justice Punishment. Practical Guide]. Yaroslavl, YarGU, 1986. 70 p.
18. Lobanova L.V., Malimonova M.A. Obespecheniye spravedlivosti nakazaniya pri retsidive prestupleniy i nalichii smyagchayushchikh obstayatelstv [Ensuring Sentencing Fairness in Cases of Recidivism with Mitigating Circumstances]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 111-117. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14
19. Myasnikov O.A. *Smyagchayushchiye i otyagchayushchiye nakazaniye obstayatelstva v teorii, zakonodatelstve i sudebnoj praktike* [Mitigating and Aggravating Circumstances in Theory, Law and Jurisprudence]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2002. 240 p.
20. Nepomnyashchaya T.V. *Naznacheniyе ugovnogo nakazaniya: teoriya, praktika, perspektivy* [Appointment of Criminal Punishment: Theory, Practice, Prospects]. Saint Petersburg, Jurid. centr – Press Publ., 2006. 781 p.

21. № 10.1 *Otchet o chisle privlechennykh k ugovnoy otvetstvennosti i vidakh ugovnogo nakazaniya. Svodnye statisticheskiye svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2020–2024 gody* [Report on the Number of People Prosecuted and Types of Criminal Punishment. Summary Statistical Information on the State of Criminal Record in Russia for 2020–2024]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946>

22. Solovyev A.D. *Voprosy primeneniya nakazaniya po sovetskomu ugovnomu pravu (Zakonodatelstvo i sudebnaya praktika)* [Issues of Punishment Under Soviet Criminal Law (Legislation and Judicial Practice)]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. 204 p.

Information About the Authors

Vladimir P. Konyakhin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Krasnodar Territory, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, vladkon54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>

Valeria V. Poltavets, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, pvaleri111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0854-6628>

Информация об авторах

Владимир Павлович Коняхин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Краснодарского края, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, vladkon54@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6062-7759>

Валерия Владимировна Полтавец, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, pvaleri111@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0854-6628>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.3>

UDC 343.14

LBC 67.410.204.0

Submitted: 29.12.2025

Accepted: 27.02.2026

**ADMINISTRATIVE PREJUDICE – A TECHNIQUE OF LEGISLATIVE DRAFTING
IN CRIMINAL LAW: “NECESSARY!”, “NO!” OR “SOMEHOW LIKE THIS...”****Valery F. Lapshin**

Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russian Federation

Introduction: during the implementation of the policy of humanization of criminal legislation, the technique of administrative prejudice began to be actively used in constructing offenses. The criminal law included norms on liability essentially for repeated commission of administrative offenses. Such acts clearly do not have the level of public danger inherent in a crime, and therefore, the question of the usefulness and expediency of using administrative prejudice in criminal law remains unresolved. **Purpose:** to determine the conditions under which administrative prejudice can be applied, creating additional opportunities to prevent the commission of new crimes and excluding the criminalization of offenses that do not pose a significant public danger. The methodology is represented by a set of the general scientific and specific scientific **methods** traditionally used in legal research: dialectical, inductive and deductive, comparative law, system-structural, analysis, synthesis, and other methods of scientific cognition. **Results:** almost all cases of using administrative prejudice established criminal liability for acts that do not have the public danger characteristic of a crime. Such decisions exacerbate the problem of excessive criminalization of the national criminal law. The description of a criminogenic feature using the technique of administrative prejudice is carried out in the violation of the rule of legislative technique on the unified use of legal terms, which reduces the quality of criminal law prescriptions and complicates their interpretation and application. **Conclusions:** as a general rule, administrative prejudice as a technique of legislative drafting should not be used in forming norms of the Special Part, since the fact of repeated or multiple commission of an “analogous act” does not increase its public danger. In exceptional cases, the technique of administrative prejudice can be applied in describing a small number of economic, environmental, and some other crimes, the intent to commit which is difficult to prove for objective reasons. The fact of repeated commission of an act prohibited by criminal law will unconditionally indicate the presence of an intentional form of guilt in a person who was previously held liable for a similar offense. In such cases, fundamental doubts about the strictness and fairness of the implementation of criminal liability will be excluded.

Key words: administrative prejudice, techniques and rules of legislative drafting, criminal policy, economic crimes, principle of justice.

Citation. Lapshin V.F. Administrative Prejudice – A Technique of Legislative Drafting in Criminal Law: “Necessary!”, “No!” or “Somehow Like This...”. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 25-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.3>

УДК 343.14

ББК 67.410.204.0

Дата поступления статьи: 29.12.2025

Дата принятия статьи: 27.02.2026

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ –
ПРИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ:
«НАДО!», «НЕТ!» ИЛИ «КАК-ТО ТАК...»****Валерий Федорович Лапшин**

Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация

Введение: в период реализации политики гуманизации уголовного законодательства при конструировании составов преступлений стал активно использоваться прием административной преюдиции. В уголовный закон были включены нормы об ответственности фактически за неоднократное совершение административных деликтов. Подобные деяния явно не имеют общественной опасности того уровня, который присущ

преступлению, а потому вопрос о пользе и целесообразности использования административной преюдиции в уголовном праве остается неразрешенным. **Цель:** определить условия применения административной преюдиции, при которых создаются дополнительные возможности для предупреждения совершения новых преступлений, а также исключается криминализация правонарушений, не имеющих должной общественной опасности. **Методология** представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных методов, традиционно используемых в юридических исследованиях: диалектический, индуктивный и дедуктивный, сравнительно-правовой, системно-структурный, анализ, синтез и другие методы научного познания. **Результаты:** почти во всех случаях использования административной преюдиции устанавливается уголовная ответственность за деяния, которые не имеют общественной опасности, характерной для преступления. Такие решения усугубляют проблему излишней криминализации национального уголовного закона. Описание криминообразующего признака с использованием приема административной преюдиции осуществляется с нарушением правила законодательной техники об унифицированном использовании юридических терминов, что снижает качество уголовно-правовых предписаний, затрудняет их толкование и применение. **Выводы:** по общему правилу административная преюдиция как прием законодательной техники не должна использоваться при формировании норм Особенной части, поскольку факт неоднократного или многократного совершения «аналогичного деяния» не повышает его общественную опасность. В исключительных случаях прием административной преюдиции может применяться при описании незначительного количества экономических, экологических и некоторых иных преступлений, умысел на совершение которых сложно доказать по объективным причинам. Факт повторного совершения запрещенного уголовным законом деяния будет безоговорочно свидетельствовать о наличии умышленной формы вины у лица, которое ранее привлекалось к ответственности за аналогичное правонарушение. В таких случаях принципиальные сомнения в строгости и справедливости реализации уголовной ответственности будут исключены.

Ключевые слова: административная преюдиция, приемы и правила законодательной техники, уголовная политика, экономические преступления, принцип справедливости.

Цитирование. Лапшин В. Ф. Административная преюдиция – прием законодательной техники в уголовном праве: «Надо!», «Нет!» или «Как-то так...» // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 25–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.3>

Введение

Не так уж и много в современном праве институтов, которые вызывали бы в научной среде прямо противоположные и горячо отстаиваемые мнения относительно необходимости существования или, напротив, абсолютной необоснованности присутствия в юридической материи нормативных предписаний. Одним из них, безусловно, является административная преюдиция, что позволяет признать ее феноменом отечественного уголовного права XX–XXI веков.

Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР) демонстрировал достаточно высокую степень лояльности к различным вариантам пересечения предмета уголовно-правовой регламентации с предметами иных отраслей системы советского права. Один из родоначальников теории дифференциации уголовной ответственности Л.Л. Кругликов отмечал, что УК РСФСР содержал самые разнообразные формы реагирования на преступное поведение. При определенных условиях закон

предусматривал возможность применить к преступнику вместо уголовной ответственности меры административного, дисциплинарного, гражданско-правового и даже общественного воздействия [5, с. 9–12].

Действительно, в соответствии со ст. 50 и 50¹ УК РСФСР суд имел право отказаться от реализации мер уголовной ответственности и привлечь подсудимого к административной ответственности. В Особенной части по состоянию на 31.12.1996 содержалось 25 норм, предусматривающих в качестве криминообразующего признака по-разному описываемый факт привлечения виновного к административной ответственности за аналогичное ранее совершенное деяние.

Такое пересечение предмета уголовного и административного права в области криминализации регулярно подвергалось научной критике, поскольку установление возможности за юридически тождественные деяния применять меры, существенно отличающиеся друг от друга степенью карательного воздействия, вступало в явное противоречие с об-

щесоциальными представлениями о справедливости.

Казалось бы, проблема разрешилась с введением в действие Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ), нормы Особенной части которого не знали такого криминообразующего признака, как «...совершено после наложения административного взыскания» (или чего-то похожего). Окончательная победа противников административной преюдиции «была объявлена» Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ, в соответствии с которым «неоднократность» (ст. 16 УК РФ) исключалась из содержания института множественности преступлений. Это решение определяло новое правило: повторность совершения деяния не влияет на его общественную опасность, а потому она не должна иметь юридического значения для квалификации и может учитываться только в процессе индивидуализации уголовной ответственности.

Данная уголовно-правовая презумпция существовала недолго. Уже в 2009 г. в ч. 1 ст. 178 УК РФ внесены изменения и дополнения, исходя из которых общественно опасное деяние признавалось таковым при условии неоднократности злоупотребления доминирующим положением на рынке. С этого момента прием административной преюдиции начинает использоваться в нормах различных разделов и глав Особенной части [6, с. 52], а научные споры о социально-правовой обоснованности и целесообразности такого решения разгораются с новой силой.

Административная преюдиция «Надо!»

Запрет на использование приема административной преюдиции в уголовном законе длился непродолжительный период времени. На заседании Президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» 11.02.2009 Президент РФ высказал мнение о целесообразности применения в уголовном законодательстве административной преюдиции – предварительного решения, которое является «основанием для наступления уголовной ответственности»¹. Затем в Послании Федеральному Собранию Президент повторно

обратил внимание на необходимость использования в УК РФ административной преюдиции, что позволит привлекать к ответственности за некоторые преступления только в случаях «неоднократного совершения административного правонарушения»². Так было озаменовано начало активного использования приема административной преюдиции в современном уголовном праве. На сегодняшний день Особенная часть УК РФ насчитывает 29 статей, в которых одним из признаков состава преступления значится факт привлечения виновного за ранее совершенное аналогичное деяние к административной ответственности (6 статей) либо исполнения административного наказания (23 статьи).

Среди представителей научной среды нашлось достаточное количество сторонников такого решения. Одни исследователи видели в административной преюдиции частное средство борьбы с отдельными видами преступлений, другие – межотраслевой институт, применение которого может оказать положительное влияние на противодействие преступности в целом. Например, В.В. Агильдин рассматривал ее как средство для сохранения уголовной ответственности за оскорбление [1, с. 11], А.З. Рыбак доказывал необходимость использования административной преюдиции в качестве признака некоторых составов преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, в сфере экономической деятельности и др. [10, с. 119–120], А.А. Гравина признавала ее эффективным средством предупреждения некоторых преступлений в сфере предпринимательской деятельности [4, с. 95] и т. д.

Представители второй группы сторонников административной преюдиции в уголовном праве доказывали наличие у нее комплексного межотраслевого значения для эффективного противодействия преступным и иным формам противоправного поведения. Еще до 2009 г. А.И. Бойко выделил восемь социально-юридических преимуществ административной преюдиции, вследствие чего настаивал на необходимости возобновления обсуждения вариантов ее возвращения в уголовный закон [2, с. 30–31]. Впоследствии И.А. Прохорцев призывал признать высокую превентивную роль административной преюдиции [9, с. 49], А.В. Бриллиантов доказы-

вал, что повторное правонарушение обладает более высокой общественной опасностью в сравнении с ранее совершенным правонарушением, что позволяет рассматривать его в качестве самостоятельного преступления [3, с. 258], тогда как В.В. Хилюта увидел в ней особую правовую характеристику источника причинения вреда (личности), позволяющую констатировать качественный переход повторно совершенного проступка в преступление [11, с. 22].

Административная преюдиция «Нет!»

Противников у административной преюдиции оказалось так же много, как и сторонников. Обстоятельно аргументированное отрицание любой возможности использования приема административной преюдиции при конструировании составов преступлений с одновременной метафоричностью и ярким эмоциональным окрасом представили Н.Ф. Кузнецова и позднее Н.А. Лопашенко. Все, кто интересовался проблемой использования факта привлечения к административной ответственности в качестве криминообразующего признака состава преступления, знакомы с «согней кошек», которые так и не превратились в «одного тигра» [7, с. 6], и с «Нет!», сказанным административной преюдиции профессором Н.А. Лопашенко [8, с. 71].

Официальное толкование сущности административной преюдиции было дано Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ при рассмотрении кассационного представления на постановление президиума суда Ненецкого автономного округа от 17.01.2018 в отношении Б. Учитывая более ранние разъяснения Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, судебная коллегия в составе Д.Э. Сабурова, И.Г. Кочинной и И.В. Таратуы указала, что привлечение лица к административной ответственности и назначение ему административного наказания является не основанием, а условием установления и реализации уголовной ответственности. Факт привлечения лица к административной ответственности характеризует личность субъекта преступления, а потому не может признаваться элементом состава соответствующего преступления³. В связи с этим было зафиксировано два юридически значимых утверждения:

1. Факт предыдущего совершения административного правонарушения не формирует объективную сторону состава преступления, ответственность за которое предусмотрена уголовно-правовой нормой, сформулированной с применением административной преюдиции.

2. Уголовно-правовое содержание административной преюдиции представляет собой признак специального субъекта состава преступления. Установление в процессе квалификации данного признака указывает на существенное увеличение степени общественной опасности личности в сравнении с иным лицом, совершившим юридически тождественное административное правонарушение впервые.

Таким образом, высшая судебная инстанция констатировала, что повторно совершаемое деяние, содержащее в себе все признаки состава административного правонарушения, преступлением не является. Однако не существует юридических препятствий для установления и последующего применения мер уголовной ответственности за совершение административного правонарушения повторно, поскольку личность правонарушителя характеризуется повышенной общественной опасностью. Здесь наблюдается яркий пример ситуации, когда формальное соблюдение всех известных требований законодательной техники не спасает от нормативной фиксации абсурдной идеи.

Административная преюдиция «Как-то так...»

За период 2009–2025 гг. Особенная часть отечественного уголовного закона стала насчитывать 29 статей, сформированных с использованием административной преюдиции, обогнав по данному показателю УК РСФСР. Учитывая современные тенденции по внесению изменений и дополнений в УК РФ, есть все основания полагать, что количество подобных норм в уголовном законе будет увеличиваться. Но более чем пятнадцатилетний период практики уголовно-административного симбиоза позволяет оценить некоторые результаты такой деятельности.

Необходимо вспомнить, что административная преюдиция изначально объявлялась как средство проведения политики «гуманизации

и либерализации уголовного законодательства». Актуальность и потребность смягчения уголовно-правового воздействия не утрачены по сей день, что подтверждается, прежде всего, официальными заявлениями высших должностных лиц, а равно обоснованиями к законопроектам о внесении изменений и дополнений в УК РФ. Самый короткий путь решения данной проблемы – декриминализация деяний, которые по своей общественной опасности явно не соответствуют категории «преступление» и за совершение которых назначение реального лишения свободы даже на незначительный срок не оправдано ни совестью, ни справедливостью. Но по каким-то причинам законодатель крайне неохотно идет по этому пути «уголовной гуманизации», отдавая предпочтение: 1) снижению границ санкций уголовно-правовых норм, 2) введению новых видов наказаний, которые не предполагают изоляции от общества, но по существу дублируют уже предусмотренные в уголовном законе меры принуждения, и, наконец, 3) введению новых видов освобождения от уголовной ответственности, предусматривая их в нормах как Общей, так и Особенной части.

В логике президентского послыла 2009 г. административная преюдиция должна была стать дополнительным условием для привлечения лица к уголовной ответственности за совершение деяний, общественная опасность которых не ставилась под сомнение и до применения административной преюдиции. В действительности административная преюдиция именно в качестве дополнительного криминообразующего признака была включена только в основной состав преступления, предусмотренного ст. 193 УК РФ. В большинстве же случаев, используя прием административной преюдиции, законодатель криминализировал значительное количество административных правонарушений, совершенных виновным неоднократно или систематически. В итоге административная преюдиция стала стимулом для криминализации деяний, объективно не обладающих достаточной общественной опасностью, то есть приводит к диаметрально противоположным результатам, не позволяющим обеспечить официально желаемую гуманизацию отечественного уголовного законодательства.

Выводы

Результаты исследования новейшей истории применения в отечественном уголовном законе административной преюдиции, а также анализ последствий и оценка перспектив ее применения позволяют констатировать факт невозможности достичь цели гуманизации уголовного законодательства с помощью данного приема законодательной техники.

Но, несмотря на все доводы и умозаключения относительно бесполезности административной преюдиции в уголовном праве, я не готов сделать столь категоричное отрицание. По-моему, юридическую пользу административной преюдиции следует искать в области субъективной стороны состава преступления, точнее, доказывания умысла на совершение общественно опасного деяния. Отечественный уголовный закон содержит достаточное количество норм об ответственности за ненасильственные преступления, умысел на совершение которых доказать крайне сложно. Это обусловлено комплексными особенностями преступной деятельности и не связано с личностными особенностями лица, осуществляющего производство по уголовному делу. Прежде всего, речь идет о некоторых экономических, экологических и иных ненасильственных преступлениях, составы которых разграничиваются с составами аналогичных административных правонарушений, как правило, по стоимостному выражению причиненного ущерба, противоправно извлеченного дохода и тому подобным юридически значимым признакам.

Использование административной преюдиции в составах таких преступлений, во-первых, привело бы к уменьшению количества осужденных за впервые совершенные преступления небольшой или средней тяжести, что полностью отвечает задачам политики гуманизации уголовного законодательства.

Во-вторых, повторное совершение однородного или тождественного деяния, например, уклонения от уплаты налогов, не будет вызывать серьезных сомнений в наличии у лица прямого умысла на игнорирование предусмотренных налоговым законодательством обязанностей налогоплательщика. Сформулировав условие о привлечении к уголовной ответствен-

ности, указывающее на привлечение лица к административной ответственности за аналогичное ранее совершенное однородное или тождественное деяние, законодатель существенно упростил бы процесс доказывания наличия вины лица в совершенном преступлении. Отказ от установления сроков, в течение которых административная преюдиция будет иметь юридическое значение для квалификации, а также от «систематичности» или иной «множественности» привлечения лица к административной ответственности за, например, второе и последующие аналогичные правонарушения положительно отразится на предупреждении совершения новых преступлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Заключительное слово на заседании Президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»: стенограмма от 11.02.2009. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/3149>

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.11.2009 // Российская газета. 2009. 13 нояб.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 09.01.2019 № 63-УДП18-3. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012019-n-63-udp18-3/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агильдин, В. В. Уголовно-правовая характеристика оскорбления / В. В. Агильдин // Российский следователь. – 2010. – № 2. – С. 11–14.
2. Бойко, А. И. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против / А. И. Бойко // Юрист-Правовед. – 2004. – № 3. – С. 27–32.
3. Бриллиантов, А. В. Степень общественной опасности деяния и административная преюдиция / А. В. Бриллиантов // Российское правосудие. – 2016. – № 51. – С. 254–259.
4. Гравина, А. А. Гуманизация уголовного законодательства и ее роль в предупреждении преступлений в сфере предпринимательской деятельности / А. А. Гравина // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 85–95. – DOI: 10.12737/jrl.2019.8.8
5. Кругликов, Л. Л. О понятии и видах дифференциации ответственности / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи 2000–2009 гг. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – С. 5–15.
6. Кругликов, Л. Л. Профессиональные черты преступника и уголовный закон / Л. Л. Кругликов // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 2. – С. 51–54.
7. Кузнецова, Н. Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации / Н. Ф. Кузнецова // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2003. – № 1. – С. 3–19.
8. Лопашенко, Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! / Н. А. Лопашенко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 3. – С. 64–71.
9. Прохорцев, И. А. Вопросы применения статьи 7.27 КоАП РФ / И. А. Прохорцев // Юридический мир. – 2009. – № 9. – С. 46–50.
10. Рыбак, А. З. Административная преюдиция в уголовном праве / А. З. Рыбак // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. – 2015. – № 2. – С. 116–121.
11. Хиллута, В. В. Теоретические проблемы понимания сущности административной преюдиции в уголовном праве / В. В. Хиллута // Вестник Югорского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 16–23. – DOI: 10.18822/byusu20240216-23

REFERENCES

1. Agildin V.V. Ugolovno-pravovaya kharakteristika oskorbleniya [Criminal-Legal Characteristics of Insult]. *Rossiiskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2010, no. 2, pp. 11-14.
2. Boyko A.I. Administrativnaya preyuditsiya v ugolovnom prave: za i protiv [Administrative Prejudice in Criminal Law: Pros and Cons]. *Yurist-Pravoved*, 2004, no. 3, pp. 27-32.
3. Brilliantov A.V. Stepen obshchestvennoy opasnosti deyaniya i administrativnaya preyuditsiya [The Degree of Social Danger of an Act and Administrative Prejudice]. *Rossiyskoye pravosudiye* [Russian Justice], 2016, no. 51, pp. 254-259.
4. Gravina A.A. Gumanizatsiya ugolovnogo zakonodatelstva i yeyo rol v preduprezhdenii prestupleniy v sfere predprinimatelskoy deyatel'nosti [Humanization of Criminal Legislation and Its Role in Preventing Crimes in

the Sphere of Entrepreneurial Activity]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 8, pp. 85-95. DOI: 10.12737/jrl.2019.8.8

5. Kruglikov L.L. O ponyatii i vidakh differentsiatsii otvetstvennosti [On the Concept and Types of Differentiation of Responsibility]. *Problemy teorii ugovnogo prava: Izbrannye statyi 2000–2009* [Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles 2000–2009]. Yaroslavl, YarGU, 2010, pp. 5-15.

6. Kruglikov L.L. Professionalnye cherty prestupnika i ugovny zakon [Professional Traits of a Criminal and Criminal Law]. *Chelovek: prestupleniye i nakazaniye* [Man: Crime and Punishment], 2013, no. 2, pp. 51-54.

7. Kuznetsova N.F. Sem let Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Seven Years of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo* [Bulletin of Moscow University. Series 11. Law], 2003, no. 1, pp. 3-19.

8. Lopashenko N.A. Administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave – net! [No to Administrative Prejudice in Criminal Law!]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiiskoy Federatsii* [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation], 2011, no. 3, pp. 64-71.

9. Prokhortsev I.A. Voprosy primeneniya statyi 7.27 KoAP RF [Issues of Application of Article 7.27 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation]. *Yuridicheskiy mir* [Legal World], 2009, no. 9, pp. 46-50.

10. Rybak A.Z. Administrativnaya preyuditsiya v ugovnom prave [Administrative Prejudice in Criminal Law]. *Sovremennye problemy sotsialno-gumanitarnykh nauk* [Modern Problems of Social and Humanitarian Sciences], 2015, no. 2, pp. 116-121.

11. Khilyuta V.V. Teoreticheskiye problemy ponimaniya sushchnosti administrativnoy preyuditsii v ugovnom prave [Theoretical Problems of Understanding the Essence of Administrative Prejudice in Criminal Law]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Yugra State University Bulletin], 2024, no. 2, pp. 16-23. DOI: 10.18822/byusu20240216-23

Information About the Author

Valery F. Lapshin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Vice-Rector for Scientific Work and Legal Affairs, Yugra State University, Chekhova St, 16, 628012 Khanty-Mansiysk, Russian Federation, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

Информация об авторе

Валерий Федорович Лапшин, доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе и правовым вопросам, Югорский государственный университет, ул. Чехова, 16, 628012 г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация, kapitan-44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8549-6305>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.4>

UDC 343.24:343.23

LBC 67.408.023

Submitted: 03.02.2026

Accepted: 27.02.2026

GENESIS OF MITIGATING AND AGGRAVATING CIRCUMSTANCES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Larisa N. Larionova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the norms of the Criminal Code of the Russian Federation regulating mitigating and aggravating circumstances have undergone numerous changes, although the main postulates of the doctrine of these circumstances have generally remained unshakable. The changes were mostly related to the lists of mitigating and aggravating circumstances, which were adjusted, supplemented, and even excluded from the Criminal Code. These processes require comprehension, systematization, determination of the correctness and validity of legislative decisions, both for the system of mitigating and aggravating circumstances as a whole and for their specific varieties, which constitutes the **purpose** of the analysis undertaken in the paper. The research **methodology** is based on the traditional techniques of system-structural analysis, formal logic, and historical-legal comparison. As a **result** of the conducted research, all innovations in the regulation of mitigating and aggravating circumstances that have occurred over 30 years are systematized, and considerations are expressed regarding the legal nature and properties of these criminal law categories. **Conclusions:** among the legislative transformations of interest to us, the clarification of the wording of individual circumstances leads (50% of all changes); 45% are associated with the expansion of the list of aggravating circumstances, and one – with its removal from the latter. In addition, a conditionally aggravating circumstance, which is facultative for consideration, is added to the system of unconditionally and unambiguously aggravating circumstances. The legal nature of the circumstances under consideration is revealed through their consideration as part of the circumstances of the case characterizing the crime and the criminal, and their properties imply unambiguity, unconditionality, and obligatory influence, exceptions from which should be stipulated directly in the Criminal Code.

Key words: sentencing, mitigating circumstances, aggravating circumstances, crime, personality of the guilty.

Citation. Larionova L.N. Genesis of Mitigating and Aggravating Circumstances in the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 32-37. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.4>

УДК 343.24:343.23

ББК 67.408.023

Дата поступления статьи: 03.02.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ГЕНЕЗИС ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СМЯГЧАЮЩИХ И ОТЯГЧАЮЩИХ НАКАЗАНИЕ, В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лариса Николаевна Ларионова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующие обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, подвергались многочисленным изменениям, хотя основные постулаты учения об указанных обстоятельствах в целом остались неизменными. Изменения же в большинстве своем были связаны с перечнями смягчающих и отягчающих обстоятельств, которые корректировались, дополнялись и даже исключались из УК. Эти процессы требуют осмысления, систематизации, определения правильности и обоснованности законодательных решений как в целом по системе смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, так и по конкретным их разновидностям, что и составляет **цель** предпринятого в статье анализа. **Методология исследования** базируется на традиционных приемах системно-структурного анализа, формальной логики, историко-правового сравнения. **В результате** проведенного исследования были систематизированы все новации в регламентации смягчающих и отягчающих обстоятельств, произошедшие

за 30 лет, высказаны соображения о юридической природе и свойствах указанных уголовно-правовых категорий. **Выводы:** в числе интересующих нас законодательных преобразований лидирует уточнение формулировок отдельных обстоятельств (50 % от всех изменений); 45 % связаны с расширением перечня отягчающих обстоятельств, а одно – с изъятием из последнего. Кроме того, к системе безусловно и однозначно отягчающих обстоятельств было добавлено условно отягчающее, являющееся факультативным для учета. Юридическая природа рассматриваемых обстоятельств раскрывается через рассмотрение их как части обстоятельств дела, характеризующих преступление и преступника, а свойства предполагают однозначность, безусловность и обязательность влияния, исключения из которых следует оговорить непосредственно в УК.

Ключевые слова: назначение наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, преступление, личность виновного.

Цитирование. Ларионова Л. Н. Генезис обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в Уголовном кодексе Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 32–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.4>

Введение

Нормы УК РФ, регламентирующие обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, за почти 30-летний период действия российского уголовного закона многократно подвергались изменениям, хотя основные постулаты учения об указанных обстоятельствах в целом остались неизменными. Последнее, в частности, касается правовой природы, свойств и значения рассматриваемых уголовно-правовых категорий. Изменения же связаны с перечнями смягчающих и отягчающих обстоятельств.

С небольшим перевесом в числе форм произведенных новаций – 50 % – лидирует редактирование уже имевшихся ранее в перечнях обстоятельств.

Только на одну позицию в абсолютном количестве преобразований (восемь против девяти) отстает форма, сопряженная с расширением (увеличением) списка отягчающих обстоятельств.

Полное же исключение из перечня отягчающих обстоятельств на текущий момент коснулось только одного признака – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Пункт «о», фиксирующий данное обстоятельство, был исключен из ч. 1 ст. 63 уголовного закона в 2023 году. В итоге он «продержался» в законе менее 13 лет, пополнив систему отягчающих обстоятельств в июле 2010 г. и покинув ее в июне 2023 года.

Некоторым особняком в числе произведенных изменений стоит положение, зафиксированное в ч. 1.1 ст. 63. Сам по себе номер названной части подсказывает, что появилась

она уже после принятия УК РФ в 1996 г.: была введена Федеральным законом от 21.10.2013 № 270-ФЗ. Но и эта норма не сохранилась в первоизданном виде, а существует ныне в редакции закона от 03.07.2016 № 328-ФЗ.

О юридической природе, значении и свойствах обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание

Еще в 1983 г. Лев Леонидович Кругликов, определяя юридическую природу смягчающих и отягчающих обстоятельств, обращал внимание на их тесную связь с обстоятельствами дела и личностью виновного, поскольку первые по сути являются частью вторых и потому способны внести значимые оттенки в оценку общественной опасности преступления и личности того, кто его совершил [1, с. 81–82]. В силу этого смягчающие и отягчающие обстоятельства способны оказывать существенное влияние на наказание в отличие от иных факторов, в меньшей степени влияющих на тяжесть преступления и личность виновного.

Как справедливо замечает упомянутый нами автор, смягчающие и отягчающие обстоятельства не являются самостоятельными критериями назначения наказания, а составляют некоторую часть содержания двух основных критериев выбора определения меры государственного принуждения – характера и степени опасности содеянного и личности виновного [2, с. 110].

Обозначенное представление Льва Леонидовича о юридической природе смягчающих и отягчающих обстоятельств, изначаль-

но сформулированное им в период действия УК РСФСР 1960 г., осталось неизменным и после принятия нового УК России. Более того, положения последнего об основных правилах (общих началах) назначения наказания подтвердили правильность выводов ученого о значении смягчающих и отягчающих обстоятельств в системе общих начал. Л.Л. Кругликов обоснованно обратил внимание на использованный законодателем в ч. 3 ст. 60 УК 1996 г. прием, которым законодатель стремился подчеркнуть конкретизирующую [6, с. 113], а не самостоятельную роль смягчающих и отягчающих обстоятельств в группе критериев назначения наказания, ибо упомянутая норма к числу последних относит «характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в *том числе*» (выделено нами вслед за Л.Л. Кругликовым. – Л. Л.) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание» [4, с. 130].

Несмотря на многочисленные изменения, которые коснулись ст. 61 и 63 УК РФ, свойства зафиксированных в них обстоятельств по сути не изменились.

Во-первых, указанные обстоятельства имеют однозначный характер, указывая на меньшую / большую степень общественной опасности преступления и/или того, кто его совершил, и, как следствие, влияя на наказание в сторону его уменьшения / ужесточения. Большинство упомянутых в законе обстоятельств характеризуют одновременно и деяние, и деятеля, однако отдельные параметры могут соотноситься напрямую исключительно со свойствами личности субъекта преступления, никоим образом не проявляясь в преступлении и не влияя на уровень его опасности. Так, явка с повинной, упомянутая в п. «и» ч. 1 ст. 61, как правило, наблюдается уже после преступления, тем самым автоматически исключая влияние на опасность совершенного посягательства.

На наш взгляд, применительно к обстоятельству, предусмотренному п. «г» ч. 1 ст. 61 (наличие малолетних детей у виновного), в отдельных случаях ни одно из упомянутых объяснений смягчения наказания может вообще не просматриваться, если, например, субъект уклонялся от исполнения родительских обязанностей, не заботился о детях либо

в сферу мотивов совершения им преступления не входили соображения благополучия и безопасности ребенка. В такой ситуации невозможно рассуждать ни о пониженной степени опасности деяния, ни о меньшем уровне опасности преступника. Таким образом, презумпция об однозначно смягчающем характере данного обстоятельства в ряде случаев вполне может быть опровергнута.

На это совсем недавно обратил внимание и Пленум Верховного Суда РФ, дополнив постановление от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» п. 28.1, в абз. 2 которого уточняется следующее: «...наличие у виновного малолетних детей не может рассматриваться как безусловное основание для признания в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, поскольку возможность принятия судом такого решения закон связывает с выполнением виновным обязанностей родителя по надлежащему воспитанию и материальному содержанию детей с учетом того, что преступление не совершено в отношении их».

Во-вторых, судя по содержанию ст. 61 и 63 УК РФ, указанные в них обстоятельства обладают свойством обязательности и безусловности для учета. Вершители правосудия по общему правилу не могут по своему усмотрению игнорировать позицию законодателя и не учитывать наличие соответствующих свойств при назначении наказания. Законодатель оговаривает применительно к правилу обязательности единственное, но при этом тоже обязательное исключение, связанное с так называемыми одноименными обстоятельствами: если смягчающее / отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания (ч. 3 ст. 61, ч. 2 ст. 63). В остальном нет никаких условий и ограничений по учету указанных в УК смягчающих и отягчающих обстоятельств. В свете вышесказанного рекомендация, содержащаяся в упомянутом п. 28.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ, видится нам противоречащей букве закона, но согласующейся с его духом. Полагаем, что такого рода уточнение (об условности смягчающего зна-

чения обстоятельства, предусмотренного п. «г» ч. 1 ст. 61) должно содержаться непосредственно в законе, подобно тому, как это имело место в УК РСФСР 1960 г. применительно к фактам совершения преступления в состоянии опьянения либо лицом, ранее совершившим преступление. Советский законодатель, фиксируя данные обстоятельства в качестве отягчающих, одновременно предоставлял суду право не придавать им отягчающего значения с учетом характера преступления (п. 1, 10 ст. 39 УК РСФСР 1960 г.). Нечто сходное мы обнаруживаем и в ч. 1.1 ст. 63 УК РФ, которая включает условно отягчающее обстоятельство – совершение преступления в состоянии опьянения.

«Закрытый» перечень обстоятельств, отягчающих наказание, и его расширение

Хотя в ст. 63 УК РФ нет прямого указания на закрытый, не подлежащий расширению по усмотрению суда перечень законодательно закрепленных отягчающих наказание обстоятельств, систематическое толкование уголовного закона не оставляет сомнений в его (перечня) «закрытости». Это вытекает, во-первых, из содержания ч. 2 ст. 61, где, в отличие от ст. 63, законодатель прямо говорит о возможности учета при назначении наказания в качестве смягчающих и иных обстоятельств, не включенных в ч. 1 упомянутой статьи; во-вторых, ч. 1.1 ст. 63, позволяющая признавать дополнительным отягчающим обстоятельством только состояние опьянения. Полагаем, что закрытый перечень отягчающих обстоятельств находится в тесной связи с принципами законности и гуманизма.

Думается, однако, что именно исчерпывающий набор отягчающих наказание свойств во многом, наряду с потребностями нового времени и условий, повлиял на многочисленные законодательные новации, связанные с включением в перечень новых обстоятельств. Так, если на момент принятия УК в 1996 г. в ч. 1 ст. 63 было упомянуто 13 обстоятельств (п. «а» – «н»), то на сегодня их уже 20 (п. «а» – «ф», включая п. «е.1», но без учета исключенного п. «о»). В итоге свободными остаются только девять букв алфавита, не считая знаков «ь» и «ъ». При наметившихся темпах

расширения перечня в какой-то момент может просто не хватить букв для обозначения нововведений. Конечно, юридическая техника разнообразна и позволяет дополнить букву цифрой, как это имеет место в п. «е.1», но тем не менее такая ситуация заставляет еще раз задуматься о целесообразности возвращения к примерному, открытому перечню отягчающих обстоятельств, как было в УК 1926 года. Соответствующее суждение было высказано еще в 1989 г. Л.Л. Кругликовым [3, с. 118].

Стоит, однако, отметить, что правило «закрытости» перечня достаточно глубоко внедрилось в сознание ученых и правоохранителей, даже несмотря на аргументы сторонников открытости, хотя бы уже потому, что идеей закрытости мы руководствуемся уже на протяжении 65 лет. Поэтому в настоящее время предложения, связанные с открытием перечня, должны основываться на глубоких теоретических и социологических изысканиях, учитывающих современные реалии, а не условия прошлого века.

Что касается новых отягчающих обстоятельств, то четыре (п. «с» – «ф») из семи таковых были введены в закон в последние три года (с 29.12.2022) и обусловлены сложными геополитическими факторами и криминальными процессами современности, причем они обладают всеми характеристиками отягчающих наказание обстоятельств. В этом свете еще более взвешенным выглядит решение законодателя, исключившего из ч. 1 ст. 63 п. «о» – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел. Как справедливо отмечалось в литературе, решение по включению данного признака в перечень было ошибочным, ибо нарушало принцип равенства [5, с. 8, 14] и скорее было продиктовано соображениями конъюнктуры на волне возрастающего негативного отношения населения к милиции (полиции), чем значительным влиянием такого обстоятельства на степень общественной опасности преступления. Нечто, на первый взгляд, сходное, конъюнктурно обусловленное свойственно и обстоятельству, введенному Федеральным законом от 09.11.2024 № 384-ФЗ, – совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации (п. «у» ч. 1 ст. 63). На такой шаг законодателя подтолкнули рост преступности мигран-

тов и высокий градус возмущения российского населения. Однако в указанном обстоятельстве просматриваются не столько соображения популистского толка, сколько опасность лица в свете незаконности его пребывания в России, что само по себе противоправно, поскольку как минимум сопряжено с нарушением миграционного законодательства.

Выводы

1. Все изменения в рамках ст. 61 и 63 УК связаны с перечнями зафиксированных в них смягчающих и отягчающих обстоятельств. В 50 % случаев корректировок были уточнены формулировки отдельных обстоятельств; 45 % связаны с расширением перечня отягчающих обстоятельств, который увеличился на семь пунктов; одно изменение (дополнение отягчающего перечня новым обстоятельством) спустя 13 лет после его введения было признано нецелесообразным и исключено из уголовного закона. Кроме того, ст. 63 была дополнена ч. 1.1 о единственном, по букве закона, условно отягчающем обстоятельстве – совершении

преступления в состоянии опьянения, учет которого в качестве отягчающего возможен, но не обязателен.

2. Смягчающие и отягчающие обстоятельства являются частью обстоятельств дела, характеризующих совершенное преступление и/или личность виновного, конкретизируя таковые и оказывая существенное влияние на назначение наказания по сравнению с иными факторами, не имеющими соответствующего статуса и потому, как правило, не способными значимым образом воздействовать на выбор меры государственного принуждения. Рассматриваемые обстоятельства обладают свойствами однозначности и обязательности, однако законодателю следует оговорить в ст. 61 возможность непризнания смягчающим «наличия малолетних детей у виновного» с учетом обстоятельств совершенного преступления и отношения к исполнению родительских обязанностей.

3. Возможность «открытия» перечня отягчающих обстоятельств должна основываться на глубоком и разноплановом исследовании современных реалий, а не опыта прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов, Л. Л. Генезис правовой природы обстоятельств дела, смягчающих и отягчающих ответственность / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1999. – С. 73–83.
2. Кругликов, Л. Л. О критериях назначения уголовного наказания / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1999. – С. 108–113.
3. Кругликов, Л. Л. Перечень отягчающих ответственность обстоятельств: каким ему быть? / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1999. – С. 113–118.
4. Кругликов, Л. Л. Содержание общих начал назначения наказания в Уголовном кодексе 1996 г. / Л. Л. Кругликов // Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. 1982–1999 гг. – Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 1999. – С. 128–139.
5. Лактаева, А. Ю. Принцип равенства перед законом, его реализация при назначении наказания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Лактаева Амира Юрьевна. – Самара, 2010. – 25 с.
6. Лобанова, Л. В. Обеспечение справедливости наказания при рецидиве преступлений и наличии смягчающих обстоятельств / Л. В. Лобанова, М. А. Малимонова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 111–117. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. Genezis pravovoj prirody obstoyatelstv dela, smygchayushhikh i otyagchayushhikh otvetstvennost [Genesis of the Legal Nature of Circumstances Mitigating and Aggravating Liability]. Kruglikov L.L. *Problemy teorii ugodovnogogo prava: Izbrannye statyi. 1982–1999 gg.* [Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles. 1982–1999]. Yaroslavl, Yaroslav. gos. un-t, 1999, pp. 73–83.

2. Kruglikov L.L. O kriteriyakh naznacheniya ugovnogo nakazaniya [On the Criteria for Determining Criminal Punishment]. Kruglikov L.L. *Problemy teorii ugovnogo prava: Izbrannye statyi. 1982–1999 gg.* [Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles. 1982–1999]. Yaroslavl, Yaroslav. gos. un-t, 1999, pp. 108-113.
3. Kruglikov L.L. Perechen otyagchayushhih otvetstvennost obstayatelstv: kakim emu byt? [List of Aggravating Circumstances: What Should It Be?]. Kruglikov L.L. *Problemy teorii ugovnogo prava: Izbrannye statyi. 1982–1999 gg.* [Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles. 1982–1999]. Yaroslavl, Yaroslav. gos. un-t, 1999, pp. 113-118.
4. Kruglikov L.L. Soderzhaniye obshhih nachal naznacheniya nakazaniya v Ugolovnom kodekse 1996 g. [The Content of the General Principles of Sentencing in the Criminal Code of 1996]. Kruglikov L.L. *Problemy teorii ugovnogo prava: Izbrannye statyi. 1982–1999 gg.* [Problems of the Theory of Criminal Law: Selected Articles. 1982–1999]. Yaroslavl, Yaroslav. gos. un-t, 1999, pp. 128-139.
5. Laktaeva A.Yu. *Printsip ravenstva pered zakonom, ego realizatsiya pri naznachenii nakazaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [The Principle of Equality Before the law, Its Implementation in Sentencing. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Samara, 2010. 25 p.
6. Lobanova L.V., Malimonova M.A. Obespecheniye spravedlivosti nakazaniya pri retsive prestuplenij i nalichii smyagchayushhih obstayatelstv [Ensuring Sentencing Fairness in Cases of Recidivism with Mitigating Circumstances]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 111-117. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14>

Information About the Author

Larisa N. Larionova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, larionova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8243-1167>

Информация об авторе

Лариса Николаевна Ларионова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, larionova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8243-1167>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.5>

UDC 343.23

LBC 67.408.01

Submitted: 09.02.2026

Accepted: 27.02.2026

ON THE ISSUE OF FACULTATIVE FEATURES CHARACTERIZING THE OBJECT OF A CRIME

Lyubov V. Lobanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: despite the fact that Lev Leonidovich Kruglikov's works have long been highly appreciated, the importance of his contribution to the development of criminal law doctrine has hardly been fully demonstrated. The significance of this jurist's arguments regarding the object of a crime, expressed within the framework of his concept of legal constructions, including the phenomenon of an optional object, which is characterized inconsistently in science, is not fully understood. **Purpose:** based on the conclusions formulated by L.L. Kruglikov: 1) to clarify the identity of the optional object of the crime; 2) to test the hypothesis that an object that is optionally violated by a crime belongs to the number of signs of its [crime] composition; 3) to find out the possibility for an optional object to serve as a reason for stating a multiplicity of criminal attacks; 4) to substantiate the scientific and practical significance of using the concept of "optional object." The research methodology involves the use of **methods** common to criminal law science in their complexity. As a **result**, the optional object of the crime is shown as a feature that is not included in the legislative model of criminal encroachment; its autonomy from the traditional classification of objects of crime is established; the inability of an optional object to serve as a reason for stating a multiplicity of crimes is proved; arguments are given indicating the importance of using the concept of an optional object. **Conclusions:** 1) on the inadmissibility of attributing an object that is optionally violated by a crime to the number of elements of a crime; 2) the absence of a place for an optional object in classifications designed to analyze the signs of a crime of a certain type (variety) characterizing its object; 3) the absence of conditions for the full realization of the idea of transforming an optional object into a mandatory additional object of crime by constructing a qualified composition of such; 4) the absence of the need to qualify a criminal offense, having an optional object, in conjunction with another crime; 5) the circumstances indicating the need to use the concept of an optional object in scientific, legislative, and law enforcement activities.

Key words: facultative object, facultative features, legal construct, corpus delicti, multiplicity of crimes.

Citation. Lobanova L.V. On the Issue of Facultative Features Characterizing the Object of a Crime. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 38-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.5>

УДК 343.23

ББК 67.408.01

Дата поступления статьи: 09.02.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

К ВОПРОСУ О ФАКУЛЬТАТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Любовь Валентиновна Лобанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что трудам Льва Леонидовича Кругликова давно дана высокая оценка, весомость его вклада в развитие уголовно-правовой доктрины едва ли показана в полной мере. Не до конца осознано значение рассуждений этого правоведа относительно объекта преступления, высказанных в рамках его концепции юридических конструкций, в том числе о таком феномене, как факультативный объект, в науке характеризуемый противоречиво. **Цель:** опираясь на выводы, сформулированные Л.Л. Кругликовым:

1) уточнить своеобразие факультативного объекта преступления; 2) проверить гипотезу о принадлежности факультативно нарушаемого преступлением объекта к числу признаков его [преступления] состава; 3) выявить возможность для факультативного объекта служить причиной для констатации множественности преступных посягательств; 4) обосновать научно-практическую значимость оперирования понятием «факультативный объект». **Методология** исследования предполагает использование обычных для уголовно-правовой науки методов в их комплексе. **В результате** факультативный объект преступления показан как признак, не включенный в законодательную модель преступного посягательства; установлена его автономность от традиционной классификации объектов преступления; доказана его неспособность служить причиной для констатации множественности преступлений; приведены аргументы, свидетельствующие о значимости оперирования понятием факультативного объекта. **Выводы:** 1) о недопустимости отнесения факультативно нарушаемого преступлением объекта к числу признаков состава преступления; 2) об отсутствии в классификациях, предназначенных для анализа признаков состава преступления определенного вида (разновидности), характеризующих его объект, места для факультативного объекта; 3) об отсутствии условий для полной реализации идеи трансформации факультативного объекта в обязательный дополнительный объект преступления посредством конструирования квалифицированного состава такового; 4) об отсутствии необходимости квалификации преступного посягательства, имеющего факультативный объект, по совокупности с другим преступлением; 5) об обстоятельствах, указывающих на потребность в оперировании понятием факультативного объекта в научной, законодательской и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: факультативный объект, факультативные признаки, юридическая конструкция, состав преступления, множественность преступлений.

Цитирование. Лобанова Л. В. К вопросу о факультативных признаках, характеризующих объект преступления // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 38–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.5>

Введение

Величие настоящего ученого обнаруживает себя не только в завершенных теориях, которые он оставляет научной общественности, но и в отдельных, казалось бы, высказываемых мимоходом суждениях. Оригинальные мысли, угадываемые за этими суждениями, подчас оказываются столь пронзительными, что заставляют усомниться в правильности господствующих теоретических положений об изучаемом явлении.

Именно такие идеи, вплетенные в канву учения о феномене иного рода, во многих случаях становятся отправным пунктом для других исследователей в проведении «ревидии» существующей концепции, касающейся предмета их научного поиска. В трудах Льва Леонидовича Кругликова подобных вдохновляющих идей немало. Не зря его работы охотно разбираются на цитаты. Прочитав и мы одно из произведений своего учителя, очерчивая рамки нашего исследования. Так, назвав шесть признаков, которые включаются законодателем в каждый состав преступления, ученый резонно замечал, что вряд ли можно найти в УК РФ состав, состоящий лишь из упомянутых шести призна-

ков [1, с. 68]. Далее Л.Л. Кругликов с присущей ему обстоятельностью последовательно перечислял применительно к элементам состава преступления признаки, на которые в отдельных нормативных конструкциях правотворец указывает дополнительно, и заключал, что «в случае вхождения в состав эти признаки становятся для данного вида состава обязательными» [1, с. 68]. Для нас в оговоренном выше перечислении весьма знаменательным видится отнесение автором к числу так называемых факультативных признаков объекта преступления таких свойств последнего, как дополнительный объект, предмет и потерпевший [1, с. 68]. Причем актуальным представляется, прежде всего, следующий вопрос: «Почему здесь не нашлось места факультативному объекту, который нередко фигурирует в качестве самостоятельного члена деления в классификациях объектов преступлений, осуществляемых применительно к преступлениям определенного вида (разновидности), позиционируемых как классификация объектов по “горизонтали”?» [2, с. 30; и др.] Думается, что ответ на поставленный вопрос любопытен как в теоретическом, так и практическом отношении.

**О специфике
факультативного объекта преступления
и его автономности от классификации
объектов преступления по «горизонтали»**

Сомнения в уместности упоминания о факультативном объекте преступного деяния в одном ряду с основным и дополнительным объектами преступления вызывает уже тот факт, что его своеобразие по отношению к дополнительному объекту преступления оказывается не таким уж очевидным, нежели разница с основным объектом. Признаки, которыми обычно наделяют дополнительный объект, при желании можно адресовать и факультативному объекту. В самом деле, последний также не имеет прямой связи с родовым объектом рассматриваемого преступления, не определяет сущность такового, выполняет роль лишь попутно защищаемого отношения, требование единичности к нему не применимо. Главной же его специфической чертой обычно признается необязательность нарушения конкретным преступлением [2, с. 31; и др.]. Оттого более взвешенной и кажется позиция тех авторов, которые признают факультативный объект преступления разновидностью дополнительного объекта [3, с. 308], ибо все, на что способна претендовать такая черта, – это служить признаком, оттеняющим внутривидовое отличие данного объекта от дополнительного объекта, без нарушения которого преступление определенного вида не может иметь места. И в подобном уточнении есть свой резон.

Каждая из проводимых при горизонтальной группировке видовых объектов преступлений логических операций имеет важное практическое значение при отграничении совокупности от ситуации, именуемой конкуренцией норм. Признание того или иного общественного отношения не основным, а дополнительным объектом во всех случаях должно означать отсутствие потребности в квалификации содеянного еще по одной статье уголовного закона, специально созданной для защиты именно этого общественного отношения, причем независимо от того, является ли нарушение такого отношения обязательным. Например, в составе хищения оружия, сопряженного с насилием, опасным для жизни и здо-

ровья (ч. 4 ст. 226 УК РФ), основной объект – отношения, обеспечивающие общественную безопасность, отношения, обеспечивающие безопасность здоровья человека, – объект дополнительный и всегда нарушаемый данным преступлением, а отношения собственности – факультативный дополнительный объект, нарушаемый лишь в том случае, если предмет хищения обладает стоимостью и способен участвовать в гражданском обороте. Но во всех подобных случаях излишней окажется квалификация содеянного как по статьям о преступлениях против здоровья личности, так и по статьям о преступлениях против собственности, и правоприменитель ограничится реализацией ч. 4 ст. 226 УК РФ. Исключение можно предположить лишь для ситуаций хищения оружия, обладающего особой исторической, научной или культурной ценностью, а также для хищения оружия, сопряженного с насилием, в результате чего умышленно был причинен тяжкий вред здоровью человека, от которого по неосторожности наступила смерть. Ведь ни на защиту культурного наследия, ни на охрану жизни человека карательный потенциал ст. 226 УК РФ не рассчитывался.

Дистанцирование дополнительного факультативного объекта от дополнительного необходимого объекта важно при решении другого вопроса. Таковой касается уголовно-правовых последствий отсутствия факта нарушения конкретным деянием общественных отношений, которые расцениваются в качестве дополнительного объекта преступления определенного вида, при том что присущий подобному преступлению основной объект установлен правоприменителем.

Отсутствие факультативного объекта не имеет квалификационного значения, коль скоро он не является обязательным для преступления определенного вида. Именно дискретность мешает подобному свойству выполнять роль какого бы ни было признака состава преступления, хотя таковая иногда и приписывается факультативному объекту [4, с. 234].

Вместе с тем и группировка объектов преступлений, в которой интересующий нас объект показывается как разновидность объекта дополнительного, с учетом сказанного не может быть воспринята безоговорочно. Ведь

в ней иной по сути предмет деления. Речь идет не о признаках состава преступления, характеризующих объект, а о тех общественных отношениях, которые нарушаются либо могут быть нарушены преступлением определенного вида, то есть признаках, относимых к преступлению без учета отражения их в законодательной формуле соответствующего преступного посягательства. В классификации же признаков состава преступления, характеризующих его объект, факультативному объекту места нет. Искать данное свойство преступления нужно за пределами его законодательной модели и сообразно с этим учитывать при решении вопросов, которые рассматриваются после того, как преступному деянию будет дана уголовно-правовая оценка, и прежде всего вопросов наказания.

**О невозможности
факультативного объекта обуславливать
квалификацию преступления
по совокупности и практической
важности соответствующего понятия**

Глубокое понимание Л.Л. Кругликовым того, что факультативный объект преступления вовсе не является факультативным признаком состава преступления, и объясняет отсутствие упоминания о нем автором в тех случаях, когда им анализируются нормативные формулы преступления, ранжируются свойства, которые принимает во внимание законодатель, фиксируя эти формулы в УК РФ.

Но освещаемая позиция, как, впрочем, уже было замечено, разделяется далеко не всеми учеными. При этом некоторые из исследователей пытаются обосновать возможность влияния факультативного объекта на квалификацию содеянного, тем самым допуская логическую ошибку и создавая предпосылки для ошибочных суждений правоприменителя. Так, Н.И. Коржанский сформулировал в свое время следующее правило: «Деяние, при совершении которого вред дополнительному объекту причиняется факультативно, образует совокупность преступлений» [2, с. 97]. Однако квалификацию по совокупности может обусловить нарушение содеянным нескольких общественных отношений, которые взяты под охрану различными уголовно-правовыми нор-

мами и, следовательно, являются основными объектами для разных по своей природе преступлений. Значит, факультативность дополнительного объекта преступления служить причиной признания такого рода множественности преступных посягательств не может.

Видимо, Н.И. Коржанского и самого несколько смущало приращение факультативному объекту подобной роли. Иначе трудно объяснить появление следующей его рекомендации: «Поскольку факультативный объект не является обязательным признаком состава преступления и не всегда влияет на квалификацию деяния, следовало бы, по нашему мнению, этот объект всегда выделять в качестве одного из квалифицирующих признаков состава преступления» [2, с. 32]. Рационального зерна такая идея, конечно, не лишена. Видимо, не совсем чужда она и законодателю, ибо квалифицированные разновидности ряда преступлений на самом деле являются многообъектными и приобрели свой статус благодаря принятию во внимание существенного изменения уровня общественной опасности определенного вида преступлений в том случае, когда ими нарушаются полезные социальные связи, находящиеся за границами спектра отношений, определяющих сущность преступных посягательств этого вида. Но едва ли предложенным путем можно было бы добиться решения всех проблем, которые связаны с признанием факультативности отдельных объектов и определением ее уголовно-правового значения.

Во-первых, признание законодателем тех или иных общественных отношений дополнительным объектом преступления определенного вида посредством конструирования квалифицированного состава не может служить панацеей от правоприменительных ошибок. Практические работники, к сожалению, далеко не всегда уделяют должное внимание так называемой классификации объектов преступления по «горизонтали» и порой не учитывают, какая роль отведена в законодательной конструкции преступления определенного вида тому или иному общественному отношению, нарушаемому в результате конкретного преступления, относимого к данному виду. Так, при квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, осуществленного в

процессе совершения разбоя, наряду с особо квалифицированным составом последнего (разбой с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего), нередко избыточно вменяется в вину осужденному преступление, предусмотренное ст. 111 УК РФ¹. Во-вторых, реализация подобной рекомендации в полном объеме вряд ли может быть сочтена целесообразной. Важно для обоснования этого подчеркнуть, что придание тому или иному обстоятельству статуса квалифицирующего признака должно быть подчинено выработанным наукой уголовного права требованиям [1, с. 99; и др.]. Применительно к объекту, факультативно нарушаемому преступлением соответствующего вида, это как минимум предполагает, что подобное нарушение: 1) во всех случаях значительно усиливает общественную опасность таких деяний и, 2) являясь распространенным, оно тем не менее не выступает преобладающим вариантом. Например, едва ли можно сомневаться в том, что заведомо ложный донос способен не только наносить урон общественным отношениям, складывающимся в сфере правосудия, но и подрывать социальную оценку человека, причем такое нарушение касается отнюдь не единичных ситуаций. Но объясним и тот факт, что в качестве квалифицирующего признака в законе представлено не всякое негативное изменение названного блага, а лишь выраженное в обвинении в тяжком или особо тяжком преступлении либо сопряженное с искусственным созданием доказательств обвинения (ч. 2 и 3 ст. 306). Можно не без оснований предположить, что вариант заведомо ложного сообщения о совершении преступления с указанием на конкретное лицо, якобы его совершившее, встречается значительно чаще, чем заведомо ложный донос лишь о факте преступного деяния. Однако последний вариант все же вероятен и далеко не всегда безобиден. Возможно, что отчасти в силу малой распространенности такого рода ложных сообщений о совершении преступления их преступный характер не столь очевиден для правоприменителя. Не случайно Пленум Верховного Суда РФ специально оговаривает отсутствие зависимости уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение «о событии подготавливаемого, совершаемого либо совершенного

уголовно-наказуемого деяния» от того, «содержит ли такое сообщение указание на причастность к данному деянию конкретных лиц»².

Причиной отказа законодателя от придания статуса квалифицирующего признака причинению вреда факультативно нарушаемому объекту может служить и неочевидность значительности его влияния на степень общественной опасности преступления определенного вида.

Вряд ли, например, можно с уверенностью говорить о том, что хищение огнестрельного оружия, запрещенного к обороту, менее опасно во всех случаях, нежели хищение оборотоспособных предметов вооружения, хотя только при последнем варианте происходит нарушение отношений собственности.

Думается, что и частота нарушения преступлениями определенного вида факультативно изменяемых в негативную сторону общественных отношений, и избирательность влияния подобной многообъектности преступных деяний на их общественную опасность позволяет объяснить отсутствие потребности в квалификации таких деяний по совокупности, несмотря на наличие в уголовном законе норм, специально созданных для защиты именно этих отношений. По нашему мнению, приблизительно на такого рода рассуждениях базируются, например, некоторые рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, направленные на исключение избыточности квалификации преступлений. «Если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера потерпевшему лицу был причинен легкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное охватывается диспозициями статей 131 и 132 УК РФ»³, – подчеркивает Пленум в одном из своих интерпретационных актов. Что означает эта рекомендация, если не признание факультативности для изнасилования, не отягощенного некоторыми квалифицирующими признаками, причинения вреда здоровью и неспособности названного факультативного объекта обусловить квалификацию содеянного по совокупности?

К сожалению, не во всех необходимых случаях высший судебный орган России формулирует подобные рекомендации. Практи-

ческим работникам поэтому не всегда просто понять, когда нарушенное общественное отношение следует считать факультативным объектом для того же самого преступления, а когда оно должно быть признано основным объектом совершенно другого по природе преступления. Ориентир для решения данной проблемы тем не менее есть. Как и в ряде других ситуаций, это принятие во внимание гибкости санкции, вариативности видов и размеров устанавливаемых ими наказаний. Разумеется, такой ориентир должен задаваться законодателем. С учетом приведенных соображений равным образом было бы неправильно как отнесение факультативного объекта преступления к признакам состава такового, так и игнорирование важности такого понятия, как «факультативный объект».

Изученное понятие, несомненно, необходимо и для доктрины, и для правоприменительной практики как гарантия от необоснованного вменения в вину лицу одних и тех же обстоятельств дважды и предпосылка для адекватной оценки степени общественной опасности различных проявлений преступлений одного и того же вида.

Результаты написания настоящей работы, мотивированного стремлением глубоко осмыслить существо суждений Л.Л. Кругликова, высказанных в рамках его учения о юридических конструкциях, представлены ниже.

- рельефно показано своеобразие факультативного объекта преступления;

- выявлены логические ошибки в существующих классификациях объектов преступлений определенного вида, предназначенных для анализа законодательных моделей таких преступных деяний, заключающиеся в выделении в рамках подобных группировок факультативных объектов;

- признана невозможность отнесения факультативно нарушаемого общественного отношения к числу признаков соответствующего состава преступления;

- установлена неспособность такого объекта выступать причиной для констатации множественности преступлений;

- определено действительное значение понятия «факультативный объект преступления» для теории уголовного права и правоприменения.

Отмеченное послужило основой для следующих тезисов:

1. Л.Л. Кругликов отнюдь не случайно, рассуждая о конструкции состава преступления, не упоминает о факультативном объекте. Своеобразие последнего в том и заключается, что дискретность нарушения его преступлением определенного вида (разновидности) свидетельствует об отсутствии у данного объекта свойства обязательности, то есть качества, являющегося неперенным атрибутом для любого признака состава преступления, включая факультативные.

2. Сообразно со сказанным в пункте 1 факультативный объект преступления не следует принимать во внимание в классификации признаков состава преступления, характеризующих объект преступления. В классификациях объектов преступления, предназначенных для анализа законодательных моделей преступного деяния, ему также некорректно приписывать какую-либо роль. Он не может служить в таких группировках ни самостоятельным членом деления, наряду с основным и дополнительным объектами, ни разновидностью дополнительного объекта. Классификация, в которой важная роль отводилась бы интересующему нас объекту преступления, должна иметь иной предмет деления – общественные отношения, нарушаемые преступлением определенного вида, взятые вне контекста возведения их в ранг признаков состава преступления. В ней факультативный объект должен быть дистанцирован от отношений, нарушаемых такими посягательствами в обязательном порядке, поскольку лишь его отсутствие, как правило, не имеет квалификационного значения.

3. Предложение придавать объекту, факультативно нарушаемому преступлением определенного вида, статус квалифицирующего признака (тем самым подчеркивать его квалификационное значение) заманчиво, но нереализуемо в полном объеме, поскольку появление подобных квалифицированных составов было бы не вполне криминологически обоснованным. Не всегда при подобном реформировании уголовного закона можно было бы должным образом учесть уровень распространенности среди преступлений того или иного вида (разновидностей) вариантов с фа-

культативно нарушаемыми объектами, а также наличие (отсутствие) в таких условиях реального различия в степени общественной опасности содеянного.

4. Факультативный объект преступления определенного вида не способен служить причиной для квалификации такого преступления по совокупности с другим преступным посягательством. Названная функция по силам лишь общественному отношению, нарушение которого законодатель считает и обязательным для этого другого преступления, и определяющим потребность в конструировании самостоятельного уголовно-правового запрета, да и то не всегда. Частота нарушения преступлением определенного вида факультативно изменяемых в негативную сторону общественных отношений и избирательность влияния подобной многообъектности преступных деяний на уровень их общественной опасности позволяют объяснить отсутствие потребности в квалификации деяний по совокупности, несмотря на наличие в уголовном законе норм, созданных для защиты именно этих отношений. Сказанное подчеркивает важность оперирования понятием «факультативный объект преступления». Таковое создает предпосылки для того, чтобы исключить вменение в вину лицу одного и того же обстоятельства дважды, а равно учета опасности нарушения тех или иных социальных ценностей в контексте других обстоятельств, и особенно в сочетании с негативными изменениями других общественных отношений.

5. Как и иные свойства преступления, которые не нашли отражения в его законодательной модели, факультативный объект преступлений подлежит учету при решении, как правило, вопросов, возникающих после того, как будет осуществлена квалификация данного преступления, и прежде всего для определения меры наказания. Возможность дифференцированного подхода к такому учету, думается, должна закладываться в санкции статьи. Если законодатель принимает во внимание, задавая нормативную формулу преступления, что последнее факультативно нарушает какие-то полезные социальные связи в дополнение к отношениям, нарушаемым в обязательном порядке, он должен сигнализировать об этом правоприменителю вариативностью вида и (или) размера устанавливаемого наказания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. С. 15; № 6. С. 25, 27, 28.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.07.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». П. 19.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве : монография / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2005. – 336 с.
2. Коржанский, Н. И. Объект посягательства и квалификация преступлений : учеб. пособие / Н. И. Коржанский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1976. – 120 с.
3. Наумов, А. В. Российское уголовное право : курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть / А. В. Наумов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 710 с.
4. Мальцев, В. В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве : монография / В. В. Мальцев. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 512 с.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L., Spiridonova O.Ye. *Yuridicheskiye konstruksii i simvolyy v ugolovnom prave: monographiya* [Legal Constructs and Symbols in Criminal Law. Monograph]. Saint Petersburg, Yurid. tsentr – Press Publ., 2005. 336 p.

2. Korzhansky N.I. *Obyekt posyagatelstva i kvalifikatsiya prestupleniy: ucheb. posobie* [The Object of Encroachment and the Qualification of Crimes. Textbook]. Volgograd, VSSh MVD SSSR, 1976. 120 p.
3. Naumov A.V. *Rossiyskoye ugolovnoye pravo: kurs lektsiy. V 3 t. T. 1. Obschaya chast* [Russian Criminal Law. Course of Lectures. In 3 Vols. Vol. 1. General Part]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2008. 710 p.
4. Maltsev V.V. *Obyekt okhrany (prestupleniya) v ugolovnom prave: monographiya* [The Object of Protection (Crimes) in Criminal Law. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 512 p.

Information About the Author

Lyubov V. Lobanova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, lobanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4686-124X>

Информация об авторе

Любовь Валентиновна Лобанова, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, lobanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4686-124X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.6>

UDC 343.2

LBC 67.408

Submitted: 09.02.2026

Accepted: 27.02.2026

SPECIFIC ISSUES OF THE EFFECTIVENESS OF USING PRESUMPTIONS AND FICTIONS IN THE INSTITUTION OF CRIMINAL RECORDS

Maria A. Malimonova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the quality of legal regulation depends not only on the success of the legislator's cognitive activity in forming his will but also on the competent use of technical and legal tools, including presumptions and fictions. In the modern institution of criminal records, these components of legislative technique are actively involved, but errors and miscalculations were made in their use (ignoring the possibility of rebutting presumptions, the deviation from the intended purpose of fictions, etc.), which served as an obstacle to the effective implementation of this institution. **Purpose:** 1) to identify the presumptions and fictions of fundamental importance for the regulation and application of the institution of criminal records; 2) to identify typical problems of the legislative regulation and application of the institution of criminal records caused by incorrect application of presumptions and fictions and to propose ways to eliminate them. As a **result**, the fundamental presumptions and fictions for the institution of criminal records are identified, as well as the facts of their incompetent use, which in turn have created conditions for the incorrect application of this normative formation. The recommendations are given for eliminating existing errors in this part. **Methods:** the research methodology includes system analysis, synthesis, and the formal-logical and documentary methods. **Conclusions:** 1) the fundamental ones in the institution of criminal records are the presumption of increased public danger of a person with a criminal record and the presumption of the decrease of such danger up to its loss over time; 2) the absence in the Criminal Code of provisions regarding the interruption of the expungement period for a prior conviction in case a person commits a new crime, as well as regarding the calculation of the expungement period based on the substituted type of punishment, is the result of the incomplete consideration of the presumption of the diminution of the social danger posed by a convicted person and the loss of such danger over time; 3) the use of fictions in defining the concept of criminal record (parts 1 and 2 of Article 86 of the Criminal Code) is inexpedient and ineffective, therefore, it is necessary to abandon them and introduce a legal definition of the term "criminal record" as part of a separate article of the Criminal Code; 4) in the application of the institution of criminal record, an important role is played by fictions, which are knowingly false statements about a legal fact, resulting from official interpretation, not a legislative activity. Such phenomena are proposed to be called "interpretative fictions" and considered as means of legal technique.

Key words: institution of criminal records, legal presumption, fiction, public danger of a person with a criminal record, expungement and removal of criminal record, interpretative fiction.

Citation. Malimonova M.A. Specific Issues of the Effectiveness of Using Presumptions and Fictions in the Institution of Criminal Records. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 46-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.6>

УДК 343.2

ББК 67.408

Дата поступления статьи: 09.02.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЗУМПЦИЙ И ФИКЦИЙ В ИНСТИТУТЕ СУДИМОСТИ

Мария Андреевна Малимонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: качество правового регулирования зависит не только от успеха познавательной деятельности законодателя при формировании своей воли, но и от грамотного оперирования технико-юридическим

инструментарием, в том числе презумпциями и фикциями. В современном институте судимости названные компоненты законодательной техники активно задействованы, однако при их использовании допущены ошибки и просчеты (игнорирование возможности опровержения презумпций, отступление от целевого назначения фикций и т. п.), что послужило препятствием для эффективной реализации названного института. **Цель:** 1) выявить презумпции и фикции, имеющие основополагающее значение для регламентации и применения института судимости; 2) выявить обусловленные неправильным применением презумпций и фикций типичные проблемы законодательной регламентации и применения института судимости, предложить пути устранения последних. **В результате** выявлены основополагающие для института судимости презумпции и фикции, а также факты их неграмотного использования, которые, в свою очередь, создали условия для неправильного применения названного нормативного образования. Даны рекомендации по устранению имеющихся в этой части ошибок. **Методология** исследования включает в себя системный анализ, синтез, формально-логический, документарный методы. **Выводы:** 1) основополагающими в институте судимости являются презумпция повышенной общественной опасности лица, подвергнутого уголовному наказанию, и презумпция уменьшения такой опасности вплоть до ее утраты с течением времени; 2) отсутствие в Уголовном кодексе предписаний о прерывании срока погашения судимости за предыдущее преступление в случае совершения лицом нового преступления, а равно об исчислении срока погашения судимости исходя из заменяющего вида наказания – результат неполного учета презумпции уменьшения общественной опасности судимого лица и утраты такой опасности с течением времени; 3) использование фикций при определении понятия судимости (ч. 1 и 2 ст. 86 УК) нецелесообразно и неэффективно, в связи с чем следует отказаться от них и ввести легальную дефиницию термина «судимость» как часть отдельной статьи УК; 4) в применении института судимости важную роль играют фикции, представляющие собой заведомо ложные положения о юридическом факте, являющиеся результатом официального толкования, а не законодательной деятельности. Подобные феномены предложено именовать интерпретационными фикциями и считать средствами юридической техники.

Ключевые слова: институт судимости, правовая презумпция, фикция, общественная опасность лица, подвергнутого уголовному наказанию, погашение и снятие судимости, интерпретационная фикция.

Цитирование. Малимонова М. А. Частные вопросы эффективности использования презумпций и фикций в институте судимости // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 46–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.6>

Введение

Качество правового регулирования зависит не только от успеха познавательной деятельности законодателя при формировании своей воли, но и от грамотного оперирования технико-юридическим арсеналом при ее воплощении в нормативных правовых актах. В этой связи презумпции и фикции активно используются не только как способ логико-рационального восприятия действительности, но и как тот инструментарий, с помощью которого можно обеспечить логическую основу правового регулирования и нормативного материала.

Осознавая важность законодательной техники для эффективного уголовно-правового регулирования, Лев Леонидович Кругликов избрал ее изучение в качестве одного из успешных (как показало время) направлений Ярославской уголовно-правовой школы. «Неправильное определение законодателем необходимого инструментария (например, применение презумпции вме-

сто аксиомы, и наоборот) чревато серьезными ошибками при построении российского уголовного законодательства и осуществлении правоприменительной деятельности» [1, с. 929], – отмечал профессор. С ним нельзя не согласиться.

Современный институт судимости с точки зрения своего технико-юридического оформления предстает не в лучшем виде. Причиной тому служат, в частности, ошибки, допущенные законодателем при использовании логических средств законодательной техники – презумпций и фикций.

О презумпциях и фикциях, значимых для регламентации и применения института судимости, их специфике и отдельных проблемах эффективности, а также о возможных способах решения последних пойдет речь в данной публикации.

О презумпциях в институте судимости

В обыденном понимании презумпция представляет собой предположение, которое

считается истинным до тех пор, пока не доказано обратное. Механизм ее образования заключается в неполной индукции, то есть когда суждение о предполагаемом факте (обобщенный вывод) формируется на основе анализа лишь части объектов. При этом Л.Л. Кругликов и Ю.Г. Зуев метко подметили, что процесс применения презумпции в правовом регулировании, напротив, имеет характер дедукции – «распространения вывода на новые явления, сходные с теми, что послужили основой обобщения» [2, с. 265].

Дискуссию вызывает вопрос о неопровержимых презумпциях. Существование таковых признает ряд специалистов [3, с. 26–27; 4, с. 83; и др.]. С одной стороны, неотъемлемым элементом презумпционного положения с позиции логики является контрпрезумпция – закрепленная в законе возможность опровержения взятого изначально за истинное суждения. С другой стороны, правовая презумпция, как отмечает М.Л. Давыдова, несмотря на то что производна от фактической, может не унаследовать данный признак, поскольку законодатель порой целенаправленно исключает возможность опровержения презюмируемого факта, превращая тем самым презумпцию в норму права или правовую фикцию [5, с. 17]. Именно в неполной индукции коренится основная причина неуниверсальности презумпционного положения, отчего в ее конструкции (фактической и юридической) необходима возможность опровержения. Этими признаками презумпция отличается от аксиомы и фикции.

В институте судимости можно обнаружить немало презумпций. Во-первых, само по себе закрепление в уголовном законе правового состояния судимости, пребывая в котором лицо, совершившее преступление и уже отбывшее наказание, длительное время находится на особом контроле государства, несет определенное бремя, обусловлено презумпцией повышенной общественной опасности лица, подвергнутого уголовному наказанию. Данная презумпция косвенно закреплена в некоторых статьях УК (ч. 1, 3 и 6 ст. 86). Она же является логической основой для субинститута правовых последствий судимости.

Во-вторых, идея о необходимости усиления уголовно-правовой кары в отношении

лица, имеющего судимость и повторно нарушившего уголовно-правовой запрет, взята не за безусловную, а предполагаемую истину и косвенно закреплена в ст. 68 УК. Предписания ее ч. 2, фиксирующие минимальный предел назначаемого лицу наказания, базируются на идее усиления кары за рецидив преступлений, которая, в свою очередь, основана на презумпции повышенной общественной опасности рецидивиста. Озвученная идея не является аксиомой, поскольку в ч. 3 данной статьи имеется контрпрезумпция – предусмотренная возможность отступления от правила об ужесточении наказания за рецидив преступлений (подробнее см.: [6, с. 113–115]). И лишь случай специального рецидива преступлений, если он одновременно подпадает под квалифицирующий признак состава преступления (например, п. «а» ч. 5 ст. 131 УК), может быть воспринят как проявление уголовно-правовой аксиомы увеличения общественной опасности преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств.

В-третьих, презумпция уменьшения общественной опасности лица, осужденного за преступление к наказанию, вплоть до утраты таковой по прошествии времени, лежит в основе субинститута прекращения судимости. К примеру, это положения о погашении судимости по истечении конкретного срока (ч. 3 УК), о снятии судимости в связи с позитивным поспенитенциарным поведением лица (ч. 5 ст. 86 УК, положения актов об амнистии, указов Президента РФ по вопросам помилования).

Вместе с тем считаем, что упомянутая презумпция учтена законодателем не в полной мере. Так, безосновательно, думается, он отказался от возможности ее опровержения в ситуации погашения судимостей при их множественности. Ввиду отсутствия в УК предписаний о прерывании срока погашения судимости судимость за ранее совершенное преступление может быть погашена во время отбывания наказания за новое преступление. Подобное поведение же, напротив, указывает на увеличение общественной опасности лица, что нельзя игнорировать.

Неполный учет презумпции уменьшения общественной опасности лица в предписаниях о погашении судимости привел к невозможности применения к лицу иного размера сро-

ка, погашающего судимость, обусловленного видом, заменяющим назначенное наказание. Предписания о замене первоначального наказания более мягким или более строгим видом (например, ст. 80, ч. 3 ст. 49) основаны на предположении об изменчивости общественной опасности осужденного – ее снижении либо возрастании. Следовательно, факт, подтверждающий либо опровергающий истинность выдвинутого предположения, здесь нормативно закреплён.

О фикциях в институте судимости

Фикция в общем смысле – положение о явлениях и взаимосвязях, заведомо несуществующих или очень маловероятных [1, с. 922]. Ввиду нормативного закрепления и императивности соответствующее ложное положение объявляется истинным, общеобязательным и неоспоримым. Наличие фикций в праве оправдывается их целью – они призваны оказать содействие участникам юридической деятельности в преодолении правовой неопределенности, становясь своего рода «ложью во спасение». Таким образом, юридическая фикция – это «заведомо ложное положение относительно существования либо отсутствия юридически значимого факта, закрепленного в качестве истинного и неоспоримого в законе или ином законодательном акте посредством нетипичного правового предписания императивного типа в целях преодоления правовой неопределенности в регламентации общественных отношений, обеспечения стабильности правового регулирования, а равно экономики нормативного материала» [7, с. 42].

В первую очередь фикция встроена в определение судимости (ч. 1 ст. 86 УК – фраза «считается судимым»), а также закреплена в ч. 2 ст. 86 УК, согласно которой возникшая судимость признается несуществующей. Серьезным недостатком названного законоположения является отсутствие указания на те самые виды освобождения от наказания, что затрудняет постижение смысла закона его адресатами. Приемлемым с позиции целей законодательной техники нам видится отказ от использования фикций при определении понятия судимости и закрепление путем оптимизации предписаний ч. 1 и 2 ст. 86 УК в от-

дельной статье закона дефиниции судимости, отражающей при этом существенные признаки данного правового состояния (подробнее см.: [7, с. 153]).

Положения о прекращении судимости путем погашения и снятия также воспринимаются как фикция [1, с. 922]. Так, формулировки ч. 3, 3.1, 5 ст. 86 УК неоспоримо указывают на факт прекращения судимости с определенного момента, то есть факт утраты ею юридического значения и способности вызывать к жизни какие-либо правовые последствия впредь (что логически верно и согласуется с природой судимости как временного состояния). Но факт наличия бессрочных правовых последствий судимости обличает ложность тезиса о «смерти» судимости.

Юридическая фикция, имеющая косвенное отношение к институту судимости, а именно к его применению, сокрыта в предписаниях ст. 96 УК. Используя прием отождествления одного объекта с другим в отсутствие общих черт, правотворец приравнял совершеннолетних лиц к несовершеннолетним. Руководствуясь данной фикцией, правоприменителю надлежит разрешать ряд уголовно-правовых вопросов, включая вопрос о погашении судимости за длящееся или продолжаемое преступление ¹.

О фикциях, имеющих значение для применения института судимости, но не закрепленных в законе

Примечательно, что в ходе исследования обнаружили своего рода заведомо ложные положения, которые принимаются за истинные при разрешении на практике вопросов, связанных с судимостью, но которые не закреплены в виде конкретного предписания в законе.

К таким положениям можно отнести, во-первых, выводимое из системного толкования положений уголовного и уголовно-процессуального законов утверждение, что судимость, а равно реализовавшиеся в реальной действительности ее правовые последствия объявляются не существующими и никогда не существовавшими в случае оправдания лица в связи с пересмотром дела либо изменением обвинительного приговора путем принятия реше-

ния об освобождении от наказания. Заведомая ложность приведенного утверждения очевидна, поскольку вернуть человека в первоначальное состояние к моменту вступления обвинительного приговора в законную силу, отменив судимость, невозможно, так как он, к примеру, уже отбыл наказание либо его часть, был уволен с работы и т. п. Применение же данной фикции влечет юридические последствия – переквалификацию совершенного деяния, восстановление на работе и др.

Во-вторых, фикция по факту заключена в ключевом для отрасли уголовного права понятии «лицо, совершившее преступление впервые». Из официального толкования этого термина следует, что таковым признается лицо, которое не только фактически, но и юридически совершает преступление не в первый раз (в частности, лицо со снятой или погашенной судимостью)².

Еще одна фикция, закрепленная в интерпретационном акте, представляет собой заведомо ложное суждение, согласно которому лицо, освобожденное судом в момент постановления приговора от назначенного наказания в связи с зачетом срока содержания под стражей, признается судимым³. Хотя, опираясь на природу данного вида освобождения и предписания ч. 2 ст. 86 УК, такого осужденного, считаем, следует признать не судимым.

Возникает вопрос: являются ли приведенные положения юридическими фикциями? Некоторые признаки, предписываемые правовым фикциям, им присущи. В их основе лежит заведомо несуществующее положение, то есть по смыслу это ложные суждения. Они нормативны, ведь на их основе разрешаются типичные жизненные ситуации. Проблема в том, что исследуемые фиктивные положения либо вовсе лишены текстуальной формы, либо местом их закрепления служит не закон, а акт судебного толкования. Формально постановления Пленума Верховного Суда РФ не являются источниками права, а потому содержащиеся в них разъяснения и рекомендации не считаются общеобязательными, но для нижестоящих судов ввиду наличия цели обеспечить единообразное применение уголовного закона они давно *de facto* стали обязательными. Кроме того, действительно, в результате истолкования законоположений судами высшего звена рождается по сути новое (наполнен-

ное новым смыслом) правило, подлежащее применению. Такие «трансформированные нормы» находят свое место в постановлениях Конституционного Суда РФ (являющихся, впрочем, обязательными к исполнению) и Пленума Верховного Суда РФ.

Однако данные фиктивные положения не используются законодателем, а значит, не могут быть причислены к компонентам законодательной техники, хотя, думается, имеют место быть в технике юридической, составляющими частями которой выступает интерпретационная и правореализационная техника. Возможно, стоит говорить о новом специфическом виде фикций в праве – интерпретационных либо смотреть на юридические фикции более широко.

В результате нами выявлены основополагающие для института судимости презумпции и фикции, а также факты их неграмотного использования, которые, в свою очередь, создали условия для неправильного применения названного нормативного образования. Для повышения эффективности использования названных компонентов законодательной техники выдвинуты конкретные предложения.

В заключение приведем следующие выводы:

1. Основополагающими в институте судимости являются презумпция повышенной общественной опасности лица, подвергнутого уголовному наказанию, и презумпция уменьшения такой опасности вплоть до утраты с течением времени. С их учетом в уголовном законе закреплена сама судимость как специфическое правовое состояние лица, сформулированы нормативные предписания, касающиеся вопросов усиления ответственности и наказания, об иных правовых последствиях судимости и ее прекращении.

2. Игнорирование законодателем презумпции уменьшения общественной опасности лица, осужденного к наказанию и получившего судимость, и утраты такой опасности с течением времени привело к серьезным проблемам. Первый – отсутствие в УК предписания о прерывании срока погашения судимости за предыдущее преступление в случае совершения лицом нового преступления; второй – отсутствие возможности исчислять срок погашения судимости исходя не из назначенного вида наказания, а заменяющего.

3. Использование фикций при регламентации понятия судимости признано не отвечающим целевому назначению фикций в частности и законодательной техники в целом. В этой связи целесообразны отказ от их использования при определении понятия судимости (ч. 1 и 2 ст. 86 УК) и введение легальной дефиниции данного термина.

4. Значимую роль в применении института судимости играют положения, являющиеся по сути фикциями, но не облеченные в форму нормативного предписания. Появляются они в результате интерпретационной деятельности и в одних случаях выводятся из системного толкования положений закона, в других – имеют вид формулировки разъяснения или рекомендации из постановления Пленума Верховного Суда РФ. Подобного рода феномены обладают всей суммой признаков юридических фикций как средств законодательной техники. Как

вариант, они могут быть названы интерпретационными фикциями и включены в арсенал средств юридической техники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости». Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кругликов, Л. Л. Аксиомы, презумпции и фикции в уголовном праве: динамический аспект / Л. Л. Кругликов // *Lex Russica* (Русский закон). – 2006. – № 5. – С. 920–929.
2. Кругликов, Л. Л. О презумпциях как технико-юридическом средстве в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Ю. Г. Зуев // *Юридическая техника*. – 2010. – № 4. – С. 265–271.
3. Цуканов, Н. Н. К вопросу о существовании неопровержимых правовых презумпций / Н. Н. Цуканов // *Сибирское юридическое обозрение*. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 22–29. – DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-22-29
4. Зацепина, О. Е. Классификация правовых презумпций / О. Е. Зацепина // *Актуальные проблемы российского права*. – 2018. – № 2 (87). – С. 80–87. – DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.080-087
5. Давыдова, М. Л. Косвенные и неопровержимые презумпции: некоторые размышления к старым дискуссиям / М. Л. Давыдова // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. – 2021. – № 11 (2). – С. 10–20.
6. Лобанова, Л. В. Обеспечение справедливости наказания при рецидиве преступлений и наличии смягчающих обстоятельств / Л. В. Лобанова, М. А. Малимонова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 4. – С. 111–117. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14
7. Малимонова, М. А. Судимость и ее прекращение по уголовному праву: проблемы законодательной техники и правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук / Малимонова Мария Андреевна. – Волгоград, 2022. – 354 с.

REFERENCES

1. Kruglikov L.L. Aksiomy, prezumpstsi i fiksii v ugovolnom prave: dinamicheskiy aspekt [Axioms, Presumptions and Fictions in Criminal Law: A Dynamic Aspect]. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2006, no. 5, pp. 920-929.
2. Kruglikov L.L., Zuev Yu.G. O prezumpstsiyakh kak tekhniko-yuridicheskoy sredstve v ugovolnom prave [About Presumptions as a Technical and Legal Means in Criminal Law]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2010, no. 4, pp. 265-271.
3. Tsukanov N.N. K voprosu o sushchestvovanii neoproverzhimyykh pravovykh prezumpstsiy [On the Question of the Existence of Irrefutable Legal Presumptions]. *Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye* [Siberian Law Review], 2020, vol. 17, no. 1, pp. 22-29. DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-1-22-29

4. Zatsepina O.Ye. Klassifikatsiya pravovykh prezumptsiy [Classification of Legal Presumptions]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2018, no. 2 (87), pp. 80-87. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.080-087

5. Davydova M.L. Kosvennye i neoproverzhimye prezumptsii: nekotorye razmyshleniya k starym diskussiyam [Indirect and Irrefutable Presumptions: Some Musings to Old Discussions]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* [Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law], 2021, no. 11 (2), pp. 10-20.

6. Lobanova L.V., Malimonova M.A. Obespecheniye spravedlivosti nakazaniya pri retsidive prestupleniy i nalichii smyagchayushchikh obstoyatelstv [Ensuring Sentencing Fairness in Cases of Recidivism with Mitigating Circumstances]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 4, pp. 111-117. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.14

7. Malimonova M.A. *Sudimost i yeye prekrashcheniye po ugovnomu pravu: problemy zakonodatelnoy tekhniki i pravoprimeneniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Record and Its Termination Under Criminal Law: Problems of Legislative Technique and Law Enforcement. Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2022. 354 p.

Information About the Author

Maria A. Malimonova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, malimonova@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9516-2388>

Информация об авторе

Мария Андреевна Малимонова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, malimonova@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0006-9516-2388>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.7>

UDC 343.21:347

LBC 67.408:67.404

Submitted: 08.01.2026

Accepted: 27.02.2026

CRIME AND TORT: ON THE ISSUE OF THE ECONOMY OF CRIMINAL REPRESSION

Oleg N. Pikurov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in recent years, both in the mass information space and in the scientific world, the issue of the so-called economy of criminal repression has been raised quite often, which is understood as the preference for the mildest measures of punishment or the refusal to recognize an act as criminal completely or in favor of other measures of legal responsibility. In his works, the outstanding jurist L.L. Kruglikov repeatedly addressed this problem in the aspect of differentiation of responsibility, taking into account the concept of feasibility, including at the interdisciplinary level. The results of his work have served as the starting point for achieving the **purpose** of this study: to clarify the boundaries of the intersection of criminal and civil liability to assess the possibility of the latter acting as a safety element for the protection of public relations when the state refuses criminal prosecution, taking into account the circumstances of a specific act or as a replacement for decriminalized offenses. **Methods:** the study employed both the general scientific methods – the systemic approach, analysis, and the historical method – and the special legal methods – formal-logical and comparative law. **Conclusions:** without denying the mutual influence of various branches of law, one must acknowledge the fundamental differences in the nature of crime and civil tort. Consequently, criminal and civil liabilities are not interchangeable but function independently as legal instruments. This must be taken into account when assessing the feasibility of refraining from applying criminal law measures, both in law enforcement practice and in the sphere of lawmaking, so as not to leave social relations without proper protection in the event that such a decision is made.

Key words: economy of criminal repression, crime, tort, restorative justice, exemption from liability due to active repentance.

Citation. Pikurov O.N. Crime and Tort: On the Issue of the Economy of Criminal Repression. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 53-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.7>

УДК 343.21:347

ББК 67.408:67.404

Дата поступления статьи: 08.01.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И ДЕЛИКТ: К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИИ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ

Олег Николаевич Пикуров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в последние годы как в массовом информационном поле, так и в научном мире довольно часто поднимается вопрос о так называемой экономии уголовной репрессии, под которой понимают предпочтению наиболее мягких мер наказания либо отказ от признания деяния преступным полностью или в пользу иных мер юридической ответственности. В своих трудах выдающийся правовед Л.Л. Кругликов неоднократно обращался к этой проблематике в ракурсе дифференциации ответственности с учетом понятия целесообразности, в том числе на межотраслевом уровне. Результаты его работ послужили отправной точкой достижения **цели настоящего исследования:** уяснения границ пересечения уголовной и гражданско-правовой ответственности для оценки возможности последней выступить в качестве страховочного элемента охраны общественных отношений при отказе государства от уголовного преследования с учетом обстоятельств конкретного деяния или взамен декриминализированных составов. **Методы:** в работе использовались как общенаучные методы – системного подхода, анализа, исторический, так и специальные юридичес-

кие – формально-логический, сравнительно-правовой. **Выводы:** не отрицая взаимовлияния различных отраслей, следует признать существенные различия природы преступления и гражданско-правового деликта. Как следствие, уголовная и гражданско-правовая ответственность являются не взаимозаменяемыми, независимо друг от друга функционирующими правовыми инструментами. Это важно учитывать при оценке целесообразности отказа от применения уголовно-правовых мер воздействия как в правоприменительной практике, так и в сфере законотворчества, чтобы не оставить без надлежащей охраны общественные отношения в случае принятия подобного решения.

Ключевые слова: экономия уголовной репрессии, преступление, деликт, восстановительное правосудие, освобождение в связи с деятельным раскаянием.

Цитирование. Пикуров О. Н. Преступление и деликт: к вопросу об экономии уголовной репрессии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 53–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2026.1.7>

Введение

Принципу экономии уголовной репрессии Л.Л. Кругликов придавал важное значение, считая его косвенно обозначенным в ст. 60 УК РФ [11, с. 18]. Более того, ученый в обоснование своих доводов опирался на этот принцип как на непосредственно действующий, истолковывая на его основании, к примеру, право суда самостоятельно разъяснять больному наркоманией осужденному возможность отсрочки отбывания наказания [8, с. 93]. Выделяют этот принцип как самостоятельный и другие авторы [5; 16; 17].

Как в научной литературе, так и в публичном медийном пространстве расширение сферы его применения обосновывается бесчисленным множеством самих по себе бесспорных факторов: от реализации принципа гуманизма до снижения нагрузки на уголовно-исполнительную систему. Как правило, высказываемые суждения так или иначе касаются облегчения участи преступников. Но как соблюсти принцип справедливости, не нарушив баланс соответствия указанных в ст. 6 УК РФ категорий в сторону *занижения* объема уголовно-правовых мер относительно характера и степени общественной опасности преступления? Этот вопрос, от которого зависит безопасность конкретных потерпевших и общества в целом, остается открытым.

Терминологические уточнения

Упреждая возможный упрек в смешении понятий, поясним, что приводимые аргументы в равной мере относятся как к стадии законотворчества (в формате дифференциации

ответственности), так и правоприменения (индивидуализации). А.В. Андреев и Л.В. Лобанова отмечают, что «индивидуализация ответственности преследует ту же цель, служит тем же средством, что и дифференциация, является ее логическим продолжением» [1, с. 122]. Разделяя понятия дифференциации и индивидуализации, но учитывая их преемственный характер, автор исключительно в рамках настоящей статьи, употребляя один из них, подразумевает аналогичное отношение к другому парному термину.

Следует признать, что экономия мер уголовной репрессии проявляется в виде выбора более мягкой меры воздействия (уравнивающе-распределительный аспект) либо смягчения наказания на стадии его отбывания (уголовно-исполнительный аспект) [17, с. 28].

Применительно к определению дифференциации юридической ответственности мы солидарны с Л.Л. Кругликовым, который понимал под ней «установление в законе различных ее видов (форм) в зависимости от наиболее типичных свойств, характеризующих в обобщенном виде различные группы правонарушений» [9, с. 307; 10, с. 273]. При этом Лев Леонидович относил себя к сторонникам ученых, которые помимо дифференциации уголовной ответственности выделяют дифференциацию юридической ответственности в уголовном праве в качестве второго уровня различения, указывая по поводу последнего: «В период действия прежнего УК 1960 года он, по сути, не ставился под сомнение, поскольку предусматривались административная, дисциплинарная, гражданско-правовая и общественная формы реагирования на преступное

поведение при наличии определенных условий (ч. 3 ст. 50, п. “б” ст. 256 и др.)» [10, с. 274].

Не отрицая приводимых далее в указанной статье аргументов в пользу наличия обоих уровней дифференциации, обратим внимание лишь на то, что перечисленные в ч. 3 ст. 50 УК РСФСР 1960 г. меры (административная ответственность, рассмотрение материалов товарищеским судом или комиссией по делам несовершеннолетних, передача лица на поруки) [19] не относились к гражданско-правовым средствам, а носили более мягкий, но все тот же сугубо репрессивный характер. За одно и то же учиненное деяние невозможно было ни одновременное их применение в совокупности, ни сочетание с уголовной ответственностью.

Между тем параллельная гражданско-правовая ответственность вполне допустима. Так, Ю.И. Ляпунов отмечал ее самостоятельность относительно других видов юридической ответственности и указывал на возможность наступления независимо от того, совершил ли правонарушитель административный проступок или преступление либо в его действиях вообще отсутствуют признаки указанных деликтов. Он подчеркивал, что «гражданско-правовая ответственность выполняет компенсационную функцию и преследует цель восстановления нарушенного ответчиком права потерпевшей стороны» [13, с. 22].

Думается, стоит сделать еще одну оговорку, касающуюся объема понятия гражданско-правовой ответственности, которую для целей нашего исследования мы ограничиваем деликтными обязательствами, оставляя в стороне смежный вопрос нарушения договорных обязательств.

Постановка проблемы, или «вместе» отрицает «вместо»

В научной литературе как позднесоветского, так и российского периодов, нередко можно встретить предложения замены уголовно-правовой ответственности гражданско-правовой. Оценка сути предлагаемой декриминализации не входит в нашу задачу, обратим внимание на формулировки, свидетельствующие о видении авторами данных видов юридической ответственности в каче-

стве альтернативных (во всех цитатах курсив наш. — О. П.).

Применительно к УК РСФСР звучали следующие высказывания: «Ответственность (...) может наступить *либо* по ч. 1 ст. 149 УК (если имуществу потерпевшего причинен значительный ущерб), *либо в гражданско-правовом порядке*» [20, с. 21], «трезвый водитель, совершивший деяние, предусмотренное ныне ч. 1 ст. 211 УК, повлекшее существенный материальный ущерб, социальной опасности для общества не представляет. Поэтому целесообразно *вместо уголовной предусмотреть гражданско-правовую ответственность*» [4, с. 23], «нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее причинение потерпевшему легкого телесного повреждения либо причинившее существенный материальный ущерб (ч. 1 ст. 211 УК РСФСР), управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 211¹ УК), самовольная без надобности остановка поезда (ст. 213¹ УК), *могли бы быть переведены в разряд административных проступков или гражданско-правовых деликтов*» [7, с. 26].

То же самое относительно УК РФ: «Вряд ли, конечно, можно говорить о признании законными действий, предусмотренных в ст. 248, 259 УК РФ, но *перевод подобных деяний в разряд административных правонарушений или гражданско-правовых деликтов*, на наш взгляд, вполне возможен» [6, с. 47], «декриминализованные деяния либо полностью утрачивают свойство противоправности (становятся правомерными), либо *переводятся в разряд административного, дисциплинарного или гражданско-правового деликта*» [18].

Можно привести еще множество примеров, когда исследователями в целях дифференциации или индивидуализации *вместо* уголовно-правовой предлагается гражданско-правовая ответственность.

Более того, в юридических журналах цивилистической направленности отстаивается идея так называемого восстановительного правосудия, основанная на теории возвратного права. Предложения реформирования уголовного законодательства в этом ключе носят уже не локальный (применительно к отдельным нор-

мам), а революционный характер. К примеру, Е.В. Блинкова, В.Э. Козацкая, отстаивая подобную позицию со ссылкой на работы С.В. Бажанова, указывают: «Восстановительная “уголовная политика” предполагает не только минимизацию репрессий, но и сокращение сферы компетенции уголовного правосудия за счет *декриминализации значительной части преступлений и их перевода*, в случае необходимости, *в сферу гражданско-правового регулирования*, создания альтернативных уголовному правосудию институтов и т. д.» [2].

Соглашаясь в полном объеме с авторским видением в цитируемой публикации гражданско-правовой и процессуальной составляющей механизма возмещения вреда, причиненного преступлением, уточним лишь один нюанс: нормы иных отраслей права отличаются от норм уголовного права по основаниям и целям применения [12, с. 113].

Единственным основанием уголовной ответственности в соответствии со ст. 8 УК РФ выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом. Общим основанием гражданско-правовой ответственности, как следует из ст. 1064 ГК РФ, является причинение вреда личности, либо имуществу гражданина или юридического лица.

Таким образом, в тех случаях, когда объектом уголовно наказуемого общественно опасного деяния выступают личность или собственность, не усматривается запрета на одновременное, параллельное наступление уголовной и гражданско-правовой ответственности. Это вытекает из различной сущностной природы отраслей. Целью уголовного наказания в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ является восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Легальных целей мер гражданско-правового характера не выражено, вместе с тем в доктрине доказывается, что деликтное обязательство по отношению к ответственности выступает правовым средством достижения цели (восстановления нарушенного права) [3, с. 62]. Мы солидарны с Т.Ю. Яготинцевой в том, что

публичное наказание в целом не носит восстановительного характера в плане восстановления имущественных прав и законных интересов потерпевшего и «для участника гражданского оборота восстановительные меры будут предпочтительнее карательных» [21].

Однако не следует упускать из виду, что при восстановлении только лишь имущественных прав конкретных участников гражданского оборота остается «не прикрыто» средствами гражданского права восстановление в обществе социальной справедливости. Да и превентивной функции, наиболее ярко выражаемой в уголовном праве, сложно достигнуть, если пределом угрозы для виновного за общественно опасное деяние будет всего лишь принудительное исполнение гражданско-правовой обязанности. В подобных условиях сторонам товарооборота объективно всегда будет выгоднее совершать преступления, так как виновный ничего не теряет, даже если потерпевший обратится за помощью к карательной системе и та в ресурсозатратном для государства порядке докажет факт нарушения.

По этим причинам гражданско-правовую и уголовно-правовую ответственность возможно рассматривать *порознь* или *вместе*, но никак не *вместо* друг друга.

Преступление и деликт

В силу высказанных аргументов, давая оценку виновно совершенному общественно опасному посягательству, мы ставим союз «и» между возможностью его оценки как преступления и гражданско-правового деликта. Это ни в коей мере не затрагивает принципа *non bis in idem*, поскольку как в международном праве (п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) [14], так и в национальном законодательстве (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ, ч. 2 ст. 6 УК РФ) речь идет о недопустимости повторных судимости, наказания или уголовной ответственности – ни к чему подобному меры восстановительного характера не относятся. Установление признаков преступления, перечисленных в ст. 14 УК РФ, само по себе дает основание для возмещения имущественного и морального вреда, то есть влечет граждан-

ское деликтное правоотношение с возможностью применения ст. 1064 ГК РФ. Возникшее вследствие причиненного преступлением вреда деликтное обязательство с момента своего появления приобретает самостоятельный характер и в дальнейшем подчиняется правилам исключительно гражданского законодательства.

Попытки перенести гражданско-правовые меры в уголовно-правовую сферу могут привести к парадоксальной ситуации, когда «наказательное» право оказывается в сотни раз менее строго, чем компенсационное. Причем в прямом смысле, если соотносить денежное выражение уголовного наказания в виде штрафа к сумме причиненного ущерба, компенсируемого в гражданско-правовом порядке. О подобных примерах, а также о том, что имущественные наказания невозможно рассматривать в качестве правового инструмента, способного нести компенсационную функцию, мы говорили ранее [15].

Следовательно, при реализации принципа экономии уголовной репрессии не должен безоговорочно приниматься во внимание факт нейтрализации по какой-либо причине последствий гражданско-правового деликта.

Так, освобождая лицо от уголовной ответственности на основании ч. 1 ст. 75 УК РФ, необходимо не только констатировать возмещение виновным ущерба, но и удостовериться, что в данной конкретной ситуации уже достигнуты цели и частной, и общей превенции, тогда как при реагировании компетентных органов на деликт подобной задачи не стоит. Именно эту мысль, на наш взгляд, и выразил законодатель, указав слово «может» для недопущения безоговорочного освобождения в уголовно-правовом порядке всякий раз в случае исполнения преступником гражданско-правовой обязанности. В противном случае между преступлением и деликтом можно было бы поставить знак равенства.

Выводы

Казалось бы, очевидный факт, что преступление и гражданско-правовой деликт являются разнопорядковыми явлениями, при-

надлежащими независимым по своим функциям отраслям права, нередко упускается из виду в вопросах дифференциации юридической ответственности в уголовном праве. Нередко звучат призывы к замене уголовно-правовой ответственности (в большей степени направленной на восстановление социальной справедливости и достижение целей превенции) мерами гражданско-правового характера (где акцент делается на компенсационной роли).

В действительности такую замену произвести невозможно, поскольку данные виды ответственности существуют параллельно, даже если их основанием выступает одно и то же общественно опасное деяние.

Это обстоятельство стоит учитывать при оценке целесообразности как освобождения от уголовной ответственности конкретного лица, так и при обсуждении предложений о декриминализации. Подчеркнем, что нами не оспаривается необходимость подобных действий в живой системе права, однако для адекватного решения вопроса правильнее называть это не переводом преступления в разряд гражданско-правового деликта, а полным отказом от уголовного преследования.

Смещение разбирательства с уголовно-правового порядка на гражданско-правовой спор несет дополнительные риски в виде возможности злоупотребления правом недобросовестной стороны. К примеру, преюдициальное значение решения по гражданскому делу для исхода уголовного преследования уже заставляет серьезно задуматься [22].

Есть опасение, что шансы «рядового» потерпевшего из числа представителей средних слоев общества отстоять свою позицию в условиях расширения «восстановительного правосудия» будут невелики, поскольку в процессуальном поле и научных дискуссиях вокруг подобных ситуаций высококвалифицированные юристы ломают между собой копья аргументаций на уровне самых высших судебных инстанций – Верховного и Конституционного Судов. При этом в гражданско-правовом судебном споре побеждает чаще всего тот, кто имеет финансовую возможность привлечь престижного адвоката.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, А. В. Понятие дифференциации уголовной ответственности / А. В. Андреев, Л. В. Лобанова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 118–126.
2. Блинкова, Е. В. Гражданско-правовой механизм возмещения вреда, причиненного преступлением / Е. В. Блинкова, В. Э. Козацкая // Гражданское право. – 2009. – № 4. – С. 3–10.
3. Дерюгина, Т. В. О гражданско-правовой ответственности за причинение вреда, условиях ее наступления и соотношении с деликтными обязательствами / Т. В. Дерюгина // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2024. – № 3. – С. 62–71.
4. Ефремов, В. О материальном ущербе при нарушении правил безопасности движения / В. Ефремов // Советская юстиция. – 1987. – № 9. – С. 23.
5. Жестеров, П. В. Значение принципа экономии уголовной репрессии при формировании и реализации отечественной уголовной политики / П. В. Жестеров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 6–1. – С. 311–317.
6. Калинина, О. М. «Мертвые» нормы главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации / О. М. Калинина // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – № 1. – С. 45–48.
7. Коробеев, А. К системе норм о транспортных преступлениях / А. Коробеев // Советская юстиция. – 1988. – № 12. – С. 26–27.
8. Кругликов, Л. Л. Вопросы обратной силы уголовного закона при назначении наказания и освобождении от уголовной ответственности и от наказания / Л. Л. Кругликов // Уголовное право. – 2012. – № 5. – С. 92–94.
9. Кругликов, Л. Л. Понятие, основания и виды дифференциации ответственности за преступления и иные правонарушения / Л. Л. Кругликов // Lex russica. – 2014. – № 3. – С. 305–313.
10. Кругликов, Л. Л. Средства дифференциации ответственности в Уголовном кодексе 1960 и 1996 годов / Л. Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 273–280.
11. Кругликов, Л. Л. Целесообразность и цели в российском уголовном законодательстве / Л. Л. Кругликов // Вестник ЮГУ. – 2018. – № 2 (49). – С. 18–23.
12. Лапшин, В. Ф. Дифференциация ответственности за совершение финансовых преступлений: теоретико-прикладные аспекты / В. Ф. Лапшин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2009. – № 1 (10). – С. 111–116.
13. Ляпунов, Ю. Правовые формы охраны окружающей среды / Ю. Ляпунов // Советская юстиция. – 1975. – № 10. – С. 21–23.
14. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Пикуров, О. Н. Компенсация последствий уголовно-наказуемых посягательств гражданско-правовыми средствами в практике прокурорского надзора / О. Н. Пикуров // Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Волгоград, 14–15 мая 2015 г. – Краснослободск, 2015. – С. 282–287.
16. Степашин, В. М. Принцип экономии репрессии и принцип целесообразности / В. М. Степашин // Вестник ОмГУ. Серия «Право». – 2017. – № 4 (53). – С. 130–133.
17. Терентьева, В. А. Гуманизм и экономия мер уголовной репрессии как принципы реализации социальной функции института освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания / В. А. Терентьева // Уголовная юстиция. – 2017. – № 9. – С. 26–29.
18. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учеб. для вузов / Н. Н. Белокобыльский [и др.]. – М. : Статут, 2012. – 879 с.
19. Уголовный кодекс РСФСР (ред. от 30.07.1996). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Харитошкин, В. Преступное уничтожение или повреждение личного имущества граждан путем поджога (вопросы квалификации) / В. Харитошкин // Советская юстиция. – 1980. – № 8. – С. 21–22.
21. Яготинцева, Т. Ю. О проблемах квалификации коррупционного деяния как условия наступления гражданско-правовой ответственности в форме возмещения вреда / Т. Ю. Яготинцева // Цивилист. – 2023. – № 4.
22. Яни, П. С. Значение решений по гражданскому (арбитражному) делу для квалификации мошенничества / П. С. Яни // Законность. – 2022. – № 5. – С. 32–36 ; № 6. – С. 26–30.

REFERENCES

1. Andreyev A.V., Lobanova L.V. Ponjatie differenciacii ugovnoj otvetstvennosti [The Concept of Differentiation of Criminal Liability]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Jurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2006, no. 8, pp. 118-126.
2. Blinkova Ye.V., Kozackaja V.Je. Grazhdansko-pravovoj mehanizm vozmeshheniya vreda, prichinennogo prestupleniyem [Civil Law Mechanism for Compensation of Damage Caused by a Crime]. *Grazhdanskoye pravo*, 2009, no. 4, pp. 3-10.
3. Derjugina T.V. O grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti za prichineniye vreda, usloviyakh yejo nastupleniya i sootnoshenii s deliktными objazatelstvami [On Civil Liability for Causing Harm, the Conditions for Its Occurrence, and Its Relationship with Tortuous Obligations]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* [Moscow District Commercial Court Bulletin], 2024, no. 3, pp. 62-71.
4. Yefremov V. O materialnom ushherbe pri narushenii pravil bezopasnosti dvizheniya [On Material Damage in Case of Violation of Traffic Safety Rules]. *Sovetskaya justiciya*, 1987, no. 9, p. 23.
5. Zhesterov P.V. Znachenie principa ekonomii ugovnoj repressii pri formirovanii i realizacii otechestvennoj ugovnoj politiki [The Significance of the Principle of Economy of Criminal Repression in the Formation and Implementation of Domestic Criminal Policy]. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskiye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 6-1, pp. 311-317.
6. Kalinina O.M. «Mertvye» normy glavy 26 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii [“Dead” Norms of Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Omskoj juridicheskoy akademii*, 2018, no. 1, pp. 45-48.
7. Korobeyev A. K sisteme norm o transportnykh prestupleniyakh [Towards a System of Norms on Transport Crimes]. *Sovetskaya justiciya*, 1988, no. 12, pp. 26-27.
8. Kruglikov L.L. Voprosy obratnoj sily ugovnogo zakona pri naznachenii nakazaniya i osvobozhdenii ot ugovnoj otvetstvennosti i ot nakazaniya [Issues of Retroactivity of Criminal Law in Sentencing and Exemption from Criminal Liability and Punishment]. *Ugolovnoye pravo*, 2012, no. 5, pp. 92-94.
9. Kruglikov L.L. Ponjatiye, osnovaniya i vidy differenciacii otvetstvennosti za prestupleniya i inye pravonarusheniya [The Concept, Grounds, and Types of Differentiation of Liability for Crimes and Other Offenses]. *Lex russica*, 2014, no. 3, pp. 305-313.
10. Kruglikov L.L. Sredstva differenciacii otvetstvennosti v Ugolovnom kodekse 1960 i 1996 godov [Means of Differentiating Liability in the Criminal Codes of 1960 and 1996]. *Juridicheskaya tekhnika*, 2011, no. 5, pp. 273-280.
11. Kruglikov L.L. Celoobraznost i celi v rossijskom ugovnom zakonodatelstve [Expediency and Goals in Russian Criminal Legislation]. *Vestnik JuGU*, 2018, no. 2 (49), pp. 18-23.
12. Lapshin V.F. Differenciaciya otvetstvennosti za soversheniye finansovykh prestuplenij: teoretiko-prikladnye aspekty [Differentiation of Liability for Financial Crimes: Theoretical and Applied Aspects]. *Juridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2009, no. 1 (10), pp. 111-116.
13. Ljapunov Ju. Pravovye formy okhrany okruzhajushhej sredy [Legal Forms of Environmental Protection]. *Sovetskaya justiciya*, 1975, no. 10, pp. 21-23.
14. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Prinjat 16.12.1966 Rezoljuciej 2200 (XXI) na 1496-m plenarnom zasedanii Generalnoj Assamblei OON [International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by United Nations General Assembly Resolution 2200 (XXI) on 16 December 1966]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.
15. Pikurov O.N. Kompensacija posledstvij ugovno-nakazuemykh posjagatelstv grazhdansko-pravovymi sredstvami v praktike prokurorskogo nadzora [Compensation for the Consequences of Criminal Offenses by Civil Law Means in the Practice of Prosecutorial Supervision]. *Aktualnye problemy ugovnogo zakonodatelstva na sovremennom etape: sb. nauch. tr. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Volgograd, 14–15 maja 2015 g.* [Current Issues of Criminal Legislation at the Present Stage: Collection of Scientific Papers from the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, May 14–15, 2015]. Krasnoslobodsk, 2015, pp. 282-287.
16. Stepashin V.M. Princip ekonomii repressii i princip celoobraznosti [The Principle of Economy of Repression and the Principle of Expediency]. *Vestnik OmGU. Seriya «Pravo»*, 2017, no. 4 (53), pp. 130-133.
17. Terentyeva V.A. Gumanizm i ekonomija mer ugovnoj repressii kak principy realizacii socialnoj funkicii instituta osvobozhdeniya nesovershennoletnikh ot ugovnogo nakazaniya [Humanism and Economy of Criminal Repression Measures as Principles for Realizing the Social Function of the Institution of Exemption of Minors from Criminal Punishment]. *Ugolovnaja justiciya*, 2017, no. 9, pp. 26-29.
18. Belokobylskij N.N. et al. *Ugolovnoye pravo Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast: ucheb. dlja vuzov* [Criminal Law of the Russian Federation. General Part. Textbook for Higher Education Institutions]. Moscow, Statut Publ., 2012. 879 p.

19. Ugolovny kodeks RSFSR (red. ot 30.07.1996) [Criminal Code of the RSFSR (As Amended on July 30, 1996)]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.
20. Haritoshkin V. Prestupnoye unichtozheniye ili povrezhdeniye lichnogo imushhestva grazhdan putem podzhoga (voprosy kvalifikacii) [Criminal Destruction or Damage of Personal Property of Citizens by Arson (Issues of Qualification)]. *Sovetskaja justiciya*, 1980, no. 8, pp. 21-22.
21. Yagotintseva T. Yu. O problemakh kvalifikacii korruptcionnogo dejaniya kak uslovija nastupleniya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v forme vozmeshheniya vreda [On the Problems of Qualification of an Act of Corruption as the Condition for Civil Liability in the Form of Indemnification]. *Civilist*, 2023, no. 4.
22. Jani P.S. Znachenije reshenij po grazhdanskomu (arbitrazhnomu) delu dlja kvalifikacii moshennichestva [The Significance of Decisions in Civil (Arbitration) Cases for the Qualification of Fraud]. *Zakonnost*, 2022, no. 5, pp. 32-36; no. 6, pp. 26-30.

Information About the Author

Oleg N. Pikurov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Acting Head of the Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pikurov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2137-7156>

Информация об авторе

Олег Николаевич Пикуров, кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pikurov@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0007-2137-7156>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.8>

UDC 343.01

LBC 67.408

Submitted: 06.02.2026

Accepted: 27.02.2026

ABUSE OF SUBJECTIVE RIGHT AS A LEGAL CONSTRUCT IN CRIMINAL LAW

Vyacheslav G. Ponomarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper investigates the phenomenon of abuse of subjective right by examining it through the prism of a legal construct. The **purpose and objectives** of the study are to analyze abusive exercise of rights for the possibility of recognizing it as a legal construct, as well as to formulate characteristic features that collectively define a model of criminally unlawful exercise of a subjective right by an entitled person. The research **methods** include the general scientific methods traditional for humanities, such as analysis, synthesis, and the systemic approach, as well as the formal legal method and the method of legal interpretation. **Results:** the formation of abuse of subjective right as a general legal construct with significant potential for its legal development, both in doctrinal and practical dimensions, is substantiated. Furthermore, a model of such an abuse of a subjective right, the counteraction to which requires the application of criminal repression measures, is constructed. **Conclusions:** the insufficient scientific elaboration of the legal construct of abuse of right and its superficial reflection in the current legislation, hindering effective counteraction to this offense, necessitate the development of the appropriate construct both as a general (generic) concept of abuse of subjective right and a specific model of criminal forms of abuse of subjective right.

Key words: legislative technique, abuse of right, unfair exercise of rights, offense, limits of exercising a subjective right, crime, realization of a subjective right, legal construct.

Citation. Ponomarev V.G. Abuse of Subjective Right as a Legal Construct in Criminal Law. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 61-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.8>

УДК 343.01

ББК 67.408

Дата поступления статьи: 06.02.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Вячеслав Геннадиевич Пономарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматривается феномен злоупотребления субъективным правом через призму юридической конструкции. **Целью** исследования выступает анализ злоупотребительного правоупотребления на предмет возможности его признания юридической конструкцией, а также формулировка характерных черт, определяющих в своей совокупности модель уголовно-противоправной реализации управомоченным лицом субъективного права. **Методами** исследования являются традиционные для гуманитарного знания общенаучные методы анализа, синтеза, системный подход, а также логико-юридический метод и метод юридической интерпретации. **В результате** обосновывается становление злоупотребления субъективным правом в качестве общеправовой юридической конструкции, имеющей значительный потенциал ее правового развития как в доктринальной, так и в практической плоскости. Кроме того, осуществляется построение модели такого злоупотребления субъективным правом, противодействию которому требует применения мер уголовной репрессии. **Выводы:** недостаточная научная проработка юридической конструкции злоупотребления правом и ее поверхностное отражение в действующем законодательстве, затрудняющее эффективное противодействие этому правонарушению, требуют разработки соответствующей конструкции как в виде общего (родового) понятия злоупотребления субъективным правом, так и частной (видовой) модели преступных форм злоупотребления субъективным правом.

Ключевые слова: законодательная техника, злоупотребление правом, недобросовестное правоупотребление, правонарушение, пределы осуществления субъективного права, преступление, реализация субъективного права, юридическая конструкция.

Цитирование. Пономарев В. Г. Злоупотребление субъективным правом как уголовно-правовая юридическая конструкция // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 61–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.8>

Введение

Вопросы формулирования государственной воли в нормативно-правовых предписаниях всегда привлекали внимание правоведов и, прежде всего, представителей теории права [2; 12; 13; 15; 19; 34]. Однако на отраслевом уровне проблемы достижения оптимального содержания и структуры специфических для соответствующей отрасли юридических источников права достаточной разработки не получили. Хорошим исключением из этой закономерности являются работы основателя ярославской школы уголовного права – профессора Кругликова Льва Леонидовича и его учеников, посвященные вопросам техники и технологии конструирования российского уголовного закона [5; 17; 18; 21; 31].

Эти вопросы на фоне бурного развития экономики и значительного усложнения правовых связей приобретают в современную эпоху жизни страны особую актуальность. Сказанное применимо и к такому феномену современной правовой реальности, как злоупотребление субъективным правом.

Данное правовое явление нашло свое относительно подробное отражение в ст. 10 ГК РФ¹, согласно п. 1 которой «не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». Так или иначе запрет злоупотребления правом, включая и определяющие его сущностные признаки (например, добросовестность / недобросовестность поведения обладателя права и пр.), упоминается и во многих других кодифицированных федеральных законах (см., напр.: ч. 2 ст. 41, ч. 1, 2 ст. 111, ч. 1 ст. 112, ч. 5 ст. 159, ч. 2 ст. 174, ч. 2, 3, п. 2 ч. 4 ст. 225.10-1, ч. 10 ст. 248.2 АПК РФ; ч. 1 ст. 34, ст. 99, ч. 2, 3, п. 2

ч. 4 ст. 244.22 ГПК РФ; ч. 6, 7 ст. 45 КАС РФ). Базовыми же исследователи проблем противодействия злоупотребительному правоупотреблению считают положения ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которым «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [25, с. 31].

Злоупотребление субъективным правом как родовая (общая) юридическая конструкция

Однако вряд ли и приведенные положения Основного Закона, и казуистичный п. 1 ст. 10 ГК РФ приближают нас к пониманию сущности злоупотребления правом и к построению его универсальной дефиниции, что ярко иллюстрируется многообразием мнений ученых, высказанных по данному вопросу. Однако не вызывают сомнений у исследователей три черты, определяющие суть злоупотребления правом.

Во-первых, субъект злоупотребления – это всегда обладатель субъективного права, управомоченное лицо [16, с. 13]. Во-вторых, злоупотребление – это дефект правоосуществления, поведение, состоящее в реализации субъективного права и, стало быть, связанное с его использованием [10, с. 43], а потому внешне (по форме) правомерное (вернее «квазиправомерное»), а по сути – противоправное, в-третьих, рассматриваемое поведение причиняет зло, или вред, охраняемым законом интересам других лиц, общества или государства [24, с. 57].

Первая особенность исследуемого явления – связь с субъективным правом – позволила Н.Н. Вопленко сформулировать тезис о «родовом общетеоретическом характере понятия «злоупотребление правом» и его межотраслевом положении в системе российского права [7, с. 10]. С последним выводом трудно

не согласиться хотя бы потому, что субъективные права наличествуют в любой отрасли права, включая даже и уголовное (см., напр., гл. 8 УК РФ).

Думается, все отмеченное выше и, прежде всего, универсальность указанного вида поведения, его типичность, возможность проявления в любом сегменте правовой жизни при реализации любой управомочивающей нормы, а также общие закономерности содержания и структуры, свойственные любому виду субъективного права, а значит, и процесса его реализации, позволяют выдвинуть гипотезу о том, что злоупотребление правом является юридической конструкцией.

Впервые в уголовном праве к изучению юридических конструкций как одного из средств правотворческой техники обратился Л.Л. Кругликов, определив ее как «абстракцию, разновидность нормативной модели... призванной придавать праву внутреннюю форму, строение»; «архитектурный элемент» нормотворчества, тип, «образ», помогающий «строить» право, придавать ему логически завершенный характер [20, с. 53; 22, с. 65]. Внимание ученого было сосредоточено в основном на исследовании юридической конструкции состава преступления, а обобщенное изучение отраслевых (уголовно-правовых) юридических конструкций и прикладного значения таковых для построения оптимального уголовного законодательства было осуществлено его учеником А.В. Иванчиным.

Как правильно отмечено А.В. Иванчиным, уголовно-правовая конструкция – это «структурная модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем самым в уголовном законодательстве соответствующую разновидность данных явлений» [18, с. 6–7]. Из данного определения становится понятным, почему юридическая конструкция – это именно средство законодательной техники, которое не надо вместе с тем отождествлять с результатом его использования. Юридическая конструкция – это общий образ, «лекало», «шаблон» или, если угодно, алгоритм регламентации того или иного правового явления. Однако созданная на основе использования юридической конструкции нормативная регламентация – это

результат правотворчества, следствие использования соответствующего средства, но не само средство [18, с. 7].

По этой причине вряд ли можно поддерживать Д.А. Керимова, полагавшего, что правовая конструкция, будучи понятием высшего порядка, охватывающим «ряд однопорядковых правовых понятий низшего уровня и выявляющим главное, основное, существенное в этих понятиях», создается законодателем [19, с. 51–52]. Во-первых, понимание конструкции как исключительно понятия высокой степени всеобщности мало что дает в прикладном плане законодателю. Так, понятия состава преступления как системы объективных и субъективных признаков, необходимых и достаточных для признания лица совершившим преступление определенного вида [23, с. 32], будет явно недостаточно для построения в УК состава кражи, убийства, измены родине и пр. Но ситуация изменится, если мы проникнем в суть структуры состава преступления, выделив в ней четыре элемента, а затем в каждом из них – те шесть признаков, которые присутствуют во всех без исключения составах (признаки так называемого общего состава) и отражают общую закономерность построения каждого из них (без любого из которых либо в принципе нет деяния, либо нет преступного деяния) [22, с. 67–68] и т. п. Таким образом, юридическая конструкция ценна не как отраженное в законе теоретическое понятие высокой степени абстракции, а как, прежде всего, пошаговый алгоритм перевода какой-либо жизненной ситуации (достаточно массовидной и типичной) на язык права, то есть средство ее урегулирования правовыми нормами.

Во-вторых, некоторым преувеличением является и то, что юридическая конструкция, по мнению Д.А. Керимова, находит свое отражение в законе. Безусловно такая ситуация возможна, но скорее как исключение, а не общее правило. Так, например, представляется правильным отнесение к числу сугубо уголовно-правовых законодательных конструкций понятия преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 14 УК [18, с. 7; 22, с. 66]; находит свое легальное отражение и юридическая конструкция обязательства (ст. 307 ГК РФ), договора (ст. 420 ГК), сделки (ст. 153 ГК) и др. Однако происходит это, как правило, тогда, когда юри-

дическая конструкция является относительно простой, включает небольшое количество признаков; ее возможно изложить в форме дефинитивной нормы, значение которой не исчерпывается только сферой правотворчества, но которая может применяться самостоятельно и непосредственно. Например, с одной стороны, вытекающее из ч. 1 ст. 14 УК понимание преступления как *деяния*, то есть внешневыраженного человеческого поступка, производящего какие-либо изменения в окружающей среде, запрещает законодателю устанавливать ответственность за мысли, чувства, намерения, опасность личности, не проявившуюся в поступке и т. п. [27]. С другой стороны, понимание преступления как поступка общественно опасного запрещает органам уголовной юстиции в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ осуществлять уголовное преследование лица, в деянии которого признаки состава какого-либо преступления наличествуют исключительно формально, а общественная опасность «не дотягивает» до требуемого для преступления уровня.

Однако все же общим правилом, или нормативной тенденцией, является отсутствие юридической конструкции в законе как отдельного и законченного в смысловом отношении предписания либо группы предписаний. Отсюда необходимо поддержать тех ученых, которые «связывают конструкцию с доктринальным уровнем существования права, рассматривая ее как средство его познания или *как средство конструирования идеальной структуры права* (выделено мною. – В. П.)» [11, с. 208]. Отмеченное понимание конструкции позволило М.Л. Давыдовой назвать соответствующий подход к исследованию ее сущности как доктринальный в противовес нормативному подходу, разница между которыми, как полагает упомянутый ученый, состоит в сфере использования юридических конструкций: при доктринальном подходе юридическая конструкция – это в основном средство познания права, тогда как при нормативном подходе центр тяжести переносится на прикладное значение конструкций, которые выступают «в первую очередь, инструментами правотворческой техники, то есть схемами, которые законодатель должен наполнить нормативным содержанием» [11, с. 208].

Соглашаясь принципиально с выделением доктринального и нормативного (правотворческого) подходов, все же заметим, что названный М.Л. Давыдовой критерий их разграничения выглядит излишне категорично – оба подхода приемлют оба назначения конструкций: и как средства познания, и как средства конструирования права. Критерием же их разделения, как нам представляется, является не функциональная предназначенность вырабатываемых ими юридических конструкций, а субъект их формулирования и форма их выражения. Как правильно указывает М.Л. Давыдова, отдавая предпочтение доктринальному подходу, «создание юридической конструкции – это научная деятельность», в связи с чем «все свои важнейшие функции (правотворческую, интерпретационную, правореализационную, научную, образовательную) юридические конструкции выполняют именно потому, что существуют как некие мыслительные модели, схемы, находящиеся внутри сознания юриста, а не вне его» [11, с. 213].

Между тем юридическая конструкция злоупотребления субъективным правом находится в настоящее время в состоянии становления, причем и на доктринальном, и на правотворческом уровне. Первое, в частности, демонстрируется огромным интересом ученых к данному феномену, что выразилось в значительном количестве успешно защищенных в последнее десятилетие диссертаций по общеправовой и отраслевой тематике злоупотребления правом [1; 3; 6; 14; 16; 25; 28; 33; 35] и одновременно с этим в отсутствии его относительно унифицированного общеправового определения.

Не лучше обстоит дело и с нормативным закреплением определения злоупотребления правом в ст. 10 ГК РФ, которое ввиду внятного и развернутого его определения в юридических источниках других отраслей могло бы (за неимением лучшего!) в принципе рассматриваться как общее для всей системы отечественного права. Несмотря на то что первоначальная редакция данной статьи подверглась серьезным изменениям и дополнениям в результате принятия Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ «О внесении изменений в гл. 1, 2, 3 и 4 ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации», дей-

ствующая редакция п. 1, где собственно и излагается определение злоупотребления правом, далека от совершенства и никак не может претендовать на универсальность.

Между тем у данной юридической конструкции имеется значительный юридический потенциал и бесспорная прикладная ценность.

**Разработка юридической конструкции
преступных форм злоупотребления
субъективным правом
как задача юридической науки**

Прежде всего, заметим, что любое поведение человека с точки зрения права может быть нейтральным по отношению к нему, правомерным и правонарушающим. Нейтральное поведение лежит за пределами действия правовых норм, не входит в сферу правового регулирования; другие же два вида поведения являют собой развитие поступков человека либо в соответствии с требованиями правовых предписаний, либо вопреки им. В последнем случае поступки человека, явно нарушающие требования права, именуются правонарушениями. Причем сущностным признаком каждого правонарушения является не только нарушение нормативного правила (признак противоправности), но и причиняемый в результате такого нарушения вред государству, обществу, правопорядку, конкретной личности и в целом охраняемым законом ценностям [8, с. 19].

Злоупотребительное поведение также причиняет аналогичный вред, однако в процессе легального правоупотребления, в процессе использования тех возможностей, на которые и рассчитано соответствующее субъективное право. Отсюда нарушение каких-либо юридических предписаний в процессе правоупотребления совсем неочевидно и даже, на первый взгляд, таких нарушений и вовсе нет. Последнее обстоятельство позволило некоторым исследователям утверждать, что «злоупотребление правом есть самостоятельный вид социально-вредного, но правового поведения, которое может быть осуждаемо с точки зрения активной гражданской позиции, нравственности, других этических норм и установлений», но «из-за отсутствия противоправности – ведущего признака правонарушения, не влечет

за собой применение мер юридической ответственности», а потому правонарушением не является [9, с. 17].

Однако данная позиция представляется более чем спорной, а по существу ошибочной.

То обстоятельство, что злоупотребление правом не влечет применения мер юридической ответственности, опровергается многочисленными положениями действующего законодательства (п. 1 ст. 10 ГК РФ, ст. 99 ГПК РФ, ч. 7 ст. 45 КАС РФ, ст. 111 АПК РФ).

Наличие же признака противоправности в злоупотреблении правом, действительно, неочевидно. Как правило, именно это обстоятельство и сбивает с толку суды при разрешении конфликтных ситуаций, имеющих своим объектом внешне-правомерное поведение сторон, связанное с использованием потенций принадлежащих им субъективных прав. Однако эта неочевидность, трудности в выявлении и квалификации не означают отсутствия признака противоправности.

Как было убедительно обосновано В.П. Грибановым, «противоправным следует считать не только поведение, нарушающее конкретные нормы права, но и поведение, противоречащее правовым принципам данной системы, отрасли или института права, хотя бы это поведение и не противоречило конкретной норме права» [10, с. 52]. Отсюда исследуемое явление состоит в нарушении юридической обязанности управомоченного лица не нарушать пределов осуществления права, когда происходит «использование управомоченным лицом недозволенных конкретных форм поведения в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [10, с. 55]. В свою очередь, содержание данной обязанности и составляет суть принципа недопустимости злоупотребления правом [4, с. 195].

Хотя приведенные соображения и были высказаны В.П. Грибановым для сферы частного права, представляется, они актуальны и для оценки любого злоупотребительного правоупотребления, поскольку все субъективные права имеют общую структуру и присутствуют в любой отрасли системы российского права как некие социальные возможности, гарантированные правом.

Поэтому представляется необходимым поддержать тех ученых, которые видят в зло-

употребительном поведении особый вид правонарушения, отличающийся определенной спецификой своей противоправности [6, с. 17; 26, с. 51; 33, с. 10].

Отсюда доктринальная выработка общей родовой юридической конструкции злоупотребления субъективным правом, а затем и возможная ее формализация в позитивном праве способны помочь распознавать конкретные проявления такого поведения в реальной действительности, а следовательно, эффективно бороться с ними. «Отсутствие легально зафиксированного состава особого вида правонарушений, каким является злоупотребление правом, – совершенно правильно пишет О.А. Порошикова, – служит причиной нежелания судебных органов выносить решения, связанные с применением этого института» [28, с. 3].

В свете сказанного требует отдельного исследования и вопрос о том, а есть ли в возможной общей родовой юридической конструкции злоупотребления правом какие-либо ее виды, типовой уровень общественной опасности которых требует реагирования на них уже методом уголовной репрессии? Данный вопрос, к сожалению, не изучен. Те же ученые, которые пытались его затронуть, либо ограничились лишь самыми общими очевидными соображениями, либо же отнесли к криминально-злоупотребительному те виды поведения, которые злоупотреблением субъективным правом не являются.

Например, А.В. Юдин среди различных выделенных им классификаций злоупотреблений гражданскими процессуальными правами по критерию последствий выделяет злоупотребления, причинившие соответственно незначительный, средний и существенный вред гражданским процессуальным правоотношениям [32, с. 129–130]. На наш взгляд, существенность вреда (особенно судя по приведенному ученым примеру – исполнение судебного решения, вынесенного вследствие злоупотребительного поведения истца) как раз и может свидетельствовать о достижении им того уровня общественной опасности, который характерен для преступного поведения. Однако вряд ли это соображение приближает нас к пониманию свойств (признаков) тех юридических конструкций, которые пригодны для построения именно моделей запретов преступно-

го поведения. И уж совсем не могут быть ориентирами в поиске уголовно-правовых конструкций криминальных форм злоупотребления правом те составы преступлений, сущность объективной стороны которых заключается в злоупотреблении полномочиями. Ошибочным поэтому является мнение А.А. Малиновского, утверждающего, что «наиболее детально вопросы злоупотреблений регламентированы в уголовном законодательстве». Примером же злоупотребления правом автором называется ст. 201 УК [24, с. 13]. А.В. Северухин выделяет в УК даже группу статей, которые, по его мнению, являются запретами конкретных видов злоупотребительного поведения: ст. 201–204, 285 УК [30, с. 41]. Между тем, на наш взгляд, данными учеными допускается отождествление понятий «злоупотребления субъективным правом» и «злоупотребления полномочиями», что основано на ошибочном смешении категорий «субъективного права» и «полномочия». Реализация полномочий властного субъекта, обладающего известной свободой усмотрения и активности в выборе вариантов своего поведения, все же является не использованием предоставленных ему прав в собственных интересах, во имя самого себя, а исполнением возложенных на него обязанностей [29, с. 167]. Следовательно, общим у права и полномочия является только то, что это формы правовой активности участников правоотношения, составляющие его содержание, но не более того.

Не останавливаясь подробно на всех формах злоупотребления правом, попробуем выделить только те признаки, которые могут составить возможную модель именно криминальной реализации управомоченным лицом субъективного права.

Во-первых, вряд ли можно отнести к криминальной такую форму злоупотребления правом, наиболее древнюю и предшествующую по времени возникновения всем иным, как шикану. Под последней в научной литературе, что находит свое отражение и в действующей редакции п. 1 ст. 10 ГК РФ, признаются «действия, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу» [29, с. 175]. Шикана – это столкновение частных интересов, это форма эгои-

стического, избыточного правоупотребления, объективно не соответствующая уровню преступного. Между тем общественная опасность злоупотребления кратно увеличивает-ся тогда, когда в результате такого рода правоупотребления затрагиваются и страдают (нарушаются) несколько объектов правовой охраны. Например, если для незаконного завладения правом на чужое имущество субъект предъявляет исковое заявление и добивается вынесения объективно неправосудного решения в свою пользу, одновременно терпят урон и отношения в сфере правосудия, и отношения собственности.

Обычно нарушение нескольких объектов уголовно-правовой охраны имеет место при проявлении такой формы злоупотребления, которая именуется в п. 1 ст. 10 ГК РФ «обходом закона». При отмеченной форме инициация правоупотребления происходит лишь формально, «для видимости», но не для достижения тех социально полезных целей, которые запрограммированы в соответствующем субъективном праве. Эксплуатация субъективного права, его псевдореализация, возбуждение процесса правоупотребления осуществляются обычно для обхода иных установленных законом процедур, соблюдение которых требуется для достижения реальных целей управомоченного лица².

Во-вторых, потенциально криминальными могут быть признаны те формы злоупотребления правом, в которых данное злоупотребление является способом совершения деяния, но полностью данное деяние не исчерпывает.

В-третьих, причиняемый в результате криминального правоупотребления вред должен быть достаточно серьезен (велик, существен) для того, чтобы обусловить конструирование и применение к нарушителю мер уголовно-правового воздействия. Ориентиром же существенности вреда должен быть примерный перечень тех благ, перечисляемых в ч. 1 ст. 2 УК РФ, которые поставлены под охрану уголовного закона.

В-четвертых, не надо забывать о том, что злоупотребление правом – это хоть и порицаемое законом поведение, но все же правонарушение необычное и нетипичное, заключающееся в реализации управомоченным лицом принадлежащего ему субъективного пра-

ва. Следовательно, говорить о том, что злоупотребление достигло уровня общественной опасности, свойственного преступлению, возможно только в ситуации реально наступившего существенного вреда, являющегося закономерным последствием нарочитого умышленного целеустремленного поведения. Отсюда невозможна криминализация каких-либо видов неосторожного злоупотребления правом, а равно и таких его проявлений, когда лишь создается угроза причинения вреда, но сам вред реально не наступает.

Выводы

Итак, бурный рост экономики, усложнение структуры общества, социальных связей, значительная цифровизация жизни общества и переход многих его сегментов в виртуальную сферу не могут не сказываться и на усложнении правового регулирования. Причем как в качественном, так и в количественном отношении. Охват правом все больших сторон жизни социума закономерно порождает и новые формы правонарушающего поведения, среди которых постепенно на первое место выдвигается такой феномен, как злоупотребление правом.

В силу одновременно типичности и инвариантности, а также распространенности соответствующего вида поведения, наличия у различных его проявлений общих повторяющихся черт (признаков) возможно утверждать, что мы имеем дело с юридической конструкцией, которая только разрабатывается наукой и нашла свое лишь относительное (и далеко не лучшее) отражение в законодательстве (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, ст. 10 ГК РФ). Таким образом, ее отсутствие, затрудняющее борьбу с этой формой правонарушающего поведения, причем проявляющегося при реализации субъективных прав любой отраслевой принадлежности, актуализирует разработку соответствующей конструкции в виде общего понятия злоупотребления субъективным правом, родового для всей юриспруденции. Помимо этого, актуальным представляется и разработка частной (видовой) модели юридической конструкции преступных форм злоупотребления субъективным правом. Система признаков возможной

модели преступного правоупотребления должна включать в себя: существенность причиняемого вреда, определяемого посягательством на однопорядковые с указанными в ч. 1 ст. 2 УК РФ ценностями; множественность объектов уголовно-правовой охраны, нарушаемых таким поведением; использование субъективного права для достижения противоправных целей, отличных от его назначения, то есть в качестве способа совершения преступления; воплощение преступного правоупотребления в такой форме злоупотребления правом, как обход закона; построение соответствующих деликтов по типу материальных составов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В настоящей статье, если не оговорено иное, доступ ко всем упомянутым в ней нормативно-правовым актам осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Например, вместо получения необходимой разрешительной документации лицо застраивает принадлежащий ему земельный участок, а затем инициирует спор со своей женой якобы о разделе совместно нажитого имущества; соответствующее решение суда, присуждающее самовольную постройку той или иной стороне спора, по сути является формой ее легализации в обход специальных административных процедур, установленных градостроительным законодательством РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболонин, В. О. Злоупотребление правом на иск в гражданском процессе Германии : дис. ... канд. юрид. наук / Аболонин Вадим Олегович. – Екатеринбург, 2008. – 240 с.
2. Алексеев, С. С. Юридическая техника (глава XXIX) / С. С. Алексеев // Основные вопросы общей теории социалистического права. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. Проблемы теории права : курс лекций. – М. : Статут, 2010. – С. 525–545.
3. Белоножкин, А. Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Белоножкин Андрей Юрьевич. – Волгоград, 2005. – 26 с.
4. Вавилин, Е. В. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей / Е. В. Вавилин. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2008. – 240 с.
5. Васильевский, А. В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в общей части уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Васильевский Александр Валентинович. – Н. Новгород, 2000. – 22 с.
6. Волков, А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Волков Александр Викторович. – М., 2010. – 53 с.
7. Вопленко, Н. Н. Злоупотребление правом как родовое понятие юридической науки / Н. Н. Вопленко // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2011. – № 1 (14). – С. 7–15.
8. Вопленко, Н. Н. Правонарушение и юридическая ответственность : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 136 с.
9. Гогин, А. А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гогин Александр Александрович. – Казань, 2011. – 40 с.
10. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – Изд. 2-е, стер. – М. : Статут, 2001. – 411 с.
11. Давыдова, М. Л. Место юридических конструкций в системе технико-юридических средств / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 208–213.
12. Давыдова, М. Л. Модернизация юридической техники в современном мире: закономерности и тенденции / М. Л. Давыдова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 2 (19). – С. 8–13.
13. Давыдова, М. Л. Определенность права и технико-юридические средства ее обеспечения / М. Л. Давыдова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 23–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2017.4.3>
14. Зайцева, С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория: Вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Зайцева Светлана Геннадиевна. – Волгоград, 2003. – 26 с.
15. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / Л. Ф. Апт [и др.]. – М. : Городец, 2000. – 272 с.
16. Ибрагимова, М. В. Злоупотребление субъективным гражданским правом: понятие, сущность, виды и последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ибрагимова Марина Владиславовна. – Рязань, 2005. – 21 с.

17. Иванчин, А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика : монография / А. В. Иванчин ; отв. ред. Л. Л. Кругликов. – М. : Проспект, 2014. – 352 с.
18. Иванчин, А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Иванчин Артем Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
19. Керимов, Д. А. Законодательная техника : науч.-метод. и учеб. пособие / Д. А. Керимов. – М. : НОРМА-ИНФРА, 1998. – 127 с.
20. Кругликов, Л. Л. Виды юридических конструкций в уголовном праве / Л. Л. Кругликов // Юридическая техника. – 2013. – № 7. – С. 53–60.
21. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2008. – 312 с.
22. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2005. – 336 с.
23. Куринов, Б. А. Научные основы квалификации преступлений / Б. А. Куринов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 184 с.
24. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А. А. Малиновский. – М. : Юрлитинформ, 2007. – 352 с.
25. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2009. – 52 с.
26. Маслов, В. А. К вопросу о месте злоупотребления правом в структуре правового поведения / В. А. Маслов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71), № 3. – С. 43–53.
27. Пономарев, В. Г. «Преступление – это деяние»: возможна и нужна ли ревизия положений ч. 1 ст. 14 УК РФ? / В. Г. Пономарев, А. П. Рожнов // Право и практика. – 2023. – № 4. – С. 125–130.
28. Поротикова, О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Поротикова Ольга Александровна. – Саратов, 2002. – 24 с.
29. Поротикова, О. А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом / О. А. Поротикова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2008. – 280 с.
30. Северухин, А. В. К вопросу о «правомерности» злоупотребления правом / А. В. Северухин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. – 2015. – № 4 (20). – С. 39–47.
31. Смирнова, Л. Е. Унификация в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Смирнова Людмила Евгеньевна. – Ярославль, 2006. – 203 с.
32. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / А. В. Юдин. – СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та : Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 360 с.
33. Юдин, А. В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Юдин Андрей Владимирович. – СПб., 2009. – 47 с.
34. Юридическая техника. Juridical Techniques: учебник / под ред. В. М. Баранова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2024. – 696 с.
35. Яценко, Т. С. Категория шиканы в гражданском праве: история и современность. – М. : Статут, 2003. – 154 с.

REFERENCES

1. Abolonin V.O. *Zloupotrebleniye pravom na isk v grazhdanskom processe Germanii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Abuse of the Right to Sue in German Civil Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2008. 240 p.
2. Alekseyev S.S. *Yuridicheskaya tekhnika (glava XXIX)* [Legal Technique (Chapter 29)]. *Osnovnyye voprosy obshej teorii sotsialisticheskogo prava. Sbraniye sochinenij. V 10 t. T. 3. Problemy teorii prava: kurs lektsij* [Collected Works. In 10 Vols. Vol 3. Problems of the Theory of Law. Course of Lectures]. Moscow, Statut Publ., 2010, pp. 525-545.
3. Belonozhkin A. Yu. *Soderzhaniye i formy zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Content and Forms of Abuse of Subjective Civil Rights. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2005. 26 p.
4. Vavilin Ye.V. *Osushchestvleniye grazhdanskikh prav i ispolneniye obyazannostej* [Exercise of Civil Rights and Performance of Duties]. Saratov, Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2008. 240 p.
5. Vasilyevskij A.V. *Differentsiatsiya ugovnoy otvetstvennosti i nakazaniya v obshchej chasti ugovnogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Differentiation of Criminal Liability and Punishment in the General Part of Criminal Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Nizhny Novgorod, 2000. 22 p.

6. Volkov A.V. *Zloupotrebleniye grazhdanskimi pravami: problemy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Abuse of Civil Rights: Problems of Theory and Practice. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2010. 53 p.
7. Voplenko N.N. *Zloupotrebleniye pravom kak rodovoye ponyatiye yuridicheskoy nauki* [Abuse of Rights as a Generic Concept of Legal Science]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Jurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2011, no. 1 (14), pp. 7-15.
8. Voplenko N.N. *Pravonarusheniye i yuridicheskaya otvetstvennost: monografiya* [Offenses and Legal Responsibility. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2005. 136 p.
9. Gogin A.A. *Obshchaya kontseptsiya pravonarushenij: problemy metodologii, teorii i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The General Concept of Offenses: Problems of Methodology, Theory, and Practice. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Kazan, 2011. 40 p.
10. Gribanov V.P. *Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav* [Implementation and Protection of Civil Rights]. Moscow, Statut Publ., 2001. 411 p.
11. Davydova M.L. Mesto yuridicheskikh konstruktсий v sisteme tekhniko-yuridicheskikh sredstv [The Place of Legal Constructs in the System of Technical and Legal Means]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2013, no. 7 (pt. 2), pp. 208-213.
12. Davydova M.L. Modernizatsiya yuridicheskoy tekhniki v sovremennom mire: zakonomernosti i tendentsii [Modernization of Legal Technology in the Modern World: Patterns and Trends]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Jurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2013, no. 2 (19), pp. 8-13.
13. Davydova M.L. Opredelennost prava i tekhniko-yuridicheskoye sredstvo yeye obespecheniya [The Certainty of Law and Technical Legal Means of its Ensuring]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 23-28. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.3>
14. Zajtseva S.G. *Zloupotrebleniye pravom kak pravovaya kategoriya: Voprosy teorii i praktiki: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Abuse of Law as a Legal Category: Theoretical and Practical Issues. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2003. 26 p.
15. Apt L.F. et al. *Zakonodatel'naya tekhnika: nauch.-prakt. posobiye* [Legislative Technique. Scientific and Practical Guide]. Moscow, Gorodets Publ., 2000. 272 p.
16. Ibragimova M.V. *Zloupotrebleniye subyektivnym grazhdanskim pravom: ponyatiye, sushchnost, vidy i posledstviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Abuse of Subjective Civil Rights: Concept, Essence, Types, and Consequences. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Ryazan, 2005. 21 p.
17. Ivanchin A.V. *Konstruirovaniye sostava prestupleniya: teoriya i praktika: monografiya* [Constructing a Crime: Theory and Practice. Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 352 p.
18. Ivanchin A.V. *Ugolovno-pravovye konstruktсии i ikh rol v postroyenii ugolovnogo zakonodatelstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Law Structures and Their Role in the Construction of Criminal Legislation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg, 2003. 24 p.
19. Kerimov D.A. *Zakonodatel'naya tekhnika: nauch.-metod. i ucheb. posobiye* [Legislative Technique. Scientific and Methodological Guide and Textbook]. Moscow, NORMA-INFRA Publ., 1998. 127 p.
20. Kruglikov L.L. Vidy yuridicheskikh konstruktсий v ugolovnom prave [Types of Legal Constructions in Criminal Law]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2013, no. 7, pp. 53-60.
21. Kruglikov L.L., Smirnova L.E. *Unifikatsiya v ugolovnom prave* [Unification in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2008. 312 p.
22. Kruglikov L.L., Spiridonova O.Ye. *Yuridicheskiye konstruktсии i simvoly v ugolovnom prave* [Legal Structures and Symbols in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2005. 336 p.
23. Kurinov B.A. *Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestuplenij* [Scientific Foundations of Crime Qualification]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 184 p.
24. Malinovskij A.A. *Zloupotrebleniye subyektivnym pravom (teoretiko-pravovoye issledovaniye)* [Abuse of Subjective Rights (Theoretical and Legal Research)]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2007. 352 p.
25. Malinovskij A.A. *Zloupotrebleniye subyektivnym pravom kak yuridicheskij fenomen: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Abuse of Subjective Rights as a Legal Phenomenon. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2009. 52 p.
26. Maslov V.A. K voprosu o meste zloupotrebleniya pravom v strukture pravovogo povedeniya [On the Place of Abuse of Law in the Structure of Legal Behavior]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki* [Scientific Notes of the Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences], 2019, vol. 5 (71), no. 3, pp. 43-53.
27. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. «Prestupleniye – eto deyaniye»: vozmozhna li nuzhna li reviziya polozhenij ch. 1 st. 14 UK RF? [“A Crime Is an Act”: Is It Possible and Necessary to Revise the Provisions of Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation?]. *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2023, no. 4, pp. 125-130.

28. Porotikova O.A. *Problema zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [The Problem of Abuse of Subjective Civil Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2002. 24 p.
29. Porotikova O.A. *Problema zloupotrebleniya subyektivnym grazhdanskim pravom* [The Problem of Abuse of Subjective Civil Law]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 280 p.
30. Severukhin A.V. K voprosu o «pravomernosti» zloupotrebleniya pravom [On the “Legitimacy” of Abuse of Rights]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences], 2015, no. 4 (20), pp. 39-47.
31. Smirnova L.Ye. *Unifikatsiya v ugovnom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* [Unification in the Criminal Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Yaroslavl, 2006. 203 p.
32. Yudin A.V. *Zloupotrebleniye protsessualnymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings]. Saint Petersburg, Izdat. Dom S.-Peterb. gos. un-t, Izd-vo yurid. f-ta S.-Peterb. gos. un-ta, 2005. 360 p.
33. Yudin A.V. *Zloupotrebleniye protsessualnymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2009. 47 p.
34. Baranov V.M., ed. *Yuridicheskaya tekhnika. Juridical Techniques: uchebnik* [Juridical Techniques. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 696 p.
35. Yacenko T.S. *Kategoriya shikany v grazhdanskom prave: istoriya i sovremennost* [The Category of shikana in Civil Law: History and Modernity]. Moscow, Statut Publ., 2003. 154 p.

Information About the Author

Vyacheslav G. Ponomarev, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ponomarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5929-5478>

Информация об авторе

Вячеслав Геннадиевич Пономарев, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ponomarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5929-5478>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.9>

UDC 343.1:340.137

LBC 67.410.2-91

Submitted: 09.01.2026

Accepted: 27.02.2026

SOME ISSUES OF LEGISLATIVE SUPPORT FOR THE EFFECTIVENESS OF UNIFICATION OF JUDICIAL PRACTICE IN CRIMINAL CASES

Alexey P. Rozhnov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper presents a view on a broad understanding of unification in criminal law, which includes, in addition to the unification of the legislation, also the unification of the practice of applying criminal law norms by courts. The **purpose and objectives** of the study are to analyze the validity of a broad understanding of unification, especially in light of the fact that practice is initially considered a generalized experience of courts resolving similar legal situations. The research **methods** include the general scientific methods traditional for humanities, such as analysis, synthesis, and the systemic approach, as well as the formal legal method and the method of legal interpretation. **Results:** it is stated that, due to the poly-structural nature of law enforcement practice, the presence of competing trends in the interpretation and application of criminal law norms when resolving criminal cases is not excluded. Therefore, the highest degree of the unification of practice is achieved only in the so-called “practice-forming decisions” of the Supreme Court of the Russian Federation, adopted by it in a specific case as a supervisory instance court, as well as in the issuance of the so-called “guiding explanations” designed to guide courts towards the uniform application of legal norms in similar cases. Hence, the inadmissibility of the absence in the current constitutional legislation of the Russian Federation of an indication of the guiding and, consequently, mandatory nature of explanations issued by the Supreme Court is noted; the absence in Articles 9 and 10 of the Criminal Code of the provisions prohibiting giving retroactive force to more repressive official positions of the Supreme Court formed after a person has committed a crime (while the criminal law prohibition itself remains unchanged), as well as the provisions obliging the review of a judicial act in a criminal case in event of a subsequent change by the Supreme Court of its official understanding (in favor of the offender) of certain provisions of the Criminal Code previously applied in the same case, is criticized. **Conclusions:** the amendments to the current legislation of the Russian Federation are proposed, aimed at overcoming the noted shortcomings, as well as establishing a hierarchy of acts of the Supreme Court involving the official formulation of legal experience mandatory for courts, to overcome possible competition of legal positions.

Key words: analogy in criminal law, retroactive law, legal position, law enforcement practice, expansive interpretation of criminal law, guiding explanations, unification in criminal law, unification of judicial practice, unification of criminal law.

Citation. Rozhnov A.P. Some Issues of Legislative Support for the Effectiveness of Unification of Judicial Practice in Criminal Cases. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 72-81. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.9>

УДК 343.1:340.137

ББК 67.410.2-91

Дата поступления статьи: 09.01.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УНИФИКАЦИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Алексей Петрович Рожнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье излагается взгляд на широкое понимание унификации в уголовном праве, которая должна включать в себя не только процесс обеспечения единообразного регулирования уголовным законом

составляющих предмет отрасли сходных общественных отношений, но и унификацию практики его применения судами при рассмотрении однотипных фактических ситуаций. **Целями и задачами исследования** является анализ обоснованности широкого понимания унификации, особенно в свете того, что практика изначально рассматривается как обобщенный опыт разрешения судами сходных правовых ситуаций. **Методами** исследования являются традиционные для гуманитарного знания общенаучные методы анализа, синтеза, системный подход, а также логико-юридический метод и метод юридической интерпретации. **В результате** констатируется, что в силу полиструктурности правоприменительной практики не исключается наличие в ней конкурирующих тенденций в истолковании и применении норм уголовного права при разрешении уголовных дел. Поэтому наибольшая степень унификации практики достигается только в так называемых практикообразующих решениях Верховного Суда РФ, принимаемых им по конкретному делу как судом проверочной инстанции, а также и при издании так называемых руководящих разъяснений, призванных ориентировать суды на единообразное применение норм права в однородных делах. Отсюда отмечается недопустимость отсутствия в действующем конституционном законодательстве РФ указания на руководящий и, следовательно, обязательный характер издаваемых Верховным Судом разъяснений; критикуется отсутствие в ст. 9, 10 УК РФ положений, запрещающих придание обратной силы более репрессивным официальным позициям Верховного Суда, сформированным после совершения лицом преступления (при неизменности самого уголовно-правового запрета), равно как и обязывающих пересмотреть судебный акт по уголовному делу в случае последующего изменения Верховным Судом своего официального понимания (в лучшую для преступника сторону) тех или иных положений УК, ранее примененных при рассмотрении того же дела. **Выводы:** предлагается внести изменения в действующее законодательство РФ, направленные на преодоление отмеченных недостатков, а также и устанавливающие субординацию актов Верховного Суда, в которых происходит официальное формулирование обязательного для судов правового опыта, для преодоления возможной конкуренции правовых позиций.

Ключевые слова: аналогия уголовного права, обратная сила закона, правовая позиция, правоприменительная практика, расширительное толкование уголовного закона, руководящие разъяснения, унификация в уголовном праве, унификация судебной практики, унификация уголовного закона.

Цитирование. Рожнов А. П. Отдельные вопросы законодательного обеспечения эффективности унификации судебной практики по уголовным делам // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 72–81. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.9>

Введение

Эффективность уголовного закона предопределяется как содержанием его норм, так и внешней формой их изложения. Даже правильно воспринятый публичной (прежде всего, законодательной) властью социальный запрос на криминализацию того или иного деяния не достигнет своего позитивного регулирующего эффекта без придания ему оптимальной правовой формы. Отсюда разработка вопросов законодательной техники становится для отрасли уголовного права особенно важной, тем более если учесть, что: а) уголовное законодательство отнесено к исключительно ведению Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ¹), б) Уголовный кодекс РФ провозглашен единственным источником уголовного права, поскольку «уголовное законодательство состоит из настоящего Кодекса» (ч. 1 ст. 1 УК РФ). Запрос на разработку техники уголовного законодательства актуализируется еще и беспрецедентным ко-

личеством изменений, вносимых в уголовный закон; по подсчетам Н.А. Лопашенко, в период с 1997 по 2023 г. было принято 310 федеральных законов, изменявших и дополнявших УК. Причем частота правотворческих «вторжений» в УК поступательно возрастала [10, с. 146–147].

Значительную разработку вопросы законодательной техники в уголовном праве получили в трудах доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Льва Леонидовича Кругликова и его учеников. И, пожалуй, чуть ли не единственными применительно к отраслевой проблематике являются работы Л.Л. Кругликова и Л.Е. Смирновой, посвященные такому приему законодательной техники, прямо противоположному дифференциации уголовной ответственности, как унификация в уголовном праве [8; 13]. «Унификация в уголовном праве, – пишут данные авторы, – это процесс, обеспечивающий единообразное правовое регулирование сходных либо совпадающих общественных отношений в области

преступного и наказуемого, осуществляемый законодателем в ходе создания или совершенствования уголовно-правовых норм, их элементов и иных структурных составляющих отрасли уголовного права» [8, с. 18].

**Унификация судебной практики
как составная часть унификации
в уголовном праве**

Представляется все же, что унификацию в уголовном праве надо понимать несколько шире, ввиду чего она не сводится только к деятельности законодателя. Объектом унификации являются не только правовые нормы главного юридического источника отрасли – УК РФ, но и иные юридические феномены, составляющие (наряду с уголовным законом) нормативное звено механизма уголовно-правового регулирования. Среди последних необходимо выделить судебную практику. Вопросы ее сущности, правовой природы, места в правовом регулировании и властной реализации получили значительное освещение в юридической литературе, особенно в постсоветский период развития юриспруденции. Однако большинство дискуссий о роли практики традиционно сводятся к признанию или отрицанию ее в качестве источника (в том числе и уголовного) права современной России. Однако безотносительно от возможной правоты той или иной позиции ученого нельзя, на мой взгляд, отрицать очевидное – под видом толкования (как правило, расширительного), конкретизации применяемых норм, использования инструментов аналогии закона и аналогии права, практика упорно вторгается в правовое регулирование, в особенности в тех сферах социальной жизни, которые не получили ясно, однозначного, недвусмысленного и непротиворечивого отражения в позитивном праве. Сказанное относится и к тем отношениям, которые составляют предмет уголовного права. Безусловно, считать данную ситуацию удовлетворительной нельзя и с учетом положений ч. 1 ст. 1 УК РФ, и с учетом того, что уголовное право – типично охранительная отрасль [3, с. 107–108] системы российского права, относимая к ее публичному сегменту [2, с. 306], что исключает наличие в ней пробелов и возможность их преодоления приемами

применения нормы права по аналогии. Последнее связано с тем, что публичные отрасли права (а уголовное в первую очередь) характеризуются так называемым разрешительным типом регулирования, который строится на началах «запрещено все, кроме дозволенного законом» [1, с. 271], а применительно к любому виду юридической ответственности регламентирует ее на началах «только это», «не допускается иначе, как» [1, с. 273–274].

Однако, как отмечал Л.Л. Кругликов, требования ч. 2 ст. 3 УК РФ, устанавливающие в качестве составной части принципа законности принципиальный запрет применения уголовного закона по аналогии, в действительности недостижимы [9, с. 34]. И если запрет аналогии в сфере преступного и наказуемого вполне коррелирует с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ – «никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением», то, строго говоря, для запрета аналогии положений Общей части УК нет никаких конституционных оснований [9, с. 37–38]. А коль скоро и уголовное право не лишено пробелов, а равно и иных менее одиозных недостатков, требующих толкования и конкретизации предписаний уголовного закона как ведущего, или главного, источника отрасли, то отсюда нельзя игнорировать регулирующее воздействие судебной практики [12, с. 127]. Причем независимо от той роли, которая отводится ей доктриной и публичной властью – источника ли права (официального, нетрадиционного, субсидиарного и пр.) или же только акта толкования норм позитивного права.

На первый взгляд, постановка вопроса об «унификации судебной практики» несколько странна, поскольку судебная, или шире – правоприменительная, практика в ее узком, прагматическом аспекте, есть «опыт властного индивидуального регулирования общественных отношений» [5, с. 113], «определенные выводы, обобщения, результаты, обобщенный опыт юридической деятельности» [7, с. 44]. Отсюда практика при таком ее рассмотрении – это уже унифицированная линия, тенденция, направление, «вектор» поведения судов при разрешении однотипных, сходных, совпадающих в своих основных чертах правовых ситуаций. И, казалось бы, о какой тог-

да унификации практики может идти речь? Однако данный вопрос снимается сам собой, если учесть, что практика – сложное, многоуровневое, полиструктурное явление, аккумулирующее в себе далеко неоднородный опыт, с различным регулятивным потенциалом. Как указано, например, Н.Н. Вопленко, социально-правовой опыт проходит в своем становлении определенные последовательные этапы: прецедент толкования → прецедент применения → правовоположение → деловое обыкновение [4, с. 67]. Только на последнем этапе то или иное созданное практикой предписание получает свою наиболее ясную конкретизацию, всеобщее распространение, признание, известность, становится уже своего рода деловым обыкновением. Максимальная формальная определенность обыкновения достигается как раз за счет его изложения в так называемых «практикообразующих актах» Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ), к которым, по сложившимся в правовой системе России традициям, относятся те принятые коллегиями ВС как проверочными инстанциями (кассационной, надзорной) судебные постановления по уголовным, гражданским, административным делам, которые опубликованы в его официальном печатном органе – «Бюллетене Верховного Суда РФ», или которые помещены в обзоры судебной практики ВС, утверждаемые (обычно ежеквартально) его Президиумом. И, само собой, максимальная степень унификации, или «нормативность», практики достигается в постановлениях Пленума ВС РФ, которые принимаются не в связи с разрешением конкретного дела и в которых в максимально обобщенной форме излагается выработанный и выявленный практический опыт применения права, имеющий характер общего правила, максимально приближенного к правовой норме.

Однако до того, как стать обыкновением и «попасть» в постановление Пленума ВС РФ, не исключено существование конкурирующих, противоречивых и даже разнящихся тенденций судебной практики. Не исключается и появление даже откровенно противозаконной практики (таковой, полагаю, является любая практика, которая зиждется на расширительном толковании уголовно-правовых запретов и которая, таким образом, латентно, вне зако-

на, расширяет границы преступного вопреки принципу «*nullum crimen sine lege*» [11]). В этой связи неслучайно практически каждое постановление Пленума ВС предваряется преамбулой со стандартными фразами: «В целях обеспечения единообразного применения судами законодательства об уголовной ответственности за...», «В целях обеспечения правильного применения законодательства, предусматривающего ответственность за...»; «В связи с вопросами, возникающими у судов при применении положений... и в целях обеспечения единства судебной практики» и т. п.

Пробелы действующего законодательства РФ, снижающие эффективность регулятивного потенциала судебной практики

Отсюда первым и главным направлением унификации практики является издание **ВС РФ руководящих разъяснений**, направленных на единообразное понимание и применение судами тех или иных положений уголовного закона в текущей судебной деятельности по рассмотрению уголовных дел судами первой и проверочных инстанций всех уровней. Соответствующее полномочие Верховного Суда прямо закреплено в ст. 126 Конституции РФ, а также в ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и в п. 1 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (далее – «Закон о Верховном Суде РФ»). Однако большим упущением отечественного законодательства является отсутствие в нем указания на руководящий, то есть обязательный, характер даваемых Верховным Судом разъяснений². Безусловно, данный огрех законодательной техники преодолевается систематическим толкованием Конституции, федеральных конституционных законов и некоторых процессуальных кодексов (в части регламентации ими требований, предъявляемых к составлению решений судов по административным, арбитражным и гражданским делам, оснований для отмены судебного постановления в надзорном порядке или для пересмотра судебного постановле-

ния по новым обстоятельствам — см., в частности: абзац восьмой ч. 4 ст. 170, п. 3 ст. 308.8, п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, абзац третий ч. 4.1 ст. 198, п. 3 ст. 391.9, п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 180, ч. 3 ст. 215, п. 6 ч. 1 ст. 334, п. 3 ст. 341, п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ). Однако все же ответ на столь серьезный вопрос (об обязательности / необязательности разъяснений ВС), касающийся нормативной основы разрешения любого, а тем более уголовного (!), дела, должен все же недвусмысленно вытекать из фундаментальных конституционных законодательных актов, регулирующих основы судостроительства, а не следовать из их истолкования, что само по себе свидетельствует о смысловой неопределенности (а потому и о некоторой дефектности, ущербности) толкуемых положений.

Заметим, что в большинстве процессуальных кодексов обязательность нормативной практики Верховного Суда находит свое отражение при регламентации оснований ревизии судебных постановлений в надзорном порядке и их пересмотра по новым обстоятельствам. Так, например, в силу п. 6 ч. 1 ст. 334 КАС РФ если заявитель надзорной жалобы обосновывает необходимость пересмотра обжалуемого судебного акта нарушением судом единства судебной практики, то он должен привести в жалобе примеры в подтверждение этих доводов. Сообразно этому одним из оснований отмены или изменения судебного акта в надзорном порядке является в силу п. 3 ст. 341 КАС РФ нарушение обжалуемым актом «единообразия в толковании и применении судами норм права». В свою очередь, одним из оснований пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам является «определение или изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации либо в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, примененной в конкретном деле, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства» (п. 5 ч. 1 ст. 350 КАС РФ).

Отсюда явно неприемлемым является полное молчание законодателя в УПК РФ по

вопросу о юридической силе практики и, прежде всего, даваемых Верховным Судом разъяснений.

Парадоксально, но факт: об обязательности нормативной практики ВС РФ в сфере уголовного правосудия и необходимости ее учета при разрешении уголовных дел судами любых инстанций свидетельствует, к сожалению, не закон, а отдельные кассационные решения ВС РФ. Так, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 01.10.2024 № 31-УД24-8-К6, вынесенным по уголовному делу по обвинению Васильева, осужденного по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 19.05.2010 № 87) за покушение на сбыт наркотических средств в составе группы лиц, были частично пересмотрены ранее вынесенные по делу судебные акты. Изменяя судебные постановления нижестоящих судов, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ обратила внимание на недопустимость применения при квалификации деяния осужденного той правовой позиции Верховного Суда, которая ухудшает его положение и которая отсутствовала на момент совершения осужденным (январь 2012) инкриминированного ему преступления. Примечательно, что по вопросу оценки действий сбытчика наркотических средств, который расфасовывает наркотик и хранит его при себе либо дома с целью последующей реализации, но не успевает реализовать из-за прерывания преступления правоохранительными органами, у Пленума ВС РФ наличествовали в разное время две позиции: постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» в своей первоначальной редакции исходило из необходимости квалификации такого рода деяний как приготовления к сбыту наркотика (п. 15); постановление Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 30 исключило п. 15 указанного постановления и дополнило его п. 13.2, согласно которому действия, аналогичные действиям Васильева, подлежали квалификации уже как покушение на сбыт.

Между тем п. 13.2 с изложенной в нем правовой позицией Верховного Суда на момент

совершения Васильевым преступления в постановлении Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 отсутствовал. Более того, по данной ситуации на момент совершения преступления существовала иная, впоследствии утратившая силу, но достаточно ясно выраженная и менее репрессивная, а потому и улучшающая положение преступника позиция ВС РФ, ориентирующая суды на оценку действий несостоявшегося сбытчика, прервавшихся на этапе приобретения, хранения, перевозки, изготовления или переработки им наркотика, как приготовления к последующему сбыту (по ч. 1 ст. 30 и соответствующей части ст. 228.1 УК).

Обосновывая частичную незаконность ранее принятых по делу судебных актов, Судебная коллегия ВС сослалась на ст. 9 УК, согласно которой преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния. Кроме того, данной инстанцией ВС РФ со ссылкой на ч. 1 ст. 10 УК было обращено внимание на то, что уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

И поскольку речь шла не об уголовном законе, а об изменившейся практике его применения, Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ при выборе подлежащей применению для оценки действий Васильева редакции одного и того же постановления Пленума применила ст. 9, 10 УК, по сути, по аналогии, распространив их действие не только на уголовный закон, но и на постановления его Пленума.

Приведенное судебное постановление коллегии ВС заслуживает внимания, на наш взгляд, по двум обстоятельствам.

Во-первых, косвенно ВС РФ признает, что постановления его Пленума – это нечто большее, чем просто акт официального, обязательного толкования нормы права.

Согласно традиционному взгляду на толкование права, последнее есть познание государственной воли, нашедшей свое отражение в тексте закона или иного нормативного акта [6, с. 14; 14, с. 173]. Отсюда в акте толкования не может быть собственной нормативной новизны, поскольку он всецело произведен от содержания истолковываемого им юридичес-

кого источника права. А раз толкование – это познание государственной воли, заключенной в законе (ином нормативном акте), то какая разница, когда, в какой период действия закона (иного нормативного акта) эта воля была уяснена, выявлена? Главное, что она была такой и без истолкования закона уже на момент введения закона в действие.

При таком подходе даже при наличии в разные временные периоды конкурирующих актов официального толкования одного и того же органа должно презюмироваться, что истинным является последний, действующий акт толкования. Следовательно, пересматривая в кассационном порядке судебные постановления по вышеупомянутому уголовному делу, ВС РФ должен был бы судебные акты по делу оставить без изменения, основываясь на том, что п. 13.2 приведенного постановления Пленума ВС лишь четче и яснее изложил ранее отраженную в УК государственную волю по вопросу понимания стадий сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Однако, как следует из кассационного определения, ВС РФ приведенными соображениями не руководствовался и отступил от понимания постановлений Пленума лишь только как актов толкования права.

Во-вторых, анализируемое решение ВС, принятое по конкретному уголовному делу, еще раз высвечивает непростительную пробельность приводившихся выше федеральных конституционных законов, которые «обходят» вопрос о юридической силе актов ВС, отражающих итоги обобщения (унификации) текущей судебной практики, равно как и вопрос об их юридической природе. Между тем из-за этого «молчания» законодателя приведенная позиция ВС РФ, безусловно справедливая и вполне соответствующая принципам и фундаментальным началам уголовного законодательства, высказанная его коллегией при кассационном разрешении конкретного дела, строго формально обязательна только для этого дела. Таким образом, в уголовном законодательстве РФ и в актах его нормативного официального толкования нет норм, запрещающих придавать обратную силу изменяющимся позициям ВС, ухудшающим положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности,

по сравнению с официальными позициями ВС, находившимися в момент совершения преступления, равно как и нет формальной нормативной основы для пересмотра состоявшихся по уголовному делу судебных решений в случае последовавшего после преступления изменения позиции ВС, улучшающей положение преступника³.

Таким образом, в идеале намеченный в текущем правоприменении высшего суда подход о невозможности придания обратной силы правовым позициям ВС, сформулированным в его актах официального обобщения судебной практики рассмотрения уголовных дел, ухудшающим положение лица, привлекаемого к уголовной ответственности, должен найти свое отражение в ст. 9, 10 УК. Но до внесения изменений в уголовный закон в целях оперативного преодоления указанного пробела уместно было бы дополнить действующее постановление Пленума ВС РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона» соответствующими разъяснениями.

Помимо отсутствия указания на обязательность руководящих разъяснений ВС РФ, другим серьезным недостатком современного конституционного законодательства о судостроительстве и общей компетенции ВС РФ, а также и отраслевого процессуального законодательства (включая и уголовно-процессуальное) является отсутствие в нем какой-либо иерархии тех актов ВС, которые практику формируют и выражают (в обобщенном виде или же при принятии решения по конкретному делу).

Из регламентации компетенции, структуры и состава ВС в Законе о Верховном Суде РФ следует, что обобщением судебной практики могут заниматься два состава Верховного Суда – его Пленум (п. 1 ч. 3 ст. 5 Закона о Верховном Суде РФ) и Президиум (п. 7 ч. 1 ст. 7 Закона о Верховном Суде РФ). В последнем случае, правда, непонятно, в какой форме Президиум ВС «рассматривает отдельные вопросы судебной практики», происходит ли это в связи с рассмотрением конкретного дела или же Президиум обобщает уже ранее сформированный опыт применения закона по конкретным делам, рассмотренным другими

судами или коллегиями ВС РФ. Компетенция Президиума, закрепленная в общем виде в ст. 7 Закона о Верховном Суде РФ, допускает оба указанных варианта: например, наделение Президиума правом надзорного пересмотра судебного дела и правом возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам как раз и мотивируется законодателем в п. 1 ч. 1 ст. 7 этого Закона целью «обеспечения единства судебной практики и законности». Думается, обеспечение этого единства даже при рассмотрении конкретного дела невозможно без выражения правовой позиции высшего Суда в конкретном деле, как раз и составляющей существо сформированного практикой обыкновения и, собственно, и являющейся практикой. Возможность же обобщения практики не в связи с конкретным делом прямо закрепляется для Президиума ВС в п. 7 ч. 1 ст. 7 Закона о Верховном Суде РФ. Процессуальное законодательство (кроме УПК РФ) также не исключает для Президиума оба указанных варианта формирования и закрепления практики.

Таким образом, есть как минимум два состава Верховного Суда, которые наделены полномочиями по унификации практики – его Пленум и Президиум, и три группы актов, принимаемых данными составами ВС РФ, которые являются формальными и официальными выразителями практики:

- постановления Пленума Верховного Суда РФ;
- постановления Президиума Верховного Суда РФ, принятые по конкретному делу, рассмотренному в порядке надзора либо пересмотренному по новым или вновь открывшимся обстоятельствам;
- постановления Президиума Верховного Суда РФ, которыми утверждаются обзоры судебной практики.

Какие-либо субординационные связи между указанными актами законодательства РФ, включая и упомянутые федеральные конституционные законы, не устанавливает. Однако возможность появления конкурирующих официальных правовых позиций, тем более при наличии как минимум трех групп актов ВС РФ, в которых данные позиции могут выражаться, отнюдь не исключается. Поэтому логичнее было бы законодательно за-

репить иерархию соответствующих судебных актов, поставив во главе такой иерархии постановления Пленума ВС РФ, затем обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом ВС РФ, а в завершение – казуальные решения Президиума ВС РФ, принятые по конкретному делу, но которым придается значение в том числе и акта официального толкования уголовного закона. Критерием такого распределения актов толкования по юридической силе выступает степень его «нормативности». Наивысшей данная степень является именно в постановлениях Пленума ВС РФ, которые по способу структурирования и абстрактной форме изложения материала максимально приближены к нормативному акту.

Выводы

В завершение заметим, что унификация в праве как прием законодательной (или шире – юридической) техники не должна ограничиваться только нормативно-правовыми предписаниями, формулируемыми официально принятыми в государстве способами (преимущественно в законах и иных нормативно-правовых актах). Не менее важным является приведение к единообразию и того квазинормативного материала, который: (а) вырабатывается в ходе текущей и, прежде всего, судебной властной реализации права, (б) включается в правовое регулирование в качестве его нормативной основы, дополняющей (а иногда, к сожалению, и замещающей) традиционные источники права. Особенную актуальность этот вопрос приобретает в сфере регулирования тех отношений, которые составляют «ядро» предмета уголовного права, складываются между лицом, совершившим общественно опасное деяние, государством и потерпевшим, поскольку именно в этих отношениях государство реализует свое право на насилие и наиболее чувствительно умаляет человека в его правах и свободах. С учетом значимости этих отношений и повышенной уязвимости частных лиц, в них участвующих, нельзя оставлять без контроля формирование того опыта правоприменения, который дополняет уголовный закон, причем независимо от того, как данный опыт оценивается доктриной (толкование, конкретизация, субсидиарное нормотворчество и т. п.).

Магистральным направлением унификации практики как властно-судебного опыта применения уголовного закона является издание руководящих разъяснений Верховного Суда РФ, наиболее желательными и предпочтительными из которых являются постановления его Пленума. Для оптимизации же данного направления деятельности ВС необходимо: (а) закрепление в конституционном законодательстве РФ руководящего (обязательного) характера тех актов ВС РФ, в которых происходит обобщение практики применения законов (включая и уголовный), (б) закрепление в действующем УК РФ положений, запрещающих придавать обратную силу официальным позициям ВС, отсутствовавшим в момент совершения преступления и ухудшающим положение лица, его совершившего, и обязывающих распространять на прошлое время новые позиции ВС, улучшающие положение лица, совершившего преступление, (в) закрепление в законодательстве РФ положений, устанавливающих субординацию актов ВС РФ, в которых через официальное толкование закона происходит обобщение практики его применения, их соотношения и соподчиненности в случае аккумуляирования в них конкурирующих правовых позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее, если специально не оговорено иное, доступ к упоминаемым в настоящей статье нормативно-правовым актам, постановлениям Пленума ВС РФ, судебным актам, принятым по конкретным делам, осуществлялся из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Такого недостатка был лишен ранее действовавший в России Закон РСФСР от 08.07.1981 «О судостроительстве РСФСР», в котором разъяснения, даваемые Верховным Судом по вопросам применения законодательства РСФСР, как результат реализации полномочий этого Суда по изучению и обобщению судебной практики, прямо именовались руководящими. Помимо этого, Закон определенно и императивно устанавливал, что «руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РСФСР обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение» (абзац третий ст. 56).

³ Вместе с тем та ситуация, когда ВС РФ изменяет свое официальное понимание стадий разви-

тия конкретного преступления и момента его окончания, существенно уточняя тем самым границы преступного, не такая уж и редкая. Достаточно вспомнить, как Пленум ВС резко «сдвинул» вперед момент окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК) в своем постановлении от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламен-

тирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних», «переделав» данный состав своим новым пониманием момента его окончания из формального в материальный, отказавшись от ранее сформулированной им в постановлении от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» позиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Восхождение к праву / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – 558 с.
2. Алексеев, С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. Линия права. Отдельные проблемы концепции / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 2010. – С. 297–544.
3. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Изд-во БЕК, 1993. – 224 с.
4. Вопленко, Н. Н. Источники и формы права : учеб. пособие / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.
5. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции : монография / Н. Н. Вопленко, А. П. Рожнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 205 с.
6. Вопленко, Н. Н. Толкование права : монография / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. – 126 с.
7. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность : монография / В. Н. Карташов ; под ред. Н. И. Матузова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1989. – 219 с.
8. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Смирнова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс. – 2008. – 312 с.
9. Кругликов, Л. Л. Юридические конструкции и символы в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, О. Е. Спиридонова. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2005. – 305 с.
10. Лопашенко, Н. А. Размышления об уголовном праве. Уголовное право. Уголовно-правовые принципы. Уголовная ответственность. Авторский курс : монография / Н. А. Лопашенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 408 с.
11. Пономарев, В. Г. Справедливо ли считать взяткой благодарность за действия должностного лица, заранее ею не обуславливаемые? / В. Г. Пономарев, А. П. Рожнов // Первый Ярославский юридический форум (1–2 октября 2021 г.) : сб. науч. ст. по вопросам уголов. права и процесса / отв. ред. Е. В. Благоев, А. В. Иванчин, Л. В. Лобанова. – Ярославль, 2021. – С. 202–209.
12. Рожнов, А. П. К вопросу о признании судебной практики юридическим источником уголовного права / А. П. Рожнов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 123–130.
13. Смирнова, Л. Е. Унификация в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук / Смирнова Людмила Евгеньевна. – Ярославль, 2006. – 203 с.
14. Шаргородский, М. Д. Избранные работы по уголовному праву / М. Д. Шаргородский. – СПб. : Юрид. центр – Пресс, 2003. – 434 с.

REFERENCES

1. Alekseyev S.S. *Voskhozhdeniye k pravu: Poiski i resheniya. Sbranie sochinenij. V 10 t. T. 6. Voskhozhdeniye k pravu* [Ascending to the Law: Search and Solutions. Collected Works. In 10 Vols. Vol. 6. Ascending to the Law]. Moscow, Statut Publ., 2010. 558 p.
2. Alekseyev S.S. *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya: nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoj epokhi. Sbraniye sochinenij. V 10 t. T. 5. Liniya prava. Otdelnye problemy kontseptsii* [The Law on the Threshold of the New Millennium: Trends in Global Legal Development – Hope and Drama of the Modern Era. Collected Works. In 10 Vols. Vol. 5. The Line of the Law. Conceptual Problems]. Moscow, Statut Publ., 2010, pp. 297–544.

3. Alekseyev S.S. *Teoriya prava* [Theory of the Law]. Moscow, Izd-vo BEK, 1993. 224 p.
4. Voplenko N.N. *Istochniki i formy prava: ucheb. posobiye* [Sources and Forms of the Law. Textbook]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004. 102 p.
5. Voplenko N.N., Rozhnov A.P. *Pravoprimeritel'naya praktika: ponyatiye, osnovnye cherty i funktsii: monografiya* [Law Application Practice: Concept, Main Features, and Functions. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2004. 205 p.
6. Voplenko N.N. *Tolkovaniye prava: monografiya* [Interpretation of the Law. Monograph]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2007. 126 p.
7. Kartashov V.N. *Juridicheskaya deyatel'nost': ponyatie, struktura, tsennost': monografiya* [Legal Activity: Concept, Structure, and Value. Monograph]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1989. 219 p.
8. Kruglikov L.L., Smirnova L.Ye. *Unifikatsiya v ugolovnom prave* [Unification in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2008. 312 p.
9. Kruglikov L.L., Spiridonova O.Ye. *Juridicheskiye konstruksii i simvoly v ugolovnom prave* [Legal Structures and Symbols in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press, 2005. 305 p.
10. Lopashenko N.A. *Razmyshleniya ob ugolovnom prave. Ugolovnoe pravo. Ugolovno-pravovye printsipy. Ugolovnaya otvetstvennost'. Avtorskiy kurs: monografiya* [Reflections on the Criminal Law. The Criminal Law. Criminal Law Principles. Criminal Liability. Author's Course. Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2024. 408 p.
11. Ponomarev V.G., Rozhnov A.P. Spravedlivo li schitat vzyatkoj blagodarnost za dejstviya dolzhnostnogo litsa, zaranye yeyu ne obuslavlivayemye? [Is It Fair to Consider a Token of Gratitude for Not Preconditioned Official's Actions a Bribe?]. Blagov E.V., Ivanchin A.V., Lobanova L.V., eds. *Pervy Jaroslavskiy juridicheskij forum (1–2 oktyabrya 2021 g.): sb. nauch. st. po voprosam ugolov. prava i protsessa* [The First Jaroslavl Legal Forum (October 1–2, 2021). Collection of Scientific Articles on Criminal Law and Procedure]. Yaroslavl, 2021, pp. 202–209.
12. Rozhnov A.P. K voprosu o priznanii sudebnoj praktiki yuridicheskim istochnikom ugolovnogo prava [On the Issue of the Recognition of Judicial Practice as a Legal Source of Criminal Law]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Jurisprudentsiya* [Science Journal of Volgograd State University. Jurisprudence], 2012, no. 1 (16), pp. 123–130.
13. Smirnova L.Ye. *Unifikatsiya v ugolovnom prave: dis. ... kand. jurid. nauk* [Unification in the Criminal Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Yaroslavl, 2006. 203 p.
14. Shargorodskiy M.D. *Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu* [Selected Works on the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. tsentr – Press Publ., 2003. 434 p.

Information About the Author

Alexey P. Rozhnov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

Информация об авторе

Алексей Петрович Рожнов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.10>

UDC 340.12
LBC 67.0

Submitted: 12.11.2025
Accepted: 27.02.2026

THE SYSTEM OF INTERPRETATIVE ACTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT AND PREREQUISITES FOR FORMATION

Evgeny M. Terekhov

Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Balakovo, Russian Federation

Introduction: the official interpretation of legal norms is one of the elements supporting the operability of the mechanism of the legal regulation of public relations. As a result, the competent subjects issue numerous acts of interpretation, whose number is rapidly increasing. All this not only attracts constant attention from law enforcers but also provides grounds for discussing the possibility of identifying a system of interpretative acts. **Purpose:** the justification of the need to identify a system of interpretative acts, based on their interconnection, and the consideration of the corresponding prerequisites for this. **Methods:** the methodological framework for this research is a set of scientific cognition methods, including the systemic approach, analysis, comparative law, and formal legal methods. **Results:** the author's position, substantiated in the work, on the importance of identifying a system of interpretative acts, relies on the works of individual scholars, the provisions of the current legislation, the interpretative acts of subjects of official interpretation, the results of law enforcement practice, and the individual materials from speeches by the subjects of official interpretation. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it is established that in modern Russia, a system of interpretative acts has developed and is successfully functioning, representing their totality, manifested in their interconnection, within which their integrity is ensured and improvement is carried out. The system of interpretative acts ensures the current vector of the state-legal development. The structure of the system of interpretative acts depends on many aspects, the determining one being the boundaries of its functioning, which are influenced by the prerequisites for the formation of this very system. The prerequisites act as a driver and determine the course of development taken by the system of interpretative acts.

Key words: legal activity, legal interpretative activity, interpretation of law, explanation, interpretative act, interpretative practice.

Citation. Terekhov E.M. The System of Interpretative Acts in the Russian Federation: Concept and Prerequisites for Formation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 82-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.10>

УДК 340.12
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 12.11.2025
Дата принятия статьи: 27.02.2026

СИСТЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ АКТОВ В РФ: ПОНЯТИЕ И ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ

Евгений Михайлович Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Российская Федерация

Введение: официальное толкование норм права выступает одним из элементов, поддерживающих работоспособность механизма правового регулирования общественных отношений. По его результатам компетентными субъектами издаются акты толкования, число которых стремительно увеличивается. Все это не только притягивает к себе постоянное внимание правоприменителей, но и дает повод говорить о возможности выделения системы интерпретационных актов. **Цель:** обоснование необходимости выделения системы интерпретационных актов, построенной на их взаимосвязи друг с другом, рассмотрение соответствующих предпосылок для этого. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** рассмотренная в статье авторская позиция о важности выделения системы интерпретационных актов опирается на работы отдельных ученых, положения действующего законодательства, интерпретационные акты субъектов официального толкования, результаты правоприменительной практики, отдельные материалы выступлений субъектов официального толкования. **Выводы:** по итогам проведенного исследования установлено, что в современной России сложилась и успешно функционирует система интерпретационных актов, которая представляет их совокупность, проявляющуюся во взаимосвязи между собой, в рамках которой обеспечивается их целостность, а также осуществляется совершенствование. Система интерпретационных актов обеспечивает действующий вектор государственно-правового развития. Конструкция системы интерпретационных актов зависит от многих аспектов, определяющим из которых служат рубежи ее функционирования, на которые оказывают влияние предпосылки формирования этой самой системы. Предпосылки выступают двигателем и определяют, какой курс на развитие берет система интерпретационных актов.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

Цитирование. Терехов Е. М. Система интерпретационных актов в РФ: понятие и предпосылки формирования // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 82–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.10>

Введение

Ежегодно в России на постоянной основе издаются интерпретационные акты, содержащие разъяснение смысла широкого спектра правовых норм, что существенным образом облегчает правоприменительную деятельность, а также стабилизирует правовые отношения. Данный процесс имеет большое разнообразие по своему объему, что проявляется во многих направлениях этой работы.

Во-первых, широкий субъектный состав лиц, наделенных полномочиями по официальному толкованию норм права, включая органы судебной власти (Конституционный Суд РФ; Верховный Суд РФ; суды субъектов РФ); различные министерства и ведомства (Минфин РФ; Минэкономразвития РФ; Минтруд РФ и пр.); международные органы, предусмотренные международными договорами (специализированные суды и межгосударственные комиссии), и т. д.

Во-вторых, акты толкования права присутствуют во всех без исключения отраслях права – конституционном, уголовном, гражданском, административном, трудовом и пр.

Так, в области уголовного права ежегодно издаются постановления Пленума Верховного Суда РФ, взаимосвязь которых помогает достичь не только целей и задач уголовной ответственности, но и способствует единообразию уголовной интерпретационной практики. Более того, в уголовном праве встречаются случаи, когда одним постановлением одновременно вносятся изменения в ряд иных действующих постановлений [11].

В-третьих, различное видовое наполнение. Наиболее яркими их примерами выступают постановления Пленума Верховного Суда РФ; постановления и определения Конституционного Суда РФ; информационные письма министерств и ведомств; ответы на смысловые запросы, поступающие от граждан и организаций, и т. д.

В-четвертых, официальному толкованию могут подвергаться как нормы права, так и отдельные условия заключенных договоров [10], что усиливает его возможность вносить ясность в различные сферы правового регулирования.

Безусловно, все это свидетельствует о востребованности правоинтерпретационной

деятельности и побуждает правоприменителей считаться с ее итогами. Однако здесь возникает логичный вопрос, который заставляет задуматься над самим подходом к официальному толкованию права: представляют ли несколько интерпретационных актов некое единство либо, напротив, лишь завершают правоприменение в каждом отдельно взятом случае? Иными словами, можно ли вести речь о системе интерпретационных актов в России?

Понятие системы интерпретационных актов

Несмотря на то что по результатам официального толкования права почти в каждом случае издается интерпретационный акт, логично завершающий данный процесс, в сфере правоинтерпретационной деятельности концептуальных мнений о возможности выделения такого понятия, как система интерпретационных актов, не выдвигалось, а также не исследовались соответствующие предпосылки для этого.

Нужно понимать, что механизм правового регулирования находится в постоянном движении – принимаются нормативные акты, а также издаются необходимые интерпретационные акты. Это ведет к тому, что увеличивается в объемах нормативная, правоприменительная, интерпретационная практика. Масштабы и видовое разнообразие интерпретационной практики также растут: ежегодно выходят в свет различные интерпретационные акты, классификацию которых давать становится все сложнее в силу расширения их видового разнообразия.

Ключевой вопрос, который возникает в связи с данным фактом, сводится к следующему: перерастает ли совокупность вынесенных интерпретационных актов в полноценную систему, в рамках которой они поддерживают свою жизнедеятельность и развиваются? Для того чтобы на него ответить, важно обозначить понятие, а также проанализировать причины, позволяющие это сделать.

В области нормативных актов предпринимались попытки выделения соответствующей системы, под которой предлагалось понимать «совокупность нормативных правовых актов, принимаемых (издаваемых) и реализу-

емых в Российской Федерации, связанных отношениями соподчиненности и координации» [12], однако дальше законопроекта дело не сдвинулось.

С учетом этой попытки, а также специфики функционирования правоинтерпретационной деятельности можно попытаться сформулировать интересующее нас понятие, под которым предлагаем подразумевать следующее.

Система интерпретационных актов – это их совокупность, проявляющаяся во взаимосвязи между собой, в рамках которой обеспечивается их целостность, а также осуществляется совершенствование. Причем это не формальная их совокупность – она развивается по определенным канонам, учитывает ориентиры, которые накладывают отпечаток на ее функционирование.

В.В. Кошелева рассматривает сами интерпретационные акты как систему вспомогательных правовых актов, допуская тем самым наличие контакта между ними [6, с. 62]. Акт толкования сам по себе не образует систему, а вот их многообразие, обусловленное смысловыми контактами друг с другом, а также иными правовыми актами, открывает прямой путь к ее изучению.

Неоднократно субъекты официального толкования учитывают наличие действующих интерпретационных актов своих коллег и издаются последние, основываясь на этих сведениях, развивая последующее направление интерпретационной мысли, доводя его до системного уровня. Например, нормой является использование Конституционным Судом РФ актов толкования Верховного Суда РФ в работе, и наоборот [8].

Каждый субъект официального толкования права вносит свой вклад в формирование и совершенствование системы интерпретационных актов посредством работы по их принятию, изменению, отмене, мониторингу, а движет ими общий курс государственно-правового развития либо отдельные векторы его реализации.

Конструкция системы интерпретационных актов представлена их видами, формами, а также связями, которые образуют ее каркас.

В зависимости от конкретных оснований классификации акты толкования могут разли-

чаться по признакам нормативности, субъектному составу, юридической силе, времени действия [15, с. 47] и т. д. Мы не будем подробно их анализировать, поскольку в правовой науке есть много работ об этом как в советский, так и современный период развития права.

В качестве форм интерпретационных актов можно выделить постановления, определения, инструкции, информационные письма, ответы на вопросы (запросы) о смысле норм права и т. д.

Н.Н. Вопленко отмечает, что многообразие интерпретационных актов определяется разнообразием правовой действительности [2, с. 60].

Конструкция системы интерпретационных актов зависит от многих факторов, определяющим из которых являются направления ее развития, на которые оказывают влияние предпосылки формирования этой самой системы.

Обоснование необходимости выделения системы интерпретационных актов

Взаимосвязь между интерпретационными актами отражается в предпосылках, свидетельствующих о возможности выделения системы. Предпосылки выступают двигателем и определяют, в какую сторону должна развиваться система интерпретационных актов. Под их воздействием каркас системы может претерпевать изменения – возникают новые виды и формы актов толкования.

Факт выделения самостоятельной системы интерпретационных актов может быть аргументирован выявлением следующих обстоятельств.

Во-первых, наличие цели – обеспечение ясности смысла норм права для эффективной работы механизма правового регулирования общественных отношений. Здесь мы имеем в виду постоянную и системную работу, которую проводят субъекты официального толкования. Система интерпретационных актов носит замкнутый характер на целевую составляющую, функционирует вокруг нее, обеспечивая ее достижение. Цель выступает движущей силой системы.

Во-вторых, система постоянно развивается, ее работоспособность поддерживается усилиями всех без исключения субъектов правоинтерпретационной деятельности. Иными словами, система через результаты работы субъектов официального толкования меняет свое состояние, реагируя на происходящие изменения в обществе, являясь динамичным образованием. Например, субъекту официального толкования недостаточно просто издать интерпретационный акт, крайне важно поддерживать его актуальность на протяжении всего периода действия нормы права либо проводить своевременную замену актов толкования новыми. Работа в таком ключе полностью закрывает смысловые потребности механизма правового регулирования. Мониторинг интерпретационных актов дает возможность вести эту деятельность на постоянной основе [1, с. 91].

В-третьих, система функционирует не хаотично, а с учетом определенных тенденций, которые учитываются субъектами правоинтерпретационной деятельности [14, с. 10]. В 2006 г. потенциал интерпретационных актов был ориентирован на формирование единого европейского правового пространства, его укрепление, о чем говорил В.Д. Зорькин [4]. Был взят курс на построение единых стандартов в правовой сфере, несмотря на имеющиеся различия, однако после 2022 г. он был кардинально изменен на формирование и развитие национального правового пространства и отказ от разработки общего с Европой.

Еще одной знаковой тенденцией стоит признать возможность «живого толкования» Конституции РФ [3], вложения в нее нового смысла, который определяется глубиной и содержанием действующих общественных отношений. Это позволяет Конституционному Суду РФ выносить постановления и определения сообразно потребностям функционирования отечественной правовой системы.

В-четвертых, иерархичное соподчинение интерпретационных актов, включающее в себя два уровня. Интерпретационные акты органов высшей судебной власти располагаются в верхней части «пирамиды» результатов правоинтерпретационной деятельности. Они используются в работе нижестоящими субъектами толкования, которые учитывают

соответствующие интерпретационные нормы и берут их за основу своих актов толкования. В нижней части «пирамиды» результатов правоинтерпретационной деятельности располагаются интерпретационные акты министерств и ведомств. Примечательно, что некоторые из них при издании актов толкования согласовывают свои правовые позиции. Так, ФНС России согласовывает с Минфином РФ проекты интерпретационных актов для исключения возможности противоречий [9].

В-пятых, наличие жизненного цикла. Р.А. Ромашов указывает, что цикличности свойственны точка начала и точка завершения [13, с. 42]. Жизненный цикл системы интерпретационных актов не только тесно связан, но и зависит от жизненного цикла системы нормативных актов. Принятие и утрата юридической силы интерпретационных актов будут зависеть от принятия и утраты юридической силы нормативных актов. Интерпретационные акты проходят следующий жизненный путь: издание, внесение изменений (дополнений), признание недействующим. На сегодняшний день в российском праве нет ни одного акта толкования, который действовал бы бесконечно долго.

В-шестых, использование современных технологий. Функционирование системы интерпретационных актов учитывает как текущие инструменты, так и перспективные. Например, в правоинтерпретационную деятельность возможно внедрение технологий искусственного интеллекта для издания актов толкования по наиболее простым и стандартным случаям. Экспертное сообщество допускает возможность увеличения объемов такой работы через 10–15 лет, вплоть до того, что большинство проектов правовых актов будет разрабатываться без прямого участия человека [7, с. 1230]. Если это произойдет, систе-

ма интерпретационных актов будет реализована с учетом данного обстоятельства.

В-седьмых, субъектами официального толкования права издаются не просто интерпретационные акты, а целые аналитические документы, содержащие анализ актов толкования по отдельным направлениям их работы. Например, Конституционный Суд РФ издает ежегодный информационно-аналитический отчет об исполнении решений КС РФ [5], который исследуют не только органы государственной власти РФ и их должностные лица, но и физические лица.

Выводы

Таким образом, в современной России сложилась и успешно функционирует система интерпретационных актов. Под ней предлагаем понимать их совокупность, проявляющуюся во взаимосвязи между собой, в рамках которой обеспечивается их целостность, а также осуществляется совершенствование. Система интерпретационных актов обеспечивает действующий вектор государственно-правового развития.

Конструкция системы интерпретационных актов зависит от многих аспектов, определяющим из которых служат рубежи ее функционирования, на которые оказывают влияние предпосылки формирования этой самой системы. Предпосылки выступают двигателем и определяют, какой курс на развитие берет система интерпретационных актов.

Дальнейшую работу по исследованию системы интерпретационных актов нужно продолжить с целью установления всех факторов, демонстрирующих воздействие на ее работу, а также определения конкретных направлений использования в механизме правового регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасов, Ю. Г. Концепция мониторинга нормативных правовых актов / Ю. Г. Арзамасов, Я. Е. Наконечный. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 200 с.
2. Вопленко, Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М. : Юрид. лит., 1976. – 118 с.
3. Зорькин, В. Д. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Д. Зорькин // Российская газета. – 2021. – 27 окт.
4. Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ: 15-летие Конституционного Суда РФ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2024 году. – URL: <https://www.ksrf.ru>
6. Кошелева, В. В. Акты судебного толкования правовых норм: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / Кошелева Виталия Васильевна. – Саратов, 1999. – 210 с.
7. Макгиннис, Д. О. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг / Д. О. Макгиннис, Р. Д. Пирс // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – № 2. – С. 1230–1250. – DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250
8. Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 679-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Галаниной Елены Валерьевны на нарушение ее конституционных прав абзацем вторым пункта 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации “О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Письмо ФНС России от 13.03.2025 № СД-4-3/2818@ «О представлении разъяснений по туристическому налогу». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Российская газета. – 2019. – 11 янв.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 2 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. – 2025. – 10 июня.
12. Проект федерального закона от 24.02.2015 «О нормативных правовых актах в РФ». – URL: <http://regulation.gov.ru>
13. Ромашов, Р. А. Преемственность и цикличность в российском праве: единство и противоречия / Р. А. Ромашов // Юридическая техника. – 2011. – № 5. – С. 41–42.
14. Рудковский, В. А. Основы правовой политики как актуальное направление правовых исследований / В. А. Рудковский, А. Н. Самарский // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – № 4. – С. 6–12. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.1
15. Шайхутдинов, Е. М. Интерпретационные акты (теоретико-прикладное исследование) / Е. М. Шайхутдинов, В. М. Шафиров. – Красноярск : РУМЦ ЮО, 2007. – 154 с.

REFERENCES

1. Arzamasov Yu.G., Nakonechny Y.Ye. *Koncepciya monitoringa normativnykh pravovykh aktov* [The Concept of Monitoring Regulatory Legal Acts]. Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 200 p.
2. Voplenko N.N. *Oficialnoye tolkovaniye norm prava* [Official Interpretation of the Norms of Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1976. 118 p.
3. Zorkin V.D. *Konstitucionny Sud na rubezhe chetvertogo desyatiletiya* [The Constitutional Court at the Turn of the Fourth Decade]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2021, Oct. 27.
4. Internet-intervyu s V.D. Zorkinym, predsedatelem Konstitucionnogo Suda RF: 15-letiyе Konstitucionnogo Suda RF [Online Interview with V.D. Zorkin, Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation: 15th Anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.
5. *Informacionno-analiticheskij otchet ob ispolnenii reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii, prinyatykh v khode osushchestvleniya konstitucionnogo sudoproizvodstva, v 2024 godu* [Information and Analytical Report on the Execution of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation Adopted During the Constitutional Court Proceedings in 2024]. URL: <https://www.ksrf.ru>
6. Kosheleva V.V. *Akty sudebnogo tolkovaniya pravovykh norm: voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. jurid. nauk* [Acts of Judicial Interpretation of Legal Norms: Issues of Theory and Practice. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 1999. 210 p.
7. Makginnis D.O., Pirs R.D. *Velikij podryv: kak iskusstvennyy intellekt menyaet rol yuristov v okazanii yuridicheskikh uslug* [The Great Explosion: How Artificial Intelligence Is Changing the Role of Lawyers in Providing Legal Services]. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava* [Actual Problems of Economics and Law], 2019, no. 2, pp. 1230-1250. DOI: 10.21202/1993-047X.13.2019.2.1230-1250
8. *Opredeleniye Konstitucionnogo Suda RF ot 27.05.2010 № 679-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Galaninoy Eleny Valeryevny na narusheniye ee konstitucionnykh prav abzaceм vtorym punkta 5 Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii “O primenenii sudami grazhdanskogo zakonodatelstva, reguliruyushchego otnosheniya po obyazatelstvam vsledstviye prichineniya vreda zhizni ili*

zdorovyu grazhdanina» [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05.27.2010 №. 679-O-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Galanina Elena for Violation of Her Constitutional Rights by the Second Paragraph of Paragraph 5 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation ‘On the Application by Courts of Civil Legislation Regulating Relations on Obligations Due to Harm to the Life or Health of a Citizen’ ”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

9. Pismo FNS Rossii ot 13.03.2025 № SD-4-3/2818@ «O predstavlenii razyasnenij po turisticheskomu nalogu» [Letter from the Federal Tax Service of Russia Dated Mar. 13, 2025 No. SD-4-3/2818@ “On the Submission of Clarifications on the Tourist Tax”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

10. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 № 49 «O nekotorykh voprosakh primeneniya obshchikh polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii o zaklyuchenii i tolkovanii dogovora» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated Dec. 25, 2018 No. 49 “On Some Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of the Contract”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2019, Jan. 11.

11. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27.05.2025 № 2 «O vnesenii izmenenij v otdelnye postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda Rossijskoj Federacii po ugovolnym delam» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated May. 27, 2025 No. 2 “On Amendments to Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on Criminal Matters”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2025, June 10.

12. *Proyekt federalnogo zakona ot 24.02.2015 «O normativnykh pravovykh aktakh v RF»* [Draft Federal Law Dated Feb. 24, 2015 “On Regulatory Legal Acts in the Russian Federation”]. URL: <http://regulation.gov.ru>

13. Romashov R.A. Preyemstvennost i ciklichnost v Rossijskom prave: yedinstvo i protivorechiya [Continuity and Cyclicity in Russian Law: Unity and Contradictions]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technology], 2011, no. 5, pp. 41-42.

14. Rudkovskij V.A., Samarskij A.N. Osnovy pravovoj politiki kak aktualnoye napravleniye pravovykh issledovanij [Fundamentals of Legal Policy as an Actual Direction of Legal Research]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2025, no. 4, pp. 6-12. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.4.1

15. Shajhutdinov Ye.M., Spafirov V.M. *Interpretacionnye akty (teoretiko-prikladnoye issledovaniye)* [Interpretative Acts (Theoretical and Applied Research)]. Krasnoyarsk, RUMTs YuO, 2007. 154 p.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.11>

UDC 340.134

LBC 67.022.14

Submitted: 14.11.2025

Accepted: 27.02.2026

REGULATORY REQUIREMENTS FOR THE FORMATTING OF DRAFT LAWS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Ainagul K. Nurzhanova

West Kazakhstan University named after M. Utemisov, Uralsk, Republic of Kazakhstan

Introduction: the paper deals with a comparative analysis of regulatory requirements for the formatting of draft laws in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan, taking into account the regulation in force as of 2025. The relevance of the topic is due to the fact that the quality of legal and technical formatting of draft laws directly affects the predictability of legal regulation, the possibilities of law enforcement, and trust in state institutions. The **purpose** of the study is to identify and systematize the main regulatory requirements for the structure, language, and details of draft laws in the two legal systems, as well as to assess the degree of institutionalization of legislative technique. The objectives include analyzing the constitutional foundations, parliamentary regulations, special methodological recommendations, and the Law of the Republic of Kazakhstan “On Legal Acts,” as well as the positions of domestic scholars on the essence and role of legislative technique. **Methods:** the formal legal method, the systemic approach, the comparative law method, and structural-functional analysis are applied. The factual base includes the Constitution of the Russian Federation, the Rules of Procedure of the State Duma, Decree of the Government of the Russian Federation No. 1009 of August 13, 1997, Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 222 of August 31, 2023, the Methodological Recommendations for the Legal and Technical Formatting of Draft Laws, Law of the Republic of Kazakhstan No. 480-V of April 6, 2016 “On Legal Acts” (in the current version), and by-laws. **Results:** it is shown that in the Russian Federation, the requirements for the formatting of draft laws rely on a combination of regulatory norms of the chambers of parliament and detailed methodological recommendations, including new methodological guidelines of the Ministry of Justice of Russia in 2023 for acts of federal executive bodies, whereas in the Republic of Kazakhstan, the key elements of legislative technique are directly codified in the law “On Legal Acts” and “Rules for the Development, Coordination, and State Registration of Regulatory Legal Acts”. A convergence of approaches regarding the structure of a draft law (name, preamble, the systemic hierarchy of structural units, uniform details, and the special requirements for amending laws) is revealed, as well as common requirements for the clarity of language and the inadmissibility of conflicts and repetitions. **Scope of application of results:** the conclusions can be used in the preparation of draft laws by state authorities of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan; in rule-making by subjects of the Russian Federation; in the legal expertise of draft laws; as well as in educational courses on legal and legislative technique. **Conclusion:** it is concluded that legislative technique is gradually transforming from a sphere of recommendatory doctrinal rules into a system of established regulatory requirements, ensuring the unity of the legal space and predictability of regulation.

Key words: legislative technique, draft law, legal and technical requirements, rule-making, Rules of Procedure of the State Duma, Law “On Legal Acts” of the Republic of Kazakhstan, structure of law, language of law.

Citation. Nurzhanova A.K. Regulatory Requirements for the Formatting of Draft Laws in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 89-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.11>

УДК 340.134

ББК 67.022.14

Дата поступления статьи: 14.11.2025

Дата принятия статьи: 27.02.2026

НОРМАТИВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ЗАКОНОПРОЕКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Айнагуль Канаткалиевна Нуржанова

Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, г. Уральск, Республика Казахстан

Введение: статья посвящена сопоставительному анализу нормативных требований к оформлению законопроектов в Российской Федерации и Республике Казахстан с учетом действующего по состоянию на 2025 г. регулирования. Актуальность темы обусловлена тем, что качество юридико-технического оформления законопроектов непосредственно влияет на предсказуемость правового регулирования, возможности правоприменения и доверие к государственным институтам. **Цели и задачи.** Целью исследования является выявление и систематизация основных нормативных требований к структуре, языку и реквизитам законопроектов в двух правовых порядках, а также оценка степени институционализации законодательной техники. В задачи входит анализ конституционных основ, регламентов парламентов, специальных методических рекомендаций и Закона Республики Казахстан «О правовых актах», а также позиций отечественных ученых о сущности и роли законодательной техники. **Методы:** применяются формально-юридический метод, системный подход, сравнительно-правовой и структурно-функциональный анализ; фактическая база включает Конституцию РФ, Регламент Государственной Думы, постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009, приказ Минюста РФ от 31.08.2023 № 222, Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, Закон РК от 06.04.2016 № 480-V «О правовых актах» (в действующей редакции) и подзаконные акты. **Результаты:** показано, что в Российской Федерации требования к оформлению законопроектов опираются на сочетание регламентных норм палат парламента и детальных методических рекомендаций, в том числе новых методических указаний Минюста России 2023 г. для актов федеральных органов исполнительной власти, тогда как в Республике Казахстан ключевые элементы законодательной техники прямо кодифицированы в Законе «О правовых актах» и «Правилах разработки, согласования и государственной регистрации нормативных правовых актов». Выявлено сближение подходов по структуре законопроекта (наименование, преамбула, системная иерархия структурных единиц, единообразные реквизиты, специальные требования к законам о внесении изменений), а также общность требований к ясности языка, недопустимости коллизий и повторов. Материалы исследования могут быть использованы при подготовке законопроектов органами государственной власти РФ и РК, в нормотворчестве субъектов РФ, правовой экспертизе проектов, а также учебных курсах по юридической и законодательной технике. Делается **вывод** о постепенной трансформации законодательной техники из сферы рекомендательных доктринальных правил в систему закрепленных нормативных требований, обеспечивающих единство правового пространства и предсказуемость регулирования.

Ключевые слова: законодательная техника, законопроект, юридико-технические требования, нормотворчество, Регламент Государственной Думы, Закон «О правовых актах» Республики Казахстан, структура закона, язык закона.

Цитирование. Нуржанова А. К. Нормативные требования к оформлению законопроектов в Российской Федерации и Республике Казахстан // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 89–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.11>

Введение

Совершенствование качества законодательного регулирования в Российской Федерации и Республике Казахстан в современных условиях неразрывно связано с формированием и нормативным закреплением единых требований к юридико-техническому оформлению законопроектов, обеспечивающих системность, предсказуемость и ясность правового воздействия; в этой связи исследование нормативных основ подготовки законопроектов, регламентов деятельности парламентов, методических рекомендаций и специальных законодательных конструкций, включая положения Закона Республики Казахстан «О правовых актах» [3] и методических документов, применяемых в Российской Федерации, позво-

ляет выявить степень институционализации требований законодательной техники, оценить их роль в предупреждении правовых коллизий, устранении неопределенности и повышении эффективности правоприменения, а также показать, каким образом научные подходы отечественных исследователей к структуре, языку и технике построения нормативного материала трансформируются в обязательные правила, определяющие содержание и форму современного законопроекта.

Теоретико-правовые основы нормативных требований к законопроектам

В современной российской и казахстанской доктрине законодательная техника рас-

считается как совокупность средств, приемов и правил подготовки нормативных правовых актов, обеспечивающих их логическую стройность, ясность и системность. Ю.А. Тихомиров подчеркивал, что нормативное закрепление технических требований призвано обеспечить «стандарт качества» закона и предупредить произвольность законотворчества [4, с. 20]. Т.В. Кашанина развивает эту мысль, указывая, что требования к структуре, языку и системе отсылок должны иметь обязательный характер, поскольку именно они превращают политическое решение в юридически безупречный текст [6, с. 35]. Данные подходы находят развитие у Н.И. Матузова и А.В. Малько, которые рассматривают юридическую (и внутри нее законодательную) технику как важнейший элемент правового регулирования, обеспечивающий реализуемость норм и их соответствие принципам права [8, с. 99]. Позиции названных авторов исходят из общего вывода: без формализованных требований к законопроекту невозможно устойчивое и предсказуемое законодательство.

Современные исследования подтверждают этот вывод и уточняют содержание обязательных требований. Так, М.Л. Давыдова, анализируя языковые правила юридической техники, выделяет разумность, обязательность и эффективность как ключевые критерии качества правового текста; они выражаются в требовании однозначности терминов, логической согласованности и доступности предписаний для адресата [2, с. 50]. В том числе М.Л. Давыдова, анализируя технико-юридические средства, подчеркивает, что большинство из них направлены на поддержание оптимального баланса определенности и неопределенности в праве, тогда как правовые дефиниции и юридические конструкции по своей природе призваны устранять неопределенность [1, с. 25]. Т.А. Золотухина в исследовании о законотворческой деятельности в Российской Федерации показывает, что дефекты законопроектной техники (избыточные отсылки, внутренняя противоречивость, сложные конструкции) непосредственно порождают правоприменительные коллизии и снижают авторитет закона, а потому устранение таких дефектов через нормативное закрепление требований к законопроекту является

задачей правовой политики [5, с. 115]. В казахстанской литературе А.Б. Садвокасов обращает внимание на то, что кодификация правил подготовки и экспертизы проектов нормативных правовых актов в специальном законе «О правовых актах» позволила создать единую систему требований к структуре, языку и процедурам разработки законопроектов, что повышает стабильность регулирования [13, с. 67]. Таким образом, доктрина обосновывает необходимость перехода от разрозненных рекомендаций к четким нормативным предписаниям, закрепляющим юридико-технические стандарты.

Нормативные требования к оформлению законопроектов в Российской Федерации

Нормативную основу требований к законопроектам в Российской Федерации составляют Конституция РФ, регламенты палат Федерального Собрания, акты Президента и Правительства РФ о порядке подготовки и опубликования актов, а также специальные методические документы, утвержденные государственными органами.

Конституция РФ закрепляет базовые параметры законопроектной деятельности: круг субъектов законодательной инициативы и стадии рассмотрения проектов федеральных законов (ст. 104–105), что задает формальные рамки для предъявления законопроекта в Государственную Думу и определяет необходимость его соответствия Конституции и действующей системе законодательства [7]. Эти требования развиваются Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ (утв. постановлением ГД от 22.01.1998 № 2134-П ГД с последующими изменениями), который устанавливает, что при внесении законопроекта субъект инициативы обязан представить текст проекта в установленной структуре, пояснительную записку, а в необходимых случаях – финансово-экономическое обоснование, перечень актов, подлежащих признанию утратившими силу или изменению, и иные материалы [9]. Тем самым закладывается обязательная связь содержания законопроекта с оценкой его последствий и системных связей в правовом массиве.

Особое значение имеют методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов, подготовленные Главным государственно-правовым управлением Президента РФ, правовыми управлениями палат Федерального Собрания, Аппарата Правительства РФ и Минюстом России (первоначальная редакция 2003 г., актуализированные редакции, применяемые в практике палат) [12]. Документ детально регламентирует структуру проекта: наименование, при необходимости преамбулу, деление на части, разделы, главы, статьи, части, пункты и подпункты; закрепляет требования к нумерации и оформлению, включая единообразие использования прописных букв, полужирного начертания, последовательности структурных уровней. В рекомендациях подчеркивается, что наименование должно точно отражать предмет регулирования и быть кратким; преамбула допускается лишь при наличии обоснованной цели, не содержит нормативных предписаний и не подменяет диспозитивные нормы; статьи рассматриваются как основные структурные единицы, обеспечивающие логичное иерархическое изложение правового материала.

В сфере подзаконного нормотворчества, но с прямым влиянием на стандарты юридико-технического оформления действует постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», которое требует единообразия реквизитов, четкого определения круга адресатов, недопустимости дублирования и противоречий, правильного использования отсылок и приложения таблиц изменений [10]. Развивая указанные положения, приказ Минюста России от 31.08.2023 № 222 утвердил Методические указания по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, в которых на уровне обязательных правил закреплены требования к формулировке преамбулы, единообразному расположению реквизитов, правилам внесения изменений, способам ссылок, структуре приложений и формулированию норм о вступлении акта в силу [12]. По мнению ряда российских авторов, включение подобных указаний в сис-

тему официальных актов означает переход от рекомендательного характера законодательной техники к императивному режиму, когда нарушение технических требований влечет риски отказа в регистрации акта или признания его дефектным.

Нормативные требования к оформлению проектов законодательных актов в Республике Казахстан

Особенностью Республики Казахстан является кодификация значительной части требований законодательной техники в Законе от 06.04.2016 № 480-V ЗРК «О правовых актах» (далее – Закон о правовых актах). Он закрепляет систему правовых актов, требования к их иерархии, процедурам подготовки, экспертизы, принятия и опубликования и включает специальный блок норм, прямо регулирующих структуру, содержание и язык проектов нормативных правовых актов, в том числе законов [3].

Статьи 22–25 Закона о правовых актах устанавливают обязательные реквизиты и структуру нормативного правового акта (наименование, указание органа, место и дату принятия, номер, подпись, при необходимости преамбулу), требования к делению текста на части, разделы, главы и статьи, а также к содержанию и стилю изложения. В нем закрепляется требование логичности и внутренней согласованности норм, недопустимость противоречий с актами большей юридической силы, запрет неопределенных оценочных выражений, двусмысленных конструкций, избыточных повторов и отсылок, затрудняющих применение. Статья 24 прямо ориентирует разработчика на использование точных и единообразных терминов, согласованных с действующим законодательством, соблюдение правил грамматики и юридического языка, что фактически придает доктринальным положениям о языке закона обязательную силу [3].

Подзаконное регулирование конкретизирует данные требования. «Правила разработки, согласования и государственной регистрации нормативных правовых актов», утверждаемые Правительством и Министерством юстиции Республики Казахстан [11] (в дей-

ствующих редакциях), устанавливают последовательность подготовки проектов, обязательность правовой, антикоррупционной и лингвистической экспертизы, проверку соответствия проекта требованиям ст. 23–24 Закона о правовых актах. В числе критериев экспертизы прямо указываются правильность структуры, наличие всех реквизитов, соблюдение требований к стилю и содержанию, корректность ссылок и приложений. Такое нормативное закрепление придает юридико-техническим правилам характер не просто методических рекомендаций, а юридических обязанностей разработчиков [3].

Казахстанские исследователи, анализируя действие Закона о правовых актах, в целом положительно оценивают данный подход. А.Б. Садвокасов подчеркивает, что наличие единого базового закона позволило устранить фрагментарность нормотворческих требований и задать универсальные стандарты для всех органов, участвующих в подготовке проектов актов, в том числе законопроектов, что усилило роль научной и антикоррупционной экспертизы [13, с. 87]. В ряде работ, выполненных при участии казахстанских ученых-правоведов, отмечается, что текстуальная структура и требования к языку, закрепленные в Законе о правовых актах, стали обязательным ориентиром не только для парламента, но и для центральных государственных органов, что способствует унификации правового пространства.

Результаты

Сопоставление российской и казахстанской моделей позволяет выделить как общие элементы, так и принципиальные различия. Обе правовые системы закрепляют многоуровневый подход к регулированию законопроектной техники: конституционные основы, парламентские регламенты, акты правительства и специализированные методические документы, что отражает стремление к стандартизации процедуры подготовки законов. В обеих юрисдикциях в качестве обязательных элементов законопроекта закрепляются: информативное наименование, при необходимости преамбула с четким указанием целей принятия, стройная система структурных единиц (части, разделы, главы, статьи, части, пунк-

ты и подпункты), единообразные реквизиты, а также специальные правила оформления законов о внесении изменений и о признании актов утратившими силу. Эти требования прямо отражены в Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов (РФ) и в ст. 22–28 Закона о правовых актах (РК).

Ключевым отличием является степень формальной кодификации законодательной техники. В Российской Федерации значительная часть требований к законопроектам содержится в Методических рекомендациях и внутреннем Регламенте парламента; последние хотя и опираются на официальные решения палат и используются как обязательный стандарт, но по своей юридической природе нередко воспринимаются как процедурные регламенты, а не как закон в материальном смысле. Отдельные ученые (в русле идей Ю.А. Тихомирова и Т.А. Золотухиной) подчеркивают, что такая модель зависит от качества правоприменения внутри самого парламента: строгая приверженность методическим рекомендациям обеспечивает высокое качество текстов, но формально не всегда позволяет оспорить акт только по мотивам нарушения технического стандарта. Вместе с тем принятие приказа Минюста РФ от 31.08.2023 № 222 и обновление Правил, утвержденных постановлением № 1009, усилили императивный компонент законодательной техники в отношении подзаконных актов, создав прецедент возможного дальнейшего укрепления требований и для законопроектов федерального уровня.

В Республике Казахстан законодательная техника в большей степени кодифицирована на уровне закона: структура, язык, ссылки, порядок внесения изменений, требования к экспертизе закреплены в Законе о правовых актах, что делает нарушение технических требований основанием для вывода о несоответствии проекта закону и отказа в государственной регистрации либо возвращения проекта на доработку. По мнению казахстанских исследователей, это позволяет придать единообразию юридического языка и структуры не только рекомендательный, но и правоустанавливающий характер, что особенно важно в условиях интенсивного развития за-

конодательства. Вместе с тем отдельные авторы указывают на риск излишней формализации, когда чрезмерно жесткие рамки оформления могут затруднять внедрение инновационных регуляторных решений и усложнять адаптацию законов к быстро меняющимся общественным отношениям. Такая критика свидетельствует о необходимости гибкого применения технических требований с сохранением их системообразующей функции.

Выводы

Во-первых, как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан сложилась развернутая система нормативных требований к оформлению законопроектов: структуре, реквизитам, языку и порядку внесения изменений. Эти требования больше не сводятся к внутренним рекомендациям, а опираются на официальные регламенты палат и акты органов исполнительной власти, а в Казахстане – дополнительно и на специальный закон.

Во-вторых, в обеих системах законодательная техника выполняет функцию гаранта качества правового регулирования: через формализованные правила оформления законопроекта обеспечиваются согласованность с действующим законодательством, предсказуемость действия норм и возможность их единообразного толкования. Доктринальные позиции российских и казахстанских авторов, акцентирующие связь качества текста закона с эффективностью правоприменения, фак-

тически трансформированы в юридически обязательные стандарты.

В-третьих, российская модель по состоянию на 2025 г. демонстрирует усиление императивного начала в сфере юридико-технических требований (особенно для подзаконных актов), но по сравнению с казахстанской сохраняет более фрагментарный характер закрепления правил для законопроектов на уровне закона, где значительную роль играет парламентская практика и методические материалы. Казахстанская модель отличается более жесткой кодификацией, что повышает формальную определенность, но требует внимательного учета гибкости регулирования, чтобы технические стандарты не становились препятствием для оперативного реагирования на новые общественные потребности.

В-четвертых, общая тенденция развития состоит в дальнейшей институционализации законодательной техники: формирование общегосударственных стандартов оформления законопроектов рассматривается как средство укрепления единства правовой системы и повышения доверия к праву. С учетом близости правовых традиций РФ и РК представляется обоснованным развитие взаимного учета наработанных подходов, в том числе в части унификации правил работы с отсылочными нормами, требований к оценке регулирующего воздействия и языковых стандартов, что будет способствовать повышению качества законопроектной деятельности в обоих государствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Давыдова, М. Л. Определенность права и технико-юридические средства ее обеспечения / М. Л. Давыдова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2017. – № 4. – С. 23–28. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2017.4.3
2. Давыдова, М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность / М. Л. Давыдова // *Юрислингвистика*. – 2023. – № 27. – С. 49–55.
3. Закон Республики Казахстан от 06.04.2016 № 480-V «О правовых актах» (с изм. и доп. по сост. на 31.08.2025). – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480>
4. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / Л. Ф. Апт, Н. А. Власенко, В. Б. Исаков [и др.] ; под ред. Ю. А. Тихомирова. – М. : Городец, 2000. – 272 с.
5. Золотухина, Т. А. Законотворческая деятельность в Российской Федерации: теоретико-правовое исследование / Т. А. Золотухина. – М. : Юрлитинформ, 2018. – 352 с.
6. Кашанина, Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенар. голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – 14 апр. (№ 15).

8. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 5-е изд. – М. : Дело РАНХиГС, 2022. – 528 с.
9. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22.01.1998 № 2134-II ГД (ред. от 13.05.2025) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1998. – 16 февр. (№ 7). – Ст. 801.
10. Постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 15.11.2024) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – 18 авг. (№ 33). – Ст. 3895.
11. Приказ и.о. Министра юстиции Республики Казахстан от 05.07.2023 № 464 «Об утверждении Правил разработки, согласования и государственной регистрации нормативных правовых актов» (зарег. в М-ве юстиции Респ. Казахстан 10.07.2023 № 33048). – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033048>
12. Приказ Минюста России от 31.08.2023 № 222 «Об утверждении Методических указаний по юридико-техническому оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1302634080>
13. Садвокасов, А. Б. Трансформация нормотворчества в государственном управлении : дис. ... д-ра философии (PhD) / Садвокасов Асет Багдатович. – Астана, 2022. – 138 с.

REFERENCES

1. Davydova M.L. Opredelennost prava i tekhniko-yuridicheskiye sredstva yeye obespecheniya [Legal Certainty and Technical-Legal Means of Its Ensuring]. *Pravovaya paradigma*, 2017, no. 4, pp. 23-28. DOI: 10.15688/ic.jvolsu.2017.4.3
2. Davydova M.L. Yazykovye pravila yuridicheskoy tekhniki: razumnost, obyazatelnost, effektivnost [Language Rules of Legal Drafting: Reasonableness, Obligatoriness, Efficiency]. *Yurislingvistika*, 2023, no. 27, pp. 49-55.
3. *Zakon Respubliki Kazakhstan ot 06.04.2016 № 480-V «O pravovykh aktakh» (s izm. i dop. po sost. na 31.08.2025)* [Law of the Republic of Kazakhstan Dated April 6, 2016 № 480-V “On Legal Acts”]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480>
4. Apt L.F., Vlasenko N.A., Isakov V.B. et al. *Zakonodatel'naya tekhnika: nauch.-prakt. posobie* [Legislative Technique. Scientific and Practical Guide]. Moscow, Gorodec Publ., 2000. 272 p.
5. Zolotukhina T.A. *Zakonnotvorcheskaya deyatel'nost v Rossijskoj Federacii: teoretiko-pravovoye issledovaniye* [Lawmaking Activity in the Russian Federation: A Theoretical and Legal Study]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2018. 352 p.
6. Kashanina T.V. *Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik* [Legal Drafting. Textbook]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2011. 496 p.
7. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenar. golosovaniem 12.12.1993, s uchetoм popravok, vnesennykh zakonami RF o popravkakh k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 14.03.2020 № 1-FKZ) [Constitution of the Russian Federation]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2014, Apr. 14, no. 15.
8. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Delo RANKhiGS, 2022. 528 p.
9. Postanovleniye Gosudarstvennoj Dumy Federalnogo Sobraniya Rossijskoj Federacii ot 22.01.1998 № 2134-II GD (red. ot 13.05.2025) «O Reglamente Gosudarstvennoj Dumy Federalnogo Sobraniya Rossijskoj Federacii» [Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 2134-II GD Dated January 22, 1998 “On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, Feb. 16 (no. 7), art. 801.
10. Postanovleniye Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 13.08.1997 № 1009 (ed. ot 15.11.2024) «Ob utverzhdenii Pravil podgotovki normativnykh pravovykh aktov federalnykh organov ispolnitel'noj vlasti i ikh gosudarstvennoj registracii» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1009 Dated August 13, 1997 “On Approval of the Rules for the Preparation of Normative Legal Acts of Federal Executive Bodies and Their State Registration”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1997, Aug. 18 (no. 33), art. 3895.
11. *Prikaz i.o. Ministra justitsii Respubliki Kazakhstan ot 05.07.2023 № 464 «Ob utverzhdenii Pravil razrabotki, soglasovaniya i gosudarstvennoj registratsii normativnykh pravovykh aktov» (zareg. v M-ve justitsii*

Resp. Kazakhstan 10.07.2023 № 33048) [Order of the Acting Minister of Justice of the Republic of Kazakhstan Dated July 5, 2023 No. 464 “On Approval of the Rules for the Development, Coordination, and State Registration of Regulatory Legal Acts” (Registered in the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan on July 10, 2023 No. 33048)]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300033048>

12. *Prikaz Minyusta Rossii ot 31.08.2023 № 222 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh ukazaniy po yuridiko-tekhnicheskomu оформлению нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти»* [Order of the Ministry of Justice of Russia No. 222 Dated August 31, 2023 “On Approval of Methodological Guidelines for Legal Drafting of Legal Acts of Federal Executive Bodies”]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1302634080>

13. *Sadvokasov A.B. Transformaciya normotvorchestva v gosudarstvennom upravlenii: dis. ... d-ra filosofii (PhD)* [Transformation of Rulemaking in Public Administration. Dr. diss]. Astana, 2022. 138 p.

Information About the Author

Ainagul K. Nurzhanova, Master of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Educational Program “Law”, West Kazakhstan University named after M. Utemisov, N. Nazarbaeva St, 162/1, 090000 Uralsk, Republic of Kazakhstan, aina_ask@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9818-516X>

Информация об авторе

Айнагуль Канаткалиевна Нуржанова, магистр юридических наук, старший преподаватель образовательной программы «Право», Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, ул. Н. Назарбаева, 162/1, 090000 г. Уральск, Республика Казахстан, aina_ask@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9818-516X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.12>

UDC 340.142

LBC 67.06

Submitted: 02.12.2025

Accepted: 27.02.2026

JUDICIAL LAW ENFORCEMENT ACTS-ACTIONS: A TECHNICAL-LEGAL ASPECT

Lidiya N. Kerdan

Gorodishchensky District Court of the Volgograd Region, Gorodishche, Russian Federation

Introduction: the specifics of judicial law enforcement acts-actions receive only fragmentary coverage in legal science, which is largely due to the debatable nature of opinions on the very existence of this type of law enforcement act. A consequence of this situation is also the lack of attention to the technical-legal side of such acts. This circumstance, as well as the presence of trends towards expanding the range of law enforcement situations that necessitate the preparation and implementation of relevant acts, predetermines the relevance of addressing the stated topic. **Methods:** the methodological framework for the research is represented by a set of methods: general scientific dialectical, formal-legal, comparative law, logical-syntactic, semantic, forecasting, analysis, and synthesis. **Results:** in a problematic sense, in relation to the issues examined in the corresponding section of the study, the author emphasizes both the pronounced focus on the connection of technical-legal issues with acts-documents and the disregard by some scholars for the independence of acts-actions. This is associated with endowing law enforcement acts with such mandatory features as documentary form, the express manifestation of the subject's will, and the creation of legal consequences. Based on the results of the work, the author formulates **conclusions** regarding the counterproductivity of excluding from the sphere of attention a number of situations of law enforcement activity that are not amenable to formalization; equally, reducing acts-actions to relatively simple (typical) situations that require prompt decision-making and are formalized within general frameworks is also unjustified. The study also allows noting that the implementation of law enforcement acts-actions may also be associated with the atypical nature of law enforcement situations. The work also points out the fragmentary nature of the scientific development of conceptual aspects of oral legal technique, which is of particular importance in relation to the acts under consideration.

Key words: law enforcement act, law enforcement, legal technique, law enforcement technique, judicial acts, acts-actions.

Citation. Kerdan L.N. Judicial Law Enforcement Acts-Actions: A Technical-Legal Aspect. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 97-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.12>

УДК 340.142

ББК 67.06

Дата поступления статьи: 02.12.2025

Дата принятия статьи: 27.02.2026

СУДЕБНЫЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АКТЫ-ДЕЙСТВИЯ: ТЕХНИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лидия Николаевна Кердан

Городищенский районный суд Волгоградской области, р.п. Городище, Российская Федерация

Введение: специфика судебных правоприменительных актов-действий получает лишь фрагментарное освещение в юридической науке, что во многом связано с дискуссионностью мнений по вопросам самого существования указанной разновидности актов правоприменения. Следствием такой ситуации выступает и отсутствие внимания к технико-юридической стороне подобных актов. Этим обстоятельством, а также наличием тенденций к расширению спектра правоприменительных ситуаций, опосредующих необходимость подготовки и осуществления соответствующих актов, предопределяется актуальность обращения к заявленной тематике. **Методы:** методологическая основа исследования представлена комплексом методов: общенаучным диалектическим, формально-юридическим, сравнительно-правовым, логико-синтаксическим, семантическим, прогнозирования, анализа и синтеза. **Результаты:** в проблемном смысле, применительно к рассматриваемым в соответствующем разделе исследования вопросам, автором подчеркивается как выраженный акцент связи технико-юридической проблематики с актами-документами, так и игнорирование отдельными учеными самостоятельности актов-действий,

что связано с наделением правоприменительных актов такими обязательными признаками, как документальная форма, выраженность волеизъявления субъекта, порождение юридических последствий. По итогам работы автором формулируются **выводы** относительно непродуктивности исключения из орбиты внимания ряда ситуаций правоприменительной деятельности, не поддающихся формализации; равным образом неоправданным выступает и сведение актов-действий к относительно простым (типичным) ситуациям, требующим оперативного принятия решений и формализованных в общих рамках. Исследование позволяет отметить, что осуществление правоприменительных актов-действий также может быть связано с нетипичностью правоприменительных ситуаций. В работе указывается на фрагментарность научной разработки концептуальных аспектов устной юридической техники, имеющей особое значение применительно к рассматриваемым актам.

Ключевые слова: правоприменительный акт, правоприменение, юридическая техника, правоприменительная техника, судебные акты, акты-действия.

Цитирование. Кердан Л. Н. Судебные правоприменительные акты-действия: технико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 97–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.12>

Введение

Различные виды правоприменительных актов обладают своими технико-юридическими особенностями, которые, в свою очередь, получают научное освещение в далеко не одинаковой мере. Наибольшее внимание в разрезе классифицирования правоприменительных актов по способу выражения с позиций юридической техники в науке, безусловно, уделяется актам-документам. Не случайно одним из ведущих научных подходов к определению понятия и сущности правоприменительной (как и юридической) техники выступает так называемый документационный. В свою очередь, вопросы исследования специфики правоприменительной техники актов-действий рассмотрены в значительно меньшей степени, за исключением отдельных работ, не носящих комплексного монографического характера (прежде всего А.С. Логинова) [5, с. 104–105]. Более того, некоторыми авторами (например, О.В. Литвишко) даже игнорируется самостоятельность такого вида правоприменительных актов [4, с. 9]; в то же время нередко и при признании видовой самостоятельности данных актов последние сводятся к относительно простым (типичным) ситуациям, требующим оперативного принятия решений, в общих рамках формализованных (классически приводимым примером здесь выступал бы жест регулировщика). Думается, однако, что этот подход исключает из орбиты внимания ряд ситуаций правоприменительной деятельности, не поддающихся формализации; очевидно, что визуально-словесные, символические, конклюдентные действия

непродуктивно, более того, в ряде случаев и невозможно алгоритмизировать. Дискуссионность признания самостоятельности рассматриваемых актов, равно как и фрагментарность их изучения (в том числе и с технико-юридических позиций), при значительной практической распространенности предопределяют существенный интерес в обращении к соответствующей проблематике.

Классификация правоприменительных актов-действий

Как правило, авторами, выступающими сторонниками самостоятельности правоприменительных актов-действий, выделяются следующие их виды:

- словесные (иногда также именуются устными);
- визуальные (некоторыми учеными они именуются конклюдентными);
- символы [3, с. 172].

Несколько реже в исследованиях встречаются позиции, обосновывающие относительную самостоятельность звуковых актов-действий [7, с. 76].

Тем не менее думается, что приведенные классификации не отражают всего действительного многообразия правоприменительных ситуаций. Анализируя состав правоприменительной техники как отличающийся наиболее широким относительно других видов юридической техники элементарным составом, ряд авторов в числе соответствующих приемов и средств приводят немало примеров, по сути, иллюстрирующих наличие актов-действий [8]. В данном контексте стоит от-

метить, что некоторые акты-действия могут впоследствии облекаться в документарную форму, тогда как их «предварительная» форма (собственно действие) может быть не вполне очевидной или даже скрытой от иных субъектов, что позволяет судить, по крайней мере, о наличии у них комбинированных признаков, соотносимых с приведенными видами (например, словесно-визуальные или визуально-символические).

Технико-юридические особенности судебных правоприменительных актов-действий

В значительной мере примерами актов-действий «смешанного» вида выступают именно ситуации судебного правоприменения. Так, в частности, иллюстрацией осуществления комбинированных актов-действий можно назвать совещание на месте – без удаления в совещательную комнату – судебной коллегии по разрешению какого-либо вопроса, так и иных. Помимо этого, видится возможным указать на комплексную специфику ряда правоприменительных нотариальных действий, предполагающую наряду с документальной фиксацией неформализованную составляющую (прежде всего в порядке удостоверения определенных фактов).

С другой стороны, стоит особо подчеркнуть, что элементом правоприменительной техники можно считать активность суда в обеспечении организации судопроизводства (протоколирование, руководство судебным заседанием и т. д.). Так, конклюдентными актами-действиями можно считать действия суда по сбору доказательств по собственной инициативе по делам, возникающим из публично-правовых отношений, фактической индивидуализации исковых требований и т. д. Не случайно в современных исследованиях достаточно часто разбирается феномен так называемого судебного активизма, хотя в большей степени применительно к зарубежным (преимущественно стран системы общего права, латиноамериканской правовой семьи) и международным практикам, а также с позиций толкования права [1, с. 115–116].

Вместе с тем отдельные аспекты данного явления известны и отечественному зако-

нодательству, и практике применительно к регламентации судопроизводства, в частности, речь идет об институте особого мнения судьи. В то же время, обращая внимание на дискуссионное обсуждение некоторыми авторами (в частности, И.С. Дикарев, Д.А. Лыков) отдельных свойств особого мнения (в разрезе отсутствия каких-либо процессуальных последствий [6, с. 97]), думается, что последние могут иметь место, если доводы особого мнения будут учтены судьями вышестоящей инстанции (или государственного суда при анализе решения суда третейского); аргументом в пользу приведенной позиции выступает и практика обращения сторон к содержанию особых мнений при обжаловании судебных актов.

Более того, необходимо отметить, что к правоприменительным актам-действиям относят не только особое мнение судьи, но и в целом акты, принятые голосованием судебной коллегии [3, с. 173].

Приведенные примеры, как представляется, обуславливают необходимость выделения комбинированного вида правоприменительных актов-действий.

Проблемы концептуализации правоприменительных актов-действий

В свете анализа возможных перспектив развития теоретических исследований рассматриваемых правоприменительных актов стоит отметить некоторые основные проблемы, препятствующие формированию устойчивого концептуального видения соответствующих вопросов.

Так, в современных реалиях развития правовой системы обращает на себя внимание тенденция к расширению спектра правоприменительных ситуаций, требующих совершения тех или иных актов-действий, что опосредуется как техническим прогрессом, так и соображениями процессуальной экономии, развитием системы альтернативных средств разрешения споров, в том числе отличающихся менее формализованной процедурой и иным балансом документарных актов и актов словесных, визуальных, символических, обобщенно выступающих актами-действиями. В значительной мере необходимость осуществления актов-действий может быть связана с нетипичными правоприменительными ситуациями [2, с. 24]. Помимо этого,

проблематика рассмотрения специфики актов-действий актуализируется в свете развития знаний о юридической тактике и стратегии, через призму вопросов дифференциации и гармонизации отдельных процессуальных форм.

В конечном счете осуществление правоприменительных актов-действий тесно связано с феноменом правоприменительной (прежде всего судебной, но также и административной) дискреции. Стоит отметить, что соответствующие вопросы в технико-юридическом разрезе системно не разрешаются и еще ожидают своего исследования. Изложенное также актуализирует проблематику соотношения собственно технических и технологических аспектов в правоприменении, заставляет обратить пристальное внимание на вопросы юридической тактики. Таким образом, речь идет об изменениях в соотношении актов-документов и актов-действий как количественного, так и качественного характера; при том использование актов-действий отнюдь не всегда сопровождается сравнительно более простыми, типичными или формализованными в общих рамках пра-

воприменительные ситуации, и зачастую их невозможно оценивать изолированно от иного комплекса действий правоприменителя.

Выводы

Изложенное позволяет резюмировать, что правоприменительные акты-действия могут выражаться в словесной, визуальной, звуковой, символической или комбинированной формах. Необходимость данных актов в правоприменительном процессе обусловлена невозможностью его полной формализации, динамизмом развития соответствующих правоотношений, потребностью решения специфических правоприменительных задач (в том числе нетипичных), процессуальной экономией; следовательно, нормативная регламентация данных актов отличается фрагментарностью. Особую сложность при этом представляет характеристика актов-действий комбинированного характера, выступающих составной частью механизма коллегиального принятия правоприменительных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяченко, Е. Б. Судебный активизм и методы интерпретации / Е. Б. Дьяченко // Вестник Московского Университета. Серия 11, Право. – 2023. – № 4. – С. 115–133. – DOI: 10.55959/msu0130-0113-11-64-4-7
2. Кердан, Л. Н. Нетипичные ситуации в правоприменительном процессе: вопросы юридической техники / Л. Н. Кердан // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 23–27. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3
3. Котляр, Е. М. Понятие и виды правоприменительных актов в отечественной правовой системе / Е. М. Котляр // Скиф. – 2020. – № 10 (50). – С. 169–174.
4. Литвишко, О. В. Правоприменяющие субъекты (общетеоретическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Литвишко. – Тамбов, 2009. – 239 с.
5. Логинов, А. С. Некоторые проблемы правоприменительной техники актов-действий / А. С. Логинов // Вестник Владимирского юридического института. – 2010. – № 3 (16). – С. 103–107.
6. Лыков, Д. А. Особое мнение судьи как проявление дезинтеграции судейской коллегии / Д. А. Лыков, И. С. Дикарев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 94–101. – DOI: 10.33184/pravgos-2022.2.10
7. Усеев, Р. З. Акты-действия в правоприменительной деятельности исправительных учреждений / Р. З. Усеев // Вестник Самарского юридического института. – 2023. – № 5 (56). – С. 72–79. – DOI: 10.37523/SUI.2023.56.5.011
8. Шарно, О. И. Состав правоприменительной техники / О. И. Шарно // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9, Исследования молодых ученых. – 2012. – Вып. 10. – С. 190–191.

REFERENCES

1. Dyachenko Ye.B. Sudebny aktivizm i metody interpretacii [Judicial Activism and Methods of Interpretation]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo* [Moscow University Bulletin. Series 11. Law], 2023, no. 4, pp. 115–133. DOI: 10.55959/msu0130-0113-11-64-4-7

2. Kerdan L.N. Netipichnye situacii v pravoprimenitelnom processe: voprosy yuridicheskoy tekhniki [Atypical Situations in the Law Enforcement Process: Issues of Legal Technique]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 23-27. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.2.3
3. Kotlyar E.M. Ponyatie i vidy pravoprimenitelnykh aktov v otechestvennoj pravovoj sisteme [The Concept and Types of Law Enforcement Acts in the Domestic Legal System]. *Skif* [Scythian], 2020, no. 10 (50), pp. 169-174.
4. Litvishko O.V. *Pravoprimenyayushchiye subyekty (obshcheteoreticheskoye issledovaniye): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Law Enforcement Entities (General Theoretical Study). Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Tambov, 2009. 239 p.
5. Loginov A.S. Nekotorye problemy pravoprimenitelnoj tekhniki aktov-deystvij [Some Problems of Law Enforcement Techniques of Acts-actions]. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Vladimir Law Institute], 2010, no. 3 (16), pp. 103-107.
6. Lykov D.A., Dikarev I.S. Osoboye mneniye sudyi kak proyavleniye dezintegracii sudejskoj kollegii [Dissenting Opinion of a Judge as a Manifestation of the Disintegration of the Judiciary Board]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule-of-Law State: Theory and Practice], 2022, no. 2, pp. 94-101. DOI: 10.33184/pravgos-2022.2.10
7. Useyev R.Z. Akty-deystviya v pravoprimenitelnoj deyatel'nosti ispravitel'nykh uchrezhdenij [Acts-Actions in Law Enforcement Activities of Correctional Institutions]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Law Institute], 2023, no. 5 (56), pp. 72-79. DOI: 10.37523/SUI.2023.56.5.011
8. Sharno O.I. Sostav pravoprimenitelnoj tekhniki [Composition of Law Enforcement Technique]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh* [Science Journal of Volgograd State University. Young Scientists' Research], 2012, iss. 10, pp. 190-191.

Information About the Author

Lidiya N. Kerdan, Chairperson, Gorodishchensky District Court of the Volgograd Region, Chuykova St, 9, 403003 Gorodishche, Russian Federation, lkerdan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1216-4697>

Информация об авторе

Лидия Николаевна Кердан, председатель, Городищенский районный суд Волгоградской области, ул. Чуйкова, 9, 403003 р. п. Городище, Российская Федерация, lkerdan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-1216-4697>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.13>

UDC 347.4

LBC 67.404.201

Submitted: 21.11.2025

Accepted: 27.02.2026

PROBLEMS OF CONCLUSION OF CIVIL LEGAL CONTRACTS IN THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC, LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC, ZAPOROZHIE AND KHERSON REGIONS

Natalya A. Ablyatipova

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Crimean Branch), Simferopol, Russian Federation

Anastasia A. Derkach

Zaporozhie Regional Bar Association, Melitopol, Russian Federation

Introduction: the legal regulation of civil law contracts in the new federal subjects is characterized by the complex intertwining of Russian legislation norms with preserved elements of Ukrainian law and the Donbas republics' own legislation. This transitional period has created a unique legal situation requiring a thorough analysis of the problems arising when concluding civil law contracts in the territories of the new subjects of the Russian Federation. Particular attention must be paid to the legal uncertainty regarding the citizenship status of parties to contractual relations and its impact on the legal capacity of the parties. In this regard, the **purpose** of the work is to identify the legal problems of concluding civil law contracts in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhie, and Kherson regions under the conditions of the transitional period of integration into the legal space of the Russian Federation. **Methodology:** the research methodology is based on the application of methods of formal logic and systematic and structural analysis, as well as the comparative law method and the methods of legal experimentation, legal forecasting, and interpretation of legal norms. **Results:** the study analyzes the conflicts between the norms of Russian and Ukrainian legislation and the Donbas republics' own legislation that arise in the regulation of contractual relations. **Conclusions:** the research reveals a complex correlation between federal and regional legal regulation during the transitional period, as well as the restrictions imposed by the martial law. The problems in the functioning of the judicial system, the state registration of real estate rights, the legal regime of nationalized property, and the implementation of foreign economic activity are noted. The main obstacles to the stability of civil turnover are identified, and directions for overcoming them are formulated. The work underscores the need for a comprehensive legislative solution to the identified problems for the successful integration of the new subjects into the economic and legal space of the Russian Federation.

Key words: civil law contract, legal integration, Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhie region, Kherson region, legal regulation, martial law, state registration, nationalization of property.

Citation. Ablyatipova N.A., Derkach A.A. Problems of Conclusion of Civil Legal Contracts in the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhie and Kherson Regions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 102-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.13>

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ДОГОВОРОВ В ДНР, ЛНР, ЗАПОРОЖСКОЙ И ХЕРСОНСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Наталья Айдеровна Аблятипова

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева,
г. Симферополь, Российская Федерация

Анастасия Александровна Деркач

Запорожская областная коллегия адвокатов, г. Мелитополь, Российская Федерация

Введение: правовое регулирование гражданско-правовых договоров в новых субъектах характеризуется сложным переплетением норм российского законодательства с сохранившимися элементами украинского права и собственного законодательства республик Донбасса. Данный переходный период создал уникальную правовую ситуацию, требующую тщательного анализа проблем, возникающих при заключении гражданско-правовых договоров на территории новых субъектов РФ. Особое внимание необходимо уделить правовой неопределенности статуса гражданства участников договорных отношений и ее влиянию на правоспособность сторон. В связи с этим авторами поставлена **цель:** определить правовые проблемы заключения гражданско-правовых договоров на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей в условиях переходного периода интеграции в правовое пространство Российской Федерации. **Методология** исследования базируется на применении методов формальной логики, системного и структурного анализа, а также сравнительно-правового метода, методов правового эксперимента, правового прогнозирования и толкования правовых норм. **В результате** исследования проанализированы коллизии между нормами российского, украинского законодательства и собственным законодательством республик Донбасса, возникающие при регулировании договорных отношений. **Выводы:** выявлено сложное соотношение федерального и регионального правового регулирования в переходный период, а также ограничения, обусловленные режимом военного положения. Отмечены проблемы функционирования судебной системы, государственной регистрации прав на недвижимость, правового режима национализированного имущества и осуществления внешне-экономической деятельности. Выявляются основные препятствия для стабильности гражданского оборота и формулируются направления их преодоления. Работа подчеркивает необходимость комплексного законодательного решения выявленных проблем для успешной интеграции новых субъектов в экономическое и правовое пространство Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, правовая интеграция, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область, Херсонская область, правовое регулирование, режим военного положения, государственная регистрация, национализация имущества.

Цитирование. Аблятипова Н. А., Деркач А. А. Проблематика заключения гражданско-правовых договоров в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 102–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.13>

Введение

Принятие в состав Российской Федерации Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей 4 октября 2022 г. стало беспрецедентным событием в современной российской правовой системе, потребовавшим формирования особого правового режима интеграции новых территорий в единое правовое пространство страны [10]. Процесс при-

нятия новых субъектов осуществлялся на основании федеральных конституционных законов, которые установили переходный период до 1 января 2026 г. для интеграции новых регионов в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации [11]. Данный переходный период создал уникальную правовую ситуацию, требующую тщательного анализа проблем, возникающих при заключении гражданско-правовых договоров на территории новых субъектов РФ.

Е.С. Аничкин в своем исследовании подчеркивает, что «системы законодательства Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от самопровозглашения до принятия в Российскую Федерацию» прошли два этапа развития, каждый из которых имеет свою специфику [1, с. 188]. Первый этап, охватывающий период с 2014 по 2018 г., характеризовался формированием собственного республиканского законодательства с параллельной рецепцией российского правового опыта, но при преобладающем влиянии украинского права. Второй этап, с 2019 по 2022 г., отличался дальнейшим формированием законодательного массива республик на фоне усиления российского правового воздействия и значительного уменьшения украинского правового сегмента [1, с. 188–189]. Такая эволюция правовых систем непосредственно отразилась на регулировании договорных отношений, создав множественность применимых правовых норм и необходимость их согласования.

Анализ развития законодательства новых субъектов показывает высокий уровень интенсивности законотворчества в переходный период. По данным исследования В.С. Руф, федеральные конституционные законы о принятии новых субъектов содержат более детальное регулирование по сравнению с аналогичными законами о принятии Республики Крым в 2014 году [8]. Данное обстоятельство свидетельствует о более тщательном подходе законодателя к регулированию переходного периода, что имеет важное значение для стабильности гражданского оборота и заключения договоров, в том числе трудовых и государственных контрактов.

Специфика правового положения жителей новых субъектов РФ и проблема соотношения федерального и регионального законодательства

Правовое регулирование гражданско-правовых договоров в новых субъектах характеризуется сложным переплетением норм российского законодательства с сохранившимися элементами украинского права и собственного законодательства республик Донбасса. Как справедливо отмечают И.В. Иг-

натушко и М.А. Дроздова, «законодательство РФ регулирует вопросы прекращения гражданства Украины. Основанием является заявление о нежелании состоять в гражданстве Украины» [1, с. 212]. Тем не менее, согласно позиции украинского законодательства, законодательно РФ не может регулировать вопросы украинского гражданства, что, соответственно, создает сложную коллизионную ситуацию, непосредственно влияющую на правоспособность и дееспособность субъектов гражданско-правовых отношений. Данная коллизия имеет принципиальное значение для определения правового статуса лиц, заключающих гражданско-правовые договоры на территории новых субъектов, поскольку от статуса гражданства зависит объем правоспособности и дееспособности участников договорных отношений.

Специфика правового положения жителей новых субъектов РФ определяется особым порядком признания гражданства. Однако процедура прекращения гражданства Украины, предусмотренная российским законодательством, не признается украинской стороной, что создает правовую неопределенность. С точки зрения украинского законодательства не рассматривается как добровольное получение гражданства РФ при его автоматическом приобретении, если гражданин Украины не получил соответствующий документ о гражданстве иностранного государства, например, паспорт РФ [1, с. 212–213]. Эта коллизия порождает серьезные проблемы при заключении гражданско-правовых договоров, требующих установления гражданства сторон, особенно в сфере недвижимости, наследственных отношений и сделок, требующих государственной регистрации.

А.А. Поправко в своем исследовании отмечает, что признание гражданства неоднозначно толковалось в ФЗ № 62-ФЗ и в ФКЗ о принятии в РФ новых территорий [7]. Законодатель одновременно определяет признание гражданства и как государственно-правовой институт волеизъявления граждан бывшего СССР с целью приобретения гражданства Российской Федерации, и в качестве отождествления с институтом оптации [6]. Данная правовая неопределенность в статусе гражданства непосредственно влияет на правоспо-

способность лиц при заключении отдельных видов договоров, особенно тех, которые требуют наличия российского гражданства (например, договоры на приобретение определенных категорий земельных участков, участие в государственных закупках по отдельным позициям, занятие определенных должностей). Неясность в определении момента приобретения гражданства РФ и прекращения гражданства Украины создает риск оспаривания сделок по мотиву неправоиспособности стороны договора.

Переходный период интеграции новых субъектов характеризуется сложным соотношением федерального и регионального законодательства. Е.С. Аничкин отмечает, что «сосуществование федерального и регионального законодательства по вопросам переходного периода демонстрирует разные варианты его соотношения: исключительно федеральное регулирование; преимущественно федеральное регулирование с субсидиарным действием законодательства новых регионов по вопросам прямо неурегулированным на федеральном уровне; приоритетное применение регионального законодательства в части конкретизации и дополнения федеральных норм; исключительно региональное законодательное регулирование по вопросам остаточного ведения субъектов РФ и в результате прямого делегирования со стороны федерального законодателя» [6]. Данная многоуровневая система правового регулирования создаст определенные сложности для участников гражданского оборота при определении применимого права к конкретным договорным отношениям. Необходимость одновременного учета норм федерального законодательства, региональных законов новых субъектов и сохраняющих действие в переходный период нормативных актов, принятых до вхождения в состав РФ, требует от субъектов гражданского права высокой правовой квалификации и тщательного анализа применимых норм.

Анализ основных проблем, возникающих при заключении договоров

Особую проблему представляет регулирование имущественных и земельных отношений в новых субъектах. Согласно положениям

ФКЗ о принятии новых субъектов, до 1 января 2028 г. допускается самостоятельное регулирование имущественных отношений, включая оборот земель, по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по управлению государственным имуществом [10]. В.С. Руф справедливо замечает, что некоторые из новых законов, даже исходя из своих названий, отражают переходный период в развитии правовой системы и государственности ДНР [8], приводя в качестве примера законы «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Донецкой Народной Республики в переходный период» и «Об особенностях регулирования отношений в сфере государственной кадастровой оценки земельных участков в переходный период». Такое законодательное оформление специального режима имущественных отношений создает дополнительные риски при заключении договоров купли-продажи недвижимости, аренды земельных участков, инвестиционных соглашений и иных сделок с недвижимым имуществом. Участникам оборота необходимо учитывать не только общие нормы Гражданского кодекса РФ, но и специальные правила, установленные для переходного периода.

Значительное влияние на договорные отношения оказывает режим военного положения, действующий на территории новых субъектов. Как отмечает Е.С. Аничкин, «режим военного положения предопределил централизованную и милитаризованную систему государственного управления, функционирование специальных органов власти, а также широкий перечень ограничительных мер» [1, с. 192–193]. Среди таких мер исследователь выделяет запрет приватизации предприятий, акций, земли, объектов жилищного фонда; запрет продажи земли (характерно только для ЛНР); запрет игорного бизнеса, продажи пиротехнических средств, эмиссии ценных бумаг; внешнее управление предприятиями в целях переориентации налоговых поступлений в бюджеты самопровозглашенных республик; частичную национализацию рынков, супермаркетов и предприятий, которые принадлежали украинским олигархам; особый режим въезда и выезда; ограничение свободы передвижения; запрет забастовок; ограничение про-

ведения публичных манифестаций; допустимость изъятия имущества физических и юридических лиц для нужд вооруженных сил [1, с. 192–193]. Все перечисленные ограничения непосредственно влияют на содержание и возможность заключения определенных видов гражданско-правовых договоров, создавая специфический правовой режим гражданско-го оборота.

Особого внимания заслуживает вопрос о действии уголовного, гражданского и процессуального законодательства на территории новых субъектов. Е.С. Аничкин подчеркивает, что «специальное федеральное законодательство о переходном периоде и, напротив, остаточный принцип действия соответствующего законодательства новых регионов предусмотрены по тем вопросам, которые составляют сферу совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов» [2, с. 237]. При этом отдельные специальные законы устанавливают в регулируемых сферах общественных отношений тотальное действие, блокируя соответствующее законодательство новых регионов, принятое до принятия в состав России. В качестве примера исследователь приводит уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство [2]. Такое соотношение норм различных уровней требует от правоприменителя тщательного анализа при разрешении споров, вытекающих из договорных отношений, особенно когда договор был заключен до вхождения территории в состав РФ, а исполняется или оспаривается уже в период действия российского законодательства.

Судебная система новых субъектов РФ также находится в стадии трансформации, что создает дополнительные сложности для защиты прав участников договорных отношений. Е.С. Аничкин и Ю.И. Колпакова отмечают, что «правосудие в ДНР осуществляется только судом. Система судов в ДНР состоит из федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировых судей ДНР» [3, с. 41–42]. При этом авторы указывают на ряд проблем в функционировании судебной системы: «нехватка судебных кадров; отсутствие некоторых звеньев судебной системы: сформированного корпуса мировых судей, суда присяжных; прямое взаимодей-

ствие между Верховным Судом Российской Федерации и судами республик Донбасса; отсутствие масштабной автоматизированной системы организации судопроизводства» [3]. Данные проблемы непосредственно влияют на возможность эффективной защиты прав кредиторов и должников по гражданско-правовым договорам, поскольку затрудняют доступ к правосудию и своевременное разрешение споров. Отсутствие сформированного корпуса мировых судей особенно критично для рассмотрения споров по договорам небольшой цены, которые в соответствии с процессуальным законодательством относятся к подсудности мировых судей.

Проблема законодательного понимания переходного периода также имеет значение для договорных отношений. Согласимся, что «законодательное понятие переходного периода не отражает весь процесс интеграции новых субъектов в состав Российской Федерации» [2]. Переходный период согласно п. 2 ст. 7 ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» представляет собой процесс, в течение которого новый субъект должен быть интегрирован в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, а также в систему органов государственной власти Российской Федерации [9]. Однако из определения законодателя затрагивается интеграция только в экономической и правовой сферах, хотя можно найти примеры из других сфер общественных отношений. Такое узкое понимание переходного периода создает правовую неопределенность относительно того, какие именно нормы и в течение какого времени подлежат применению к различным видам гражданско-правовых договоров.

Еще одним важным аспектом является вопрос о применении норм о сроках исковой давности к договорам, заключенным до вхождения территории в состав РФ. Д.В. Груздев справедливо отмечает, что «переходный период – это согласно п. 2, ст. 7 ФКЗ “О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации” один из устанавливаемых международным договором вопросов, связанных с принятием в состав РФ нового субъекта» [4, с. 284]. При этом

в содержании данного понятия указывается на интеграцию новых субъектов в правовую систему Российской Федерации, что предполагает применение к отношениям, возникшим до вхождения в состав РФ, российского законодательства с определенного момента. Однако остается неясным вопрос о том, подлежат ли применению нормы российского законодательства о сроках исковой давности к требованиям, возникшим до 4 октября 2022 г., если эти сроки не истекли на момент вхождения территории в состав РФ, и если подлежат, то с какого момента начинается течение срока по правилам российского законодательства. Данная проблема имеет принципиальное значение для судебной практики, поскольку от ее решения зависит возможность защиты прав кредиторов по договорам, заключенным в период существования ДНР и ЛНР как самопровозглашенных республик.

Особую сложность представляет вопрос о применении норм о государственной регистрации сделок с недвижимостью. За период 2014–2021 гг. принято 147 новых законов, 9 кодексов, а также 625 изменений и дополнений к уже существующим законам. Это свидетельствует об активной законотворческой деятельности республик в период их фактической самостоятельности. Причем многие сделки с недвижимостью, совершенные в этот период, были зарегистрированы в соответствии с законодательством ДНР и ЛНР, которое существенно отличалось от российского. После вхождения территорий в состав РФ возник вопрос о юридической судьбе таких сделок и записей в реестрах прав на недвижимость. Федеральное законодательство о переходном периоде предусматривает особый порядок приведения документов о правах на недвижимость в соответствие с требованиями российского законодательства, однако на практике этот процесс сталкивается с многочисленными трудностями, связанными с утратой или повреждением документов в результате военных действий, расхождениями в требованиях к содержанию и форме документов, необходимостью проведения массовой кадастровой оценки объектов недвижимости.

Важнейшей проблемой является вопрос о правовом режиме имущества, национализированного республиками Донбасса в период их фактической самостоятельности. Е.С. Анич-

кин отмечает, что «режим военного положения повлек за собой целый ряд непопулярных ограничительных мер, среди которых запрет приватизации предприятий, акций, земли, объектов жилищного фонда; запрет продажи земли (характерно только для ЛНР); запрет игорного бизнеса, продажи пиротехнических средств, эмиссии ценных бумаг (ДНР); внешнее управление предприятиями в целях переориентации налоговых поступлений в бюджеты самопровозглашенных республик; частичная национализация рынков, супермаркетов и предприятий, которые принадлежали украинским олигархам, в ответ на торговую блокаду со стороны Украины (ДНР)» [1, с. 193]. Данные меры были направлены на обеспечение экономической безопасности республик в условиях военного конфликта, однако после вхождения территорий в состав РФ возник вопрос о законности таких мер с точки зрения российского законодательства и о возможности предъявления исков о возврате национализированного имущества или о выплате компенсации. Российское законодательство о переходном периоде не содержит четких норм о юридической судьбе имущества, национализированного республиками Донбасса, что создает правовую неопределенность и потенциальные риски для добросовестных приобретателей такого имущества.

Проблематика заключения внешнеэкономических договоров требует особого внимания. В период существования ДНР и ЛНР как непризнанных государств их внешнеэкономическая деятельность была существенно ограничена из-за отсутствия международного признания и санкций. После вхождения в состав РФ внешнеэкономическая деятельность хозяйствующих субъектов, зарегистрированных на территории новых субъектов, должна осуществляться в соответствии с российским валютным законодательством и законодательством о государственном регулировании внешнеторговой деятельности. Однако на практике возникает множество проблем, связанных с невозможностью осуществления расчетов через банковскую систему из-за санкций западных стран, сложностями с таможенным оформлением товаров, трудностями в получении необходимых разрешений и лицензий. Эти проблемы существенно ограничивают возможности хозяйству-

ющих субъектов новых регионов по заключению внешнеэкономических договоров и требуют выработки специальных правовых механизмов их преодоления.

Особую категорию составляют трудовые договоры и государственные контракты. Возникает вопрос о судьбе трудовых договоров государственных служащих и работников государственных учреждений, заключенных в период существования республик как самопровозглашенных образований. Федеральное законодательство предусматривает преимущественное право на поступление на государственную и муниципальную службу для лиц, замещавших соответствующие должности на день вхождения территории в состав РФ, однако требует соблюдения всех требований, предъявляемых российским законодательством к государственным служащим, включая наличие российского гражданства, отсутствие гражданства иностранных государств, отсутствие запрета на занятие определенных должностей. На практике это приводит к необходимости проверки соответствия всех государственных служащих новым требованиям и в ряде случаев – к прекращению трудовых отношений с лицами, не соответствующими этим требованиям, что создает социальную напряженность.

Вопрос о действительности договоров поручительства и залога, заключенных в период существования республик как непризнанных государств, также требует детального анализа. Согласно общим принципам гражданского права, акцессорное обязательство следует судьбе основного обязательства. Однако в условиях смены юрисдикции и применимого права возникает вопрос о том, сохраняют ли силу обеспечительные обязательства, если основной договор был заключен и должен был исполняться на территории, которая на момент заключения договора не входила в состав РФ, а на момент исполнения или взыскания стала частью российской территории. Данная проблема особенно актуальна для кредитных организаций и иных финансовых институтов, которые предоставляли займы и кредиты под залог имущества или с обеспечением в форме поручительства в период до вхождения территорий в состав РФ. Отсутствие единообразной судебной практики по

данному вопросу создает риски как для кредиторов, так и для должников и третьих лиц, обеспечивших исполнение обязательства.

Нельзя обойти вниманием и проблему применения норм о защите прав потребителей к договорам, заключенным с участием граждан. Законом «О защите прав потребителей» закреплены императивные нормы в целях защиты интересов слабой стороны в договоре [5]. Однако анализ законодательства, существовавшего на территории ДНР и ЛНР как самопровозглашенных образований, отображает некоторые отличия, что породило ряд вопросов и проблем применения российских норм к договорам, заключенным до этого момента. С одной стороны, императивный характер норм о защите прав потребителей предполагает их применение независимо от момента заключения договора, если его исполнение продолжается после вхождения территории в состав РФ. С другой стороны, ретроактивное применение более строгих требований к продавцам и исполнителям может нарушить принцип правовой определенности и стабильности гражданского оборота.

Выводы

Таким образом, проблематика заключения гражданско-правовых договоров в ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областях характеризуется многоаспектностью и комплексностью. Основные проблемы связаны с коллизиями между нормами российского, украинского законодательства и собственным законодательством республик Донбасса; правовой неопределенностью статуса гражданства участников договорных отношений; сложным соотношением федерального и регионального правового регулирования в переходный период; ограничениями, обусловленными режимом военного положения; несформированностью судебной системы и отсутствием устоявшейся судебной практики; проблемами государственной регистрации прав на недвижимость и сделок с ней; неясностью правового режима имущества, национализированного республиками в период их фактической самостоятельности; трудностями в осуществлении внешнеэкономической деятельности.

Все эти проблемы требуют комплексного решения на законодательном уровне путем

принятия специальных федеральных законов, устанавливающих четкие правила применения норм материального и процессуального права к договорам, заключенным до, в момент и после вхождения территорий в состав РФ, а также путем формирования единообразной судебной практики разрешения споров, выте-

кающих из таких договоров. Только системный подход к решению указанных проблем позволит обеспечить стабильность гражданского оборота, защиту прав и законных интересов его участников и успешную интеграцию новых субъектов в экономическое и правовое пространство Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аничкин, Е. С. Системы законодательства Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики от самопровозглашения до принятия в Российскую Федерацию: этапы и основные черты развития / Е. С. Аничкин // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 494. – С. 187–197.
2. Аничкин, Е. С. Федеральное и региональное законодательное регулирование переходного периода интеграции Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в состав Российской Федерации / Е. С. Аничкин // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 503. – С. 235–244.
3. Аничкин, Е. С. Формирование судебных органов в Донецкой и Луганской народных республиках после принятия в состав Российской Федерации / Е. С. Аничкин, Ю. И. Колпакова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (105). – С. 39–49.
4. Груздев, Д. В. Правовые основы принятия в Российскую Федерацию новых субъектов. Ч. 1. Конституционные условия / Д. В. Груздев // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 282–289.
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-I «О защите прав потребителей» // Российская газета. – 1992. – 7 апр.
6. Игнатушко, И. В. Коллизии в законодательстве России и Украины в контексте гражданства жителей новых регионов РФ / И. В. Игнатушко, М. А. Дроздова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 5. – С. 211–214.
7. Поправко, А. А. Основные этапы становления и развития правовой системы Донецкой Народной Республики / А. А. Поправко // Вестник Луганской академии внутренних дел им. Э.А. Дидоренко. – 2022. – № 1 (12). – С. 13–23.
8. Руф, В. С. К вопросу о правовой интеграции новых субъектов в составе Российской Федерации / В. С. Руф // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 1. – С. 60–65.
9. Федеральный конституционный закон от 17.12.2001 № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4916.
10. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 41. – Ст. 6930.
11. Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 41. – Ст. 6931.

REFERENCES

1. Anichkin Ye.S. Sistemy zakonodatelstva Donetskoy Narodnoy Respubliki i Luganskoy Narodnoy Respubliki ot samoprovozglasheniya do prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu: etapy i osnovnye cherty razvitiya [Legislative Systems of the Donetsk People's Republic and the Luhansk People's Republic from Self-Proclamation to Admission to the Russian Federation: Stages and Main Features of Development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2023, no. 494, pp. 187–197.
2. Anichkin Ye.S. Federalnoye i regionalnoye zakonodatelnoye regulirovaniye perekhodnogo perioda integratsii Donetskoy Narodnoy Respubliki i Luganskoy Narodnoy Respubliki v sostav Rossiyskoy Federatsii [Federal and Regional Legislative Regulation of the Transitional Period of the Integration of the Donetsk People's Republic and the Lugansk People's Republic into the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2024, no. 503, pp. 235–244.
3. Anichkin Ye.S., Kolpakova Yu.I. Formirovaniye sudebnykh organov v Donetskoy i Luganskoy narodnykh respublikakh posle prinyatiya v sostav Rossiyskoy Federatsii [Formation of Judicial Bodies in the Donetsk and

Lugansk People's Republics After Admission to the Russian Federation]. *Vestnik Ufimskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, no. 3 (105), pp. 39-49.

4. Gruzdev D.V. Pravovye osnovy prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu novykh subyektov. Ch. 1. Konstitutsionnye usloviya [Legal Basis for the Admission of New Entities to the Russian Federation. Part 1. Constitutional Conditions]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2024, vol. 30, no. 3, pp. 282-289.

5. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300-I «O zashchite prav potrebiteley» [Law of the Russian Federation of February 7, 1992, No. 2300-I "On the Protection of Consumer Rights"]. *Rossiyskaya gazeta*, 1992, Apr. 7.

6. Ignatushko I.V., Drozdova M.A. Kollizii v zakonodatelstve Rossii i Ukrainy v kontekste grazhdanstva zhiteley novykh regionov RF [Conflicts in the Legislation of Russia and Ukraine in the Context of Citizenship of Residents of New Regions of the Russian Federation]. *Agrarnoye i zemelnoye pravo* [Agrarian and Land Law], 2025, no. 5, pp. 211-214.

7. Popravko A.A. Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya pravovoy sistemy Donetskoy Narodnoy Respubliki [The Main Stages of the Formation and Development of the Legal System of the Donetsk People's Republic]. *Vestnik Luganskoy akademii vnutrennikh del im. E.A. Didorenko* [Bulletin of the Luhansk Academy of Internal Affairs Named After E.A. Didorenko], 2022, no. 1 (12), pp. 13-23.

8. Ruf V.S. K voprosu o pravovoy integratsii novykh subyektov v sostave Rossiyskoy Federatsii [On the Issue of Legal Integration of New Entities Within the Russian Federation]. *Uralskiy zhurnal pravovykh issledovaniy* [Ural Journal of Legal Research], 2023, no. 1, pp. 60-65.

9. Federalny konstitutsionny zakon ot 17.12.2001 № 6-FKZ «O poryadke prinyatiya v Rossiyskuyu Federatsiyu i obrazovaniya v yeye sostave novogo subyekta Rossiyskoy Federatsii» [Federal Constitutional Law of 17.12.2001 No. 6-FKZ "On the Procedure for Admission to the Russian Federation and the Formation of a New Subject of the Russian Federation Within It"]. *Sobraniye zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2001, no. 52 (pt. 1), art. 4916.

10. Federalny konstitutsionny zakon ot 04.10.2022 № 5-FKZ «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Donetskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo subyekta – Donetskoy Narodnoy Respubliki» [On the Admission to the Russian Federation of the Donetsk People's Republic and the Formation of a New Subject Within the Russian Federation – The Donetsk People's Republic]. *Sobraniye zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2022, no. 41, art. 6930.

11. Federalny konstitutsionny zakon ot 04.10.2022 № 6-FKZ «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Luganskoy Narodnoy Respubliki i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novogo subyekta – Luganskoy Narodnoy Respubliki» [On the Admission to the Russian Federation of the Luhansk People's Republic and the Formation of a New Subject Within the Russian Federation – The Luhansk People's Republic]. *Sobraniye zakonodatelstva Rossijskoj Federacii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2022, no. 41, art. 6931.

Information About the Authors

Natalya A. Ablyatipova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Crimea, Associate Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Crimean Branch), Pavlenko St, 5, 295006 Simferopol, Russian Federation, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Anastasia A. Derkach, Assistant Attorney, Zaporozhie Regional Bar Association, Prosp. Bogdana Khmel'nitskogo, 37, apt. 1, 272309 Melitopol, Russian Federation, derkach3011@yandex.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5497-8180>

Информация об авторах

Наталья Айдеровна Аблятипова, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Крым, доцент кафедры гражданского права, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, ул. Павленко, 5, 295006 г. Симферополь, Российская Федерация, ve_na2014@mail.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4579-3871>

Анастасия Александровна Деркач, помощник адвоката, Запорожская областная коллегия адвокатов, просп. Богдана Хмельницкого, 37, кв. 1, 272309 г. Мелитополь, Российская Федерация, derkach3011@yandex.ru, mail@crb.rsuj.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5497-8180>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.14>

UDC 347.2/3

LBC 67.404

Submitted: 22.01.2026

Accepted: 27.02.2026

ON THE PRINCIPLE OF INADMISSIBILITY OF ARBITRARY INTERFERENCE IN THE PRIVATE AFFAIRS OF HOLDERS OF LIMITED PROPERTY RIGHTS

Polina A. Fedorova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the principle of inadmissibility of arbitrary interference by anyone in private affairs permeates the entire system of the legal regulation of property rights, including limited property rights, which enjoy independent legal protection. The paper substantiates that the Civil Code of the Russian Federation and other laws guarantee that the holder of limited property rights to an asset is shielded from arbitrary interference by third parties, owners, and public authorities. **Purpose:** to examine the application of the principle of inadmissibility of arbitrary interference by anyone in private affairs concerning limited property rights. The research **methodology** comprises the comparative law, formal-logical, and dialectical methods. **Results:** as a result of the conducted research, the application of the principle of inadmissibility of arbitrary interference by anyone in private affairs is examined in detail with respect to the right of lifelong inheritable possession, the right of permanent (perpetual) use of a land plot, easement, the right of economic management, and the right of operational management. **Conclusions:** the Civil Code of the Russian Federation and other laws guarantee that the holder of limited property rights must be shielded from arbitrary interference by third parties, owners, and even public authorities. The specific mechanisms for implementing this principle concerning limited property rights include the preservation of the right upon a change in the owner of the asset (the right of succession); the requirement for state registration; the possibility of judicial protection against any violator; the limitation of the discretion of the owner of the encumbered asset; and the establishment of an exhaustive list of legal grounds for the termination and restriction of property rights.

Key words: principles, easement, economic management, operational management, Civil Code of the Russian Federation.

Citation. Fedorova P.A. On the Principle of Inadmissibility of Arbitrary Interference in the Private Affairs of Holders of Limited Property Rights. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 111-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.14>

УДК 347.2/3

ББК 67.404

Дата поступления статьи: 22.01.2026

Дата принятия статьи: 27.02.2026

О ПРИНЦИПЕ НЕДОПУСТИМОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЧАСТНЫЕ ДЕЛА СУБЪЕКТОВ ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ

Полина Анатольевна Федорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела пронизывает всю систему правового регулирования вещных прав, включая ограниченные вещные права, пользующиеся самостоятельной правовой защитой. В статье обосновывается, что ГК РФ и иные законы гарантируют, что обладатель ограниченных вещных прав на имущество огражден от произвольного вмешательства третьих лиц, собственников и органов публичной власти. **Цель:** исследовать действие принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в отношении ограниченных вещных прав. **Методологию** исследования составляют сравнительно-правовой, формально-логический и диалектический методы. **В результате** проведенного исследования подробно рассмотрено применение принципа недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела по отношению к праву пожизненного наследуемого владения, праву постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуту, праву хозяйственного ведения и праву оперативного управления. **Выводы:** ГК РФ и иные законы гарантиру-

ют, что обладатель ограниченных вещных прав должен быть огражден от произвольного вмешательства третьих лиц, собственников и даже органов публичной власти. Конкретные механизмы реализации этого принципа в отношении ограниченных вещных прав включают: сохранение права при смене собственника вещи (право следования); требование государственной регистрации; возможность судебной защиты против любого нарушителя; ограничение усмотрения собственника обремененной вещи и установление исчерпывающего перечня законных оснований прекращения и ограничения вещных прав.

Ключевые слова: принципы, сервитут, хозяйственное ведение, оперативное управление, ГК РФ.

Цитирование. Федорова П. А. О принципе недопустимости произвольного вмешательства в частные дела субъектов ограниченных вещных прав // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 111–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.14>

Введение

Принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела закреплён в п. 1 ст. 1 ГК РФ наряду с другими основополагающими началами гражданского права, и отражает частноправовую природу гражданских отношений. Согласно данному принципу никакие посторонние лица – ни государственные органы, ни другие субъекты – не вправе самовольно вмешиваться в осуществление лицом гражданских прав. Актуальность темы состоит в необходимости исследовать действие данного принципа не только применительно к праву частной собственности, но и в отношении *ограниченных вещных прав*. Ограниченные вещные права – это права на чужое имущество, производные от права собственности, которые предоставляют их носителям непосредственное (хотя и ограниченное) господство над вещью. Перечень таких прав закреплён в ст. 216 ГК РФ и включает право пожизненного наследуемого владения (ПНВ) земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуты [5], право хозяйственного ведения и право оперативного управления. В научной литературе высказываются предложения расширить этот перечень [4, с. 16]. Но в чем же заключается специфика действия исследуемого принципа применительно к ограниченным вещным правам? В теории вещных прав подчеркивается два их ключевых свойства: право следования (преемственность права при смене собственника вещи) и абсолютная (вещно-правовая) защита [1, с. 143]. Правообладатель ограниченных вещных прав может предъявлять виндикационный иск (об истребовании имущества из чужого незаконного владения) и негаторный иск (об устра-

нении препятствий в пользовании имуществом) против любого нарушителя, включая собственника имущества.

Эти положения ст. 216 ГК РФ – прямое отражение принципа недопустимости произвольного вмешательства: закон ставит ограниченное вещное право под охрану от *любых* посягательств, не делая исключения и для самого собственника. Следует отметить, что российское земельное законодательство в последние годы существенно изменило режим отдельных ограниченных вещных прав на землю. Так, возможность приобретения впервые права ПНВ исключена (только по наследству), а перечень субъектов права постоянного (бессрочного) пользования сильно ограничен. На наш взгляд, эти ограниченные вещные права воспринимаются законодателем как *правовые пережитки*, круг их субъектов не расширяется, но принцип недопустимости произвольного вмешательства в полной мере распространяется и на них: ЗК РФ прямо гарантирует, что они не исчезнут автоматически, а сохранятся за правообладателями до их прекращения в предусмотренном законом порядке. Рассмотрим применение исследуемого принципа подробнее.

Право пожизненного наследуемого владения земельным участком

Право пожизненного наследуемого владения земельным участком является одним из классических примеров ограниченных вещных прав, исторически введенных еще в советское время (в 1990 г.) для предоставления гражданам земли во владение без передачи в собственность [2, с. 81]. Земельный участок при этом остается в государственной или муниципальной собственности, однако гражданин-зем-

левладелец обладает широкими правомочиями по владению и пользованию участком *бессрочно*, с правом передать участок по наследству. Иных полномочий по распоряжению (продать, подарить, обменять участок) у землевладельца не было и нет. Обладатель права ПНВ сегодня может использовать участок в своих интересах: закон (ст. 266 ГК РФ) позволяет ему самостоятельно хозяйствовать на земле при условии соблюдения целевого назначения участка, в том числе возводить на нем здания и сооружения, признаваемые его собственностью, что сближает статус землевладельца с собственником [6, с. 68].

Гражданам предоставляется возможность переоформить этот титул на право собственности. Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела здесь означает, что землевладелец защищен от любых неправомерных посягательств. Во-первых, собственник земли (муниципалитет, государство) не вправе самовольно распоряжаться этим участком в ущерб интересам обладателя данного права. Переход права собственности на землю к другому субъекту (например, от государства к муниципальному образованию в ходе разграничения государственной собственности на землю) не прекращает права пожизненного наследуемого владения (п. 3 ст. 216 ГК РФ).

Новый публичный собственник обязан уважать это вещное право гражданина. Он не сможет, например, выдвинуть землевладельцу требование освободить участок или ограничить его использование без законных оснований – это было бы произвольным нарушением. Во-вторых, никакие третьи лица не могут чинить препятствия гражданину в пользовании своим земельным участком. Если, например, сосед или иное лицо самовольно заняло часть участка, или препятствует проезду / проходу землевладельца к участку, или иным способом мешает пользоваться землей, землевладелец может обратиться в суд с виндикационным иском (если его участок фактически захвачен) либо с негаторным иском об устранении препятствий (если его владение не нарушено, но пользование затруднено). Суды общей юрисдикции и арбитражные суды рассматривают такие споры, как споры о правах на недвижимое имущество с применением

норм гл. 20 ГК РФ о защите права собственности и иных вещных прав.

В-третьих, принцип запрета произвольного вмешательства проявляется и в том, что объем и порядок осуществления права ПНВ регламентированы законом, что снижает риск злоупотреблений. Например, землевладелец обязан использовать свой участок по целевому назначению и соблюдать требования земельного законодательства (внесение удобрений, уплата налогов и т. п.). Если он грубо нарушает эти требования (не использует землю длительное время или не по назначению), возможно принудительное прекращение права – но только по решению суда и на основании положений земельного законодательства (ст. 45 ЗК РФ). Это не противоречит рассматриваемому принципу, поскольку такая мера прямо предусмотрена законом как санкция за неправомерное поведение правообладателя и реализуется в судебном порядке, с соблюдением его прав на защиту. Тут обеспечивается баланс интересов: закон охраняет добросовестного землевладельца, но препятствует злоупотреблению правом.

Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком

Право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком (ПБП) – еще один вид ограниченных вещных прав, близкий к ПНВ, но предоставлявшийся более широкому кругу субъектов. В советский и ранний постсоветский периоды земельные участки передавались на праве ПБП многим предприятиям, учреждениям, организациям, а также гражданам (например, для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства и т. п.). Такой участок оставался в государственной собственности, но правообладатель владел и пользовался им бессрочно для определенных целей. Граждане не могли отчуждать (сдавать в аренду) такой участок. В настоящее время круг субъектов данного права резко сократился. Земельные участки на таком праве сейчас предоставляются государственным и муниципальным учреждениям, казенным предприятиям и т. д. Граждане и коммерческие организации не могут получать новые участки на праве ПБП. Тем не менее,

как и в случае с пожизненным наследуемым владением, права, приобретенные ранее, продолжают сохраняться.

Законом гарантировано, что у граждан, имевших земельные участки на праве ПБП до вступления в силу ЗК РФ, это право не прекратится автоматически. Они могут их приватизировать (или заключить договор аренды), причем для большинства юридических лиц эти действия являются обязательными. Поскольку для граждан таких обязанностей нет – их права сохраняются до волеизъявления самих граждан. В итоге многие граждане и сегодня сохраняют земельные участки на праве ПБП. Принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела в отношении права ПБП проявляется аналогичным образом, что и для права ПНВ. Во-первых, собственник земли (государство или муниципалитет) не может без законных оснований изъять у правообладателя участок. Во-вторых, ограничение вмешательства проявляется в требованиях к прекращению права ПБП. Закон предусматривает исчерпывающий перечень оснований, по которым это право может быть прекращено принудительно. В-третьих, право ПБП, как и другие вещные права, защищается от правонарушений. Суды признают за землепользователями право на защиту аналогично собственникам. Так, если земельный участок, находящийся у учреждения на праве ПБП, оказался самовольно занят соседним ООО (расширившим границы своего участка), учреждение может подать иск об освобождении самовольно занятой части своего участка. В-четвертых, заслуживает внимания вопрос о балансе частных и публичных интересов. На практике часто возникают ситуации, когда для государственных (муниципальных) нужд требуется участок, предоставленный ранее на праве ПБП (например, для строительства линейного объекта). Принцип недопустимости произвольного вмешательства требует, чтобы права землепользователя были защищены.

ЗК РФ предусматривает специальную процедуру изъятия участков для государственных нужд (гл. VII.1 ЗК РФ), поэтому если у землепользователя изымают участок, ему по решению суда должны либо предоставить

равноценный участок, либо компенсировать убытки, связанные с потерей права ПБП.

Сервитут

Сервитут – один из старейших институтов вещного права, являющийся типичным примером ограниченного вещного права на чужую вещь. В ГК РФ сервитут определяется как право ограниченного пользования чужим недвижимым имуществом (прежде всего земельным участком) для обеспечения определенных нужд владельца другого имущества (ст. 274 ГК РФ). Сервитуты делятся на *частные* (устанавливаемые в интересах конкретных лиц, обычно соседей) и *публичные* (устанавливаемые в интересах неограниченного круга лиц – ст. 23 ЗК РФ). Примеры сервитута – право прохода или проезда по чужому участку, право проложить линии коммуникаций, право водопоя скота на соседнем участке и т. п. Для собственника обремененного участка сервитут означает, что он обязан терпеть ограниченное использование его земли другим лицом, не вправе этому препятствовать, однако сервитут не лишает собственника его правомочий владения, пользования и распоряжения участком в остальном объеме (п. 2 ст. 274 ГК РФ). Принцип недопустимости произвольного вмешательства проявляется в отношении сервитутов прежде всего посредством четких процедур их установления. Закон не позволяет каким-либо лицам самовольно пользоваться чужим участком по причине своих нужд – для установления сервитута необходимо соглашение с собственником либо решение суда. Этот механизм исключает произвольное возникновение сервитута. Отдельно следует сказать о публичных сервитутах. Они устанавливаются в интересах всего общества или определенной группы лиц на основании решения органов власти (например, право общего прохода к водоему, право доступа к объектам культурного наследия, прокладки ЛЭП и т. п.). Согласно ст. 23 ЗК РФ, публичный сервитут устанавливается решением органа исполнительной власти субъекта РФ или органа местного самоуправления при условии, что без него нельзя обеспечить права широкого круга лиц. Правообладатели земельного участка, обремененного сервитутом, не могут требовать от

ненного сервитутом, вправе требовать соразмерную плату от лиц, в интересах которых установлен сервитут (п. 12 ст. 23 ЗК РФ). Это еще одно проявление обсуждаемого принципа: публичные интересы могут требовать ограничения прав отдельного собственника (например, обеспечить всем гражданам проход к озеру через чей-то прибрежный участок), но сделать это следует не произвольно, а только на основе решения органа власти, принятого в случаях, предусмотренных законом. Если же орган власти или должностное лицо фактически допустит публичное использование чужой земли без оформления сервитута, собственник участка вправе требовать прекратить такое вмешательство либо официально оформить сервитут и выплатить компенсацию. Важной гарантией от произвольного вмешательства является также и то, что сервитут следует за вещью: при переходе права собственности на обремененный участок сервитут сохраняется. ГК РФ устанавливает баланс публичных и частных интересов, исключая чье-либо произвольное доминирование, что обеспечивает стабильность и устойчивость гражданского оборота недвижимости.

Право хозяйственного ведения

Право хозяйственного ведения – разновидность ограниченных вещных прав, характерных для российской модели отношений государственной собственности. Объектом права хозяйственного ведения не могут быть земельные участки, хотя они и входят в состав предприятия как имущественного комплекса [3, с. 23]. Его субъектами являются государственные и муниципальные унитарные предприятия, которым собственник (в лице уполномоченных государственных или муниципальных органов) передал определенное имущество для владения, пользования и частично распоряжения (ст. 294 ГК РФ). Предприятие может самостоятельно использовать это имущество в производственной деятельности, однако его полномочия распоряжения недвижимостью ограничены и собственник имущества (государство) осуществляет контроль за ним. Между тем, в силу ст. 18 Федерального за-

кона от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», государственное или муниципальное предприятие распоряжается *движимым* имуществом, принадлежащим ему на праве хозяйственного ведения, самостоятельно, кроме случаев, установленных законом. Это и есть нормативное закрепление исследуемого принципа применительно к данному виду ограниченных вещных прав: публичный собственник не может *произвольно* указывать предприятию, как именно использовать движимое имущество, какие сделки с ним заключать, кого выбирать контрагентом и т. д. Собственник не вправе и самостоятельно распоряжаться имуществом, ранее переданным предприятию на праве хозяйственного ведения. Таким образом, право хозяйственного ведения «отсекает» собственника от непосредственного владения и распоряжения имуществом, превратив его роль в более отстраненную (стратегическое управление, получение части прибыли). Это яркое проявление принципа недопустимости вмешательства: публичный собственник не может произвольно, минуя установленный порядок, вмешаться в имущественную сферу предприятия. Его действия строго регламентированы: он может изменить статус предприятия или дать обязательные указания только в случаях, прямо названных законом.

С точки зрения защиты от третьих лиц обладатель права хозяйственного ведения выступает в обороте почти как собственник. Он может предъявлять виндикационные и негаторные иски к нарушителям, как и правообладатели других ограниченных вещных прав. В случае реорганизации или приватизации унитарного предприятия его право хозяйственного ведения прекращается, а имущество переходит к новому юридическому лицу. Здесь вмешательство собственника (государства) оправдано законной процедурой приватизации, проводимой на основе Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ (в ред. от 07.07.2025) «О приватизации государственного и муниципального имущества»), но право унитарного предприятия на имущество прекращается *не произвольно*, а в установленном порядке.

Право оперативного управления

Право оперативного управления – еще одна разновидность ограниченных вещных прав. Его обладателями являются казенные предприятия, а также учреждения – государственные, муниципальные или частные (п. 2 ст. 123.21 ГК РФ). Право оперативного управления отличается от права хозяйственного ведения более узким объемом правомочий у его субъекта и, напротив, более широкими возможностями у собственника влиять на судьбу имущества. Тем не менее и здесь прослеживается действие принципа недопустимости произвольного вмешательства, хотя проявляется оно иначе: в четком определении границ как для казенного предприятия (учреждения), так и для собственника. Учреждение не может выйти за пределы устава и задания собственника при использовании имущества – это ограничение во избежание злоупотреблений со стороны учреждения. Но и собственник (например, муниципалитет) не может без оснований лишить учреждение необходимого ему имущества: он должен обеспечивать минимально достаточную имущественную базу исходя из задач этого учреждения и не вправе изъять имущество, если это сделает невозможным выполнение учреждением своих функций (в сфере образования, здравоохранения и т. д.). Применительно к казенным предприятиям принцип недопустимости произвольного вмешательства проявляется в меньшей степени. Тем не менее казенное предприятие – юридическое лицо, за которым закрепляется имущество. Без реорганизации (ликвидации) предприятия собственник не может произвольно прекратить право оперативного управления казенного предприятия. Как и другие ограниченные вещные права, право оперативного управления пользуется судебной защитой (ст. 305 ГК РФ). Таким образом, право опе-

ративного управления, хотя и предоставляет более ограниченную автономию по сравнению с правом хозяйственного ведения, все же защищает учреждения и казенные предприятия от произвольного вмешательства любых лиц, включая собственника. Действия собственника по изъятию имущества должны соответствовать закону и целям деятельности казенного предприятия (учреждения).

Действия третьих лиц, нарушающие право оперативного управления, могут быть оспорены в суде. Принцип недопустимости произвольного вмешательства проявляется здесь в том, что публичный собственник несет обязанность обеспечить сохранность и целевое использование имущества учреждением (предприятием), но он не вправе самостоятельно распоряжаться им.

Выводы

Таким образом, принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела пронизывает всю систему правового регулирования вещных прав в России, включая и ограниченные вещные права. Ограниченные вещные права пользуются самостоятельной защитой. ГК РФ и иные законы гарантируют, что обладатель ограниченных вещных прав должен быть огражден от произвольного вмешательства третьих лиц, собственников и даже органов публичной власти. Конкретные механизмы реализации этого принципа в отношении ограниченных вещных прав включают: сохранение права при смене собственника вещи (право следования); требование государственной регистрации; возможность судебной защиты против любого нарушителя; ограничение усмотрения собственника обремененной вещи и установление исчерпывающего перечня законных оснований прекращения и ограничения вещных прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галимова, Р. Р. Проблема определения ограниченных вещных прав / Р. Р. Галимова // Матрица научного познания. – 2021. – № 4-1. – С. 140–144.
2. Земельное право России : учеб. для вузов / А. П. Анисимов, Ю. И. Исакова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин. – М. : Юрайт, 2023. – 338 с.
3. Ким, Д. Ч. Ограниченные вещные права на недвижимое имущество : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ким Дмитрий Чингынович. – М., 2009. – 30 с.

4. Климанова, Д. Д. Ограниченные вещные права на жилое помещение в российском и зарубежном гражданском праве / Д. Д. Климанова // *Lex russica*. – 2021. – Т. 74, № 3. – С. 16–26.
5. Козыревская, Л. А. Договор на эксплуатацию путей необщего пользования в системе договорных обязательств Беларуси и России / Л. А. Козыревская // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 39–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.5>
6. Шереметьева, Н. В. Отказ от ограниченных вещных прав / Н. В. Шереметьева. – М. : НИИ ИЭП, 2022. – 139 с.

REFERENCES

1. Galimova R.R. Problema opredeleniya ogranichennykh veshchnykh prav [The Problem of Defining Limited Property Rights]. *Matritsa nauchnogo poznaniya* [Matrix of Scientific Knowledge], 2021, no. 4-1, pp. 140-144.
2. Anisimov A.P., Isakova Yu.I., Ryzhenkov A.Ya., Charkin S.A. *Zemelnoye pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov* [Land Law of Russia. Textbook for Universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2023. 338 p.
3. Kim D.Ch. *Ogranichennyye veshchnyye prava na nedvizhimoye imushchestvo: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Limited Real Rights to Immovable Property. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2009. 30 p.
4. Klimanova D.D. Ogranichennyye veshchnyye prava na zhiloye pomeshcheniye v rossiyskom i zarubezhnom grazhdanskom prave [Limited Property Rights to Residential Premises in Russian and Foreign Civil Law]. *Lex russica*, 2021, vol. 74, no. 3, pp. 16-26.
5. Kozhyrevskaya L.A. Dogovor na ekspluatatsiyu putey neobshchego polzovaniya v sisteme dogovornykh obyazatelstv Belarusi i Rossii [The Agreement for the Operation of Non-Public Tracks in the System of Contractual Obligations in Belarus and Russia]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 39-47. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.5>
6. Sheremet'yeva N.V. *Otkaz ot ogranichennykh veshchnykh prav* [Renunciation of Limited Property Rights]. Moscow, NII IEP, 2022. 139 p.

Information About the Author

Polina A. Fedorova, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, polinafedorova999@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1186-1162>

Информация об авторе

Полина Анатольевна Федорова, аспирант кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, polinafedorova999@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1186-1162>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.15>

UDC 343.141
LBC 67.410.2

Submitted: 12.01.2026
Accepted: 27.02.2026

PROTOCOLS-AS-EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: NORMATIVE-ONOMASTIC ANOMALIES

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper presents the results of the latest stage of the author's research related to the essence and purpose of the results of procedural-cognitive techniques subject to documentation. These techniques involve the visual-figurative perception of fragments of objective reality – so-called non-verbal investigative and judicial actions. The paper examines normative-onomastic anomalies of protocols-as-evidence, i.e., known peculiarities in legislative approaches to their naming. The **purpose** of the paper is to propose scientific hypotheses regarding the reasons that predetermined the normative-onomastic anomalies of protocols-as-evidence. **Methods:** the preparation of the paper employed the general scientific research methods: the dialectical method of cognition, the method of systems analysis, the formal-logical methods, etc., as well as the special methods: the formal-legal method, the historical-legal method, etc. **Results:** the conducted research has allowed for the assumption that the observed normative-onomastic anomalies of protocols-as-evidence arose due to the lack of a proper theoretical foundation for protocols of investigative actions and court sessions. **Conclusions:** 1) a terminological inconsistency in the naming of these information assets should be unconditionally eliminated by making appropriate amendments to the criminal procedure legislation; 2) changing the very name of protocols-as-evidence is unnecessary, at least premature. The most reasonable measures appear to be those aimed at ensuring a gradual habituation to the new name of such means of proof by clarifying these issues in doctrinal sources.

Key words: evidence, court record, protocols of investigative actions, results of non-verbal investigative actions, results of non-verbal judicial actions, means of proof, formation of evidence.

Citation. Rossinskiy S.B. Protocols-as-Evidence in Criminal Proceedings: Normative-Onomastic Anomalies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 118-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.15>

УДК 343.141
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 12.01.2026
Дата принятия статьи: 27.02.2026

ПРОТОКОЛЫ-ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НОРМАТИВНО-НЕЙМИНГОВЫЕ АНОМАЛИИ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье излагаются результаты очередного этапа научных изысканий автора, связанных с сущностью и предназначением подлежащих протоколированию результатов процессуально-когнитивных

приемов, предполагающих наглядно-образное восприятие фрагментов объективной реальности – так называемых невербальных следственных и судебных действий. Рассматриваются нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств, то есть известные странности в законодательных подходах к их наименованию. **Цель** статьи сводится к выдвижению научных гипотез о причинах, предопределивших нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств. **Методы:** в ходе подготовки статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические и др., а также специальные методы: формально-юридический, историко-правовой и др. **Результаты** проведенного исследования позволили предположить, что наблюдаемые нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств возникли вследствие отсутствия надлежащей теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания. **Выводы:** 1) шероховатость, состоящая в различных наименованиях данных информационных активов, подлежит безусловному устранению посредством внесения соответствующих коррективов в уголовно-процессуальное законодательство; 2) изменение самого названия протоколов-доказательств является излишним, по крайней мере преждевременным. А наиболее разумными представляются меры, состоящие в обеспечении постепенного привыкания к новому наименованию таких средств доказывания посредством разъяснения данных вопросов в доктринальных источниках.

Ключевые слова: доказательства, протокол судебного заседания, протоколы следственных действий, результаты невербальных следственных действий, результаты невербальных судебных действий, средства доказывания, формирование доказательств.

Цитирование. Россинский С. Б. Протоколы-доказательства в уголовном процессе: нормативно-нейминговые аномалии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 118–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.15>

Введение

На общем фоне множества актуальных вопросов, присущих теории и нормативно-правовому регулированию уголовно-процессуальной деятельности, дознавательской, следственной, прокурорской, адвокатской и судебной практике, важнейшее место принадлежит различным проблемам доказывания в целом, сущности, познавательной ценности и аргументационного потенциала отдельных видов доказательств в частности. Поэтому не удивительно, что именно они некогда и предопределили основное направление научных исследований автора настоящей статьи. А особый интерес с легкой руки профессора Ю.К. Орлова вызвали проблемы, связанные с использованием в уголовно-процессуальном доказывании протоколов следственных действий и судебного заседания – протоколов-доказательств.

Итоги соответствующих изысканий последовательно излагались в различных научных публикациях, а их квинтэссенция была представлена на строгий суд читателей в успешно защищенной в начале 2016 г. докторской диссертации. Прежде всего, был сделан вывод о необходимости признания подобных протоколов не столько стоящими в одном ряду с показаниями, экспертными заключениями

и т. д. доказательствами (средствами доказывания), сколько документальными «приспособлениями» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия новыми субъектами познания. Тогда как доказательствами (средствами доказывания), то есть накапливаемыми в ходе процессуальной деятельности органов предварительного расследования и суда, а затем подлежащими использованию для обоснования правоприменительных решений и позиций сторон информационными активами, было предложено считать не протоколы, а сами результаты подлежащих протоколированию процессуально-когнитивных приемов, предполагающих наглядно-образную перцепцию фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, – так называемых невербальных следственных и судебных действий. Поэтому в публикациях автора настоящей статьи все подобные средства доказывания, вопреки официальной позиции законодателя, стали именоваться не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий [6, с. 44–45; 7, с. 91 и др.].

Вместе с тем у автора никогда не возникало намерений останавливаться на достигнутом. Напротив, за прошедшие годы интерес к проблематике результатов невербаль-

ных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) лишь усилился. Автор постоянно размышлял над данными вопросами, периодически уделял им внимание в монографиях, статьях, прочих научных работах, участвовал в их обсуждении на конференциях, круглых столах и т. п. мероприятиях. Постепенно ранее высказанные позиции были дополнены, «отполированы», усилены новыми доводами, а некоторые даже подверглись частичному переосмыслению. В частности, появилось достаточно четкое осознание причин, предопределивших нормативно-нейминговые аномалии протоколов-доказательств, то есть известные странности в законодательных подходах к их наименованию. Рассмотрению этих вопросов и посвящена настоящая статья.

Суть нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств

Итак, в соответствии с находящимися в системном единстве п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, Кодекс), протоколы-доказательства признаются одной из допустимых к использованию в уголовном судопроизводстве разновидностей средств доказывания. Однако говорить об их должном нормативном нейминге явно не приходится! Напротив, исходя из содержания указанных положений, в них усматриваются по крайней мере две достаточно заметные нейминговые аномалии.

Во-первых, невозможно оставить без внимания не выдерживающие никакой критики различия в наименованиях подобных протоколов. В «титულной», то есть специально предназначенной для раскрытия сущности этих средств доказывания, ст. 83 УПК РФ они называются «протоколами следственных действий и судебного заседания» либо дифференцированно «протоколами следственных действий и протоколами судебных заседаний». Тогда как в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ используется несколько иное нейминговое словосочетание: «протоколы следственных и судебных действий». Хотя любому специалисту хорошо известно, что никаких протоколов судебных действий не бывает, поскольку содержание и

результаты производимых судом процессуально-когнитивных приемов согласно ст. 259 УПК РФ подлежат отражению в единых протоколах судебных заседаний. А в статье 285 УПК РФ говорится лишь о подлежащих оглашению в ходе судебных разбирательств протоколах следственных действий – о протоколах судебных заседаний, также вполне предрасположенных к подобным оглашениям (например, в суде апелляционной инстанции и т. п.), почему-то вообще не упоминается.

Правда, данную нормативно-нейминговую аномалию вряд ли стоит рассматривать как предмет серьезных научных изысканий. Скорее всего, она возникла вследствие отсутствия надлежащей теоретической основы протоколов-доказательств, а также достаточно пренебрежительного отношения авторов проекта Кодекса к своей работе. Но тем не менее оставить указанную законодательную шероховатость без должного внимания все же нельзя!

И, во-вторых, невозможно не заметить еще одной неоднократно упомянутой в прежних публикациях автора нормативно-нейминговой аномалии, возникшей в период формирования раннесоветского уголовно-процессуального права, а затем как бы по инерции перекочевавшей в последующие законодательные акты, в том числе в действующий Кодекс. Эту аномалию надлежит усматривать в наречении таких доказательств протоколами следственных действий и судебного заседания (именно протоколами!) – в их ошибочном позиционировании как процессуальных документов, то есть в нарушении единообразных подходов к пониманию различных средств доказывания. Ведь вполне очевидно, что в отличие, например, от показаний и экспертных заключений протоколы являются не столько самими предполагаемыми к использованию для нужд уголовной юстиции информационными активами (определенными конфигурациями полезных сведений), сколько документальными «приспособлениями», как бы подходящими «бюрократическими контейнерами» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия субъектами процессуального познания, не принимавшими непосредственного участия в соответствующих следственных и судебных действиях.

А причины возникновения такой нормативно-нейминговой аномалии в сравнении с предыдущей видятся гораздо более сложными и неоднозначными. Однако, по всей вероятности, их тоже следует связывать с несформированностью надлежащей теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания, отсутствием системы соответствующих научных положений, признаваемых большинством, по крайней мере, какой-то частью ученых-процессуалистов. Конечно, автору настоящей статьи в свое время удалось сделать определенные шаги в указанном направлении и даже посчастливилось добиться некоторых, как представляется, позитивных результатов. Однако по прошествии столь незначительного срока – примерно десяти лет – говорить об их признании коллегами в качестве теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания еще преждевременно. К тому же период творческой активности автора наступил уже после принятия УПК РФ, в связи с чем высказанные идеи и предложения могут оказаться полезными лишь для дальнейших правотворческих инициатив.

Несформированность теоретической основы протоколов-доказательств

Протоколы-доказательства почему-то не заслужили столь пристального внимания научного сообщества, какое традиционно уделялось другим средствам доказывания. Говоря о таких информационных активах, ученые-процессуалисты обычно довольствовались попытками толкования положений закона. Например, суждения дореволюционных авторов, как правило, ограничивались разъяснениями соответствующих требований Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [5, с. 201; 10, с. 292–293 и др.] Хотя в некоторых публикациях все же можно усмотреть фрагментарные, к слову, совершенно верные идеи, направленные на должное уразумение сущности протоколов-доказательств [11, с. 308–312]. А самой точной оказалась лаконичная реплика М.В. Духовского – смысл подобных протоколов был связан с невозможностью сохранения имеющих значе-

ние для уголовного дела предметов в натуральном виде [2, с. 248].

Свойственные 1920–1950-м гг. взгляды на протоколы-доказательства тоже преимущественно сводились к толкованиям соответствующих положений раннесоветского уголовно-процессуального права. Правда, авторам, в отличие от дореволюционных предшественников, все-таки приходилось уделять определенное внимание вопросам разграничения подобных протоколов, в первую очередь протоколов осмотров, с другими письменными документами – такая потребность вытекала из смысла ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.) и соответствующих статей других союзно-республиканских кодексов [8, с. 101]. Тогда как в остальном никакого особого интереса к проблематике протоколов-доказательств по-прежнему не существовало – советских ученых гораздо сильнее привлекали различные виды показаний, экспертные заключения и вещественные доказательства. Однако и среди них находились желающие сказать о протоколах нечто большее [12, с. 327].

Некоторое усиление интереса к проблематике протоколов-доказательств появилось лишь в 1960–1980-х гг. ввиду известной реформы уголовно-процессуального законодательства. Так, в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., ч. 2 ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.) и соответствующих статьях прочих союзно-республиканских кодексов подобные информационные активы были впервые официально признаны автономными средствами доказывания (источниками доказательств) – четко разграничены с иными документами. Попутно были приняты первые попытки легализации дефиниций протоколов-доказательств – одна из них стала предусматриваться в ст. 87 УПК РСФСР 1960 года. В этой связи ученые-процессуалисты начали проявлять несколько большую активность в данном направлении. И в первую очередь были высказаны здравые мысли о фиксации в протоколах результатов непосредственного наблюдения (восприятия) сотрудниками органов предварительного расследования либо участниками судебных заседаний

фрагментов объективной реальности: обстановки определенных мест, следов преступлений, явлений, поведения определенных лиц и т. д. [1, с. 43; 9, с. 301–303] Но такие суждения являлись весьма фрагментарными, недостаточными для создания полноценной теоретической основы протоколов как средств уголовно-процессуального доказывания. К тому же, исходя из общего контекста соответствующих публикаций, они (суждения) предполагали высокую степень интуитивности, по крайней мере не были подкреплены результатами более обстоятельных изысканий.

Конечно, в позднесоветский период существовали достаточно благоприятные условия для продолжения научных исследований в указанной сфере. Имелись и все предпосылки для формирования надлежащей совокупности теоретических положений о протоколах-доказательствах. Ведь в стране наблюдался беспрецедентный подъем уголовно-процессуальной науки, разрастались и множились научные школы и центры, в расцвете творческих сил находились выдающиеся ученые-процессуалисты и т. д.

Однако эти шансы были упущены – в последние годы XX столетия ввиду известных причин для теории уголовно-процессуального доказывания наступили далеко не лучшие времена: количество реализуемых научных «проектов» сократилось, а их качество заметно снизилось. Кроме того, на фоне резкого изменения политического климата возникли совершенно иные и, увы, во многом чуждые национальным традициям приоритетные направления научной работы в области уголовного судопроизводства. В предмет проводившихся исследований все чаще стали попадать различные аспекты состязательности, обеспечения прав личности, презумпции невиновности, суда присяжных и т. п. Тогда как интерес к проблематике доказывания начал постепенно утрачиваться, разве что за исключением конъюнктурной увлеченности ряда авторов вопросами допустимости доказательств. В этой связи начатые было ранее изыскания в части протоколов следственных действий и судебного заседания фактически прекратились. Взамен ученые-процессуалисты за редкими исключениями [3, с. 216–217; 4, с. 161–162 и др.] стали по-прежнему огра-

ничиваться незамысловатыми разъяснениями соответствующих положений закона. А в последние годы такие разъяснения ожидаемо дополнились вполне заслуженной критикой ст. 83 УПК РФ и призывами к реставрации содержащейся в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. советской нормативной дефиниции протоколов-доказательств, предполагающей перечисление обуславливающих их формирование процессуальных действий.

Версии возникновения нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств

В любом случае причины, некогда приведшие к появлению нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств, остаются и, скорее всего, останутся доподлинно неизвестными – никаких внятных «следов» таких правотворческих решений до настоящего времени обнаружить не удалось и, видимо, никогда не удастся. Поэтому в данном случае можно довольствоваться лишь соответствующими гипотезами. Наиболее состоятельными из них, как уже отмечалось выше, представляются версии, в той или иной степени связанные с отсутствием должной теоретической основы протоколов следственных действий и судебного заседания как средств уголовно-процессуального доказывания.

Так, нормативно-нейминговая аномалия, выраженная в наречении подобных информационных активов протоколами, то есть в их ошибочном позиционировании в качестве процессуальных документов, по всей вероятности, возникла вследствие перманентного оставления без должного внимания прежнего, в первую очередь бытовавшего в дореволюционный период отношения к уголовно-процессуальному доказыванию как к исключительному атрибуту судебной деятельности, не свойственному работе иных должностных лиц. Ведь ранее доказательства прямо назывались судебными – по сути, подразумевалось, что любые подлежащие использованию для нужд уголовной юстиции познавательные активы могли рассматриваться и оцениваться в качестве полноценных средств доказывания лишь представителями судебной власти. Тогда как осмотры, освидетельствования, обыски, прочие невербаль-

но-когнитивные приемы зачастую проводились полицией (иными внесудебными органами). Поэтому в бытовавших ранее представлениях о результатах невербально-когнитивных приемов именно как о протоколах в целом не было ничего странного – суды действительно всегда получали и продолжают получать подлежащие исследованию и использованию в судебных заседаниях (!) сведения об обнаруженных и воспринятых полицейскими либо иными внесудебными чиновниками материальных фрагментах объективной реальности, элементах вещной обстановки посредством ознакомления с содержанием составляемых ими (чиновниками) протоколов.

Правда, при формировании соответствующих положений законодательства почему-то никогда не учитывались собственные полномочия представителей судебной власти (вначале «царских» судебных следователей, а затем и раннесоветских народных следователей) по проведению невербально-когнитивных приемов. А позднее отчего-то не были приняты во внимание советские процессуальные новшества, состоящие в праве формирования полноценных доказательств органами предварительного расследования во внесудебном порядке. Да и возможности проведения аналогичных по содержанию процессуальных действий, главным образом осмотров, прямо в ходе судебных заседаний, видимо, тоже никогда не наводили «коллективного законодателя» на раздумья о возникающей в этой связи нормативно-нейминговой аномалии. Вместе с тем представляется, что причины подобных законодательных упущений также во многом следует связывать с ненадлежащей теоретической проработанностью соответствующих вопросов. Не исключено, что в противном случае их удалось бы избежать.

Более того, вполне возможно, что в случае существования должной теоретической основы протоколов-доказательств удалось бы не допустить и другой нормативно-нейминговой аномалии – различий в наименованиях подобных формационных активов. Ведь ее возникновение, скорее всего, связано с банальным недопониманием авторами проекта Кодекса сущности и предназначения данных средств доказывания в совокупности с халатным и непрофессиональным отношением к

реализации порученной правотворческой миссии. По всей видимости, ответственные за разработку указанных положений «специалисты», стремясь, с одной стороны, к сохранению преемственности по отношению к положениям ст. 87 УПК РСФСР 1960 г., а с другой – к одновременному расширению арсенала потенциально допустимых средств доказывания за счет открытия ранее закрытого перечня протоколов-доказательств и конкретизации подлежащих оглашению в судебных заседаниях документов, окончательно запутались в собственных намерениях. Причем запутались настолько сильно, что даже оказались не в состоянии усмотреть в результатах своей работы явных, заметных каждому правотворческих ляпов.

Выводы

На основании всего изложенного закономерно возникают вопросы о потребности в устранении наблюдаемых в настоящее время нормативно-нейминговых аномалий протоколов-доказательств посредством внесения соответствующих корректировок в положения уголовно-процессуального законодательства. Причем ответы на эти вопросы представляются далеко не такими однозначными, какими могут показаться на первый взгляд. Так, шероховатость, состоящая в различных наименованиях данных информационных активов в разных положениях Кодекса, подлежит безусловному устранению – п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 285 УПК РФ должны быть безусловно приведены в нормативно-нейминговое соответствие с «титульной» ст. 83 УПК РФ.

Тогда как внесение предложений правотворческого характера, направленных на изменение наименования ст. 83 УПК РФ, видится излишним, по крайней мере преждевременным. Существующее название – протоколы следственных действий и судебного заседания – является настолько устоявшимся, настолько укоренившимся в сознании специалистов, что подобные корректировки без заранее подготовленной «почвы» могут привести лишь к новым проблемам и сложностям. В этой связи наиболее разумными представляются меры, состоящие в обеспечении постепенного привыкания юристов к новому

наименованию предусмотренных ст. 83 УПК РФ доказательств посредством разъяснения данных вопросов в научно-практических комментариях к Кодексу, учебной литературе и других доктринальных источниках. И прежде всего, необходимо обращать внимание, что формируемые посредством осмотров, освидетельствований, обысков, экс-

периментов и других предполагающих наглядно-образную перцепцию объективной реальности процессуально-когнитивных приемов средства доказывания надлежит именовать не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галкин, В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. В 3 ч. Ч. 2 / В. М. Галкин. – М. : Центр. науч.-исслед. ин-т судеб. экспертиз, 1968. – 96 с.
2. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовской. – М. : Склад издания в кн. складе М.В. Клюкина, 1910. – 448 с.
3. Кокорев, Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 268 с.
4. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. – М. : Юристъ, 2009. – 174 с.
5. Познышев, С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса / С. В. Познышев. – М. : Я. Данкин и Я. Хомутов, 1913. – 328 с.
6. Россинский, С. Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения / С. Б. Россинский // Lex Russica. – 2017. – № 10 (131). – С. 37–46. – DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046
7. Россинский, С. Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу / С. Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9. – С. 85–91.
8. Строгович, М. С. Уголовный процесс : крат. учеб. / М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 248 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н. В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 415 с.
10. Фельдштейн, Г. С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г. С. Фельдштейн. – М. : В. Рихтер, 1915. – 432 с.
11. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Сенатор. тип., 1910. – 572 с.
12. Чельцов, М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 624 с.

REFERENCES

1. Galkin V.M. *Sredstva dokazyvaniya v уголовном процессе. V 3 ch. Ch. 2* [Means of Evidence in Criminal Proceedings. In 3 Pts. Pt. 2]. Moscow, Tsentral. nauch.-issled. in-t sudeb. ekspertiz, 1968. 96 p.
2. Dukhovskoy M.V. *Russkij ugolovnyy process* [Russian Criminal Procedure]. Moscow, Sklad izdaniya v kn. sklade M.V. Klyukina, 1910. 448 p.
3. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Ugolovnyy process: dokazatelstva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Evidence and Proof]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta, 1995. 268 p.
4. Orlov Yu.K. *Problemy teorii dokazatelstv v уголовном процессе* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Procedure]. Moscow, Yurist Publ., 2009. 174 p.
5. Poznyshchev S.V. *Elementarny uchebnik russkogo ugolovnogo processa* [Elementary Textbook of Russian Criminal Procedure]. Moscow, Ya. Dankin and Ya. Khomutov, 1913. 328 p.
6. Rossinskiy S.B. *Protokoly sledstvennykh deystvij: problemy processualnoy formy i dokazatelstvennogo znacheniya* [Protocols of Investigative Actions: Problems of Procedural Form and Evidentiary Value]. *Lex Russica*, 2017, no. 10 (131), pp. 37-46. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.036-046
7. Rossinskiy S.B. *Sushhnost rezultatov neverbalnykh sledstvennykh i sudebnykh deystvij kak dokazatelstv po уголовному делу* [The Essence of the Results of Non-verbal Investigative and Judicial Actions as Evidence in

a Criminal Case]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2013, no. 9, pp. 85-91.

8. Strogovich M.S. *Ugolovny process: krat. ucheb.* [Criminal Procedure. Brief Textbook]. Moscow, Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1938. 248 p.

9. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom processe. Chast osobennaya* [Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure. Special Part]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1967. 415 p.

10. Feldshteyn G.S. *Lekcii po ugolovnomu sudoproizvodstvu* [Lectures on Criminal Procedure]. Moscow, V. Richter, 1915. 432 p.

11. Foinitsky I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. T. 2* [Course in Criminal Procedure. Vol. 2]. Saint Petersburg, Senator. tip., 1910. 572 p.

12. Cheltsov M.A. *Ugolovny process* [Criminal Procedure]. Moscow, Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1948. 624 p.

Information About the Author

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.16>UDC 343.13
LBC 67.410.2Submitted: 29.07.2025
Accepted: 27.02.2026

FORMS OF CRIMINAL PROCEDURE ACTS

Anna V. Milikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the consideration of issues concerning the forms of criminal procedure acts. The author notes the importance of examining both the procedural form in criminal proceedings and its elements – the forms of criminal procedure acts. Thus, the forms of criminal procedure acts are an integral part of the general procedural form of criminal proceedings. It is the procedural form that is a distinctive feature of criminal justice. Based on the conducted research, two main forms inherent in criminal procedure acts are identified. The **purpose** of the study is to examine and identify the forms of criminal procedure acts and their characteristics. **Methods:** the paper employed the dialectical method, as well as the methods of generalization, comparison, analysis and description, induction, and deduction. **Results:** the conducted research substantiates the importance of examining issues related to the criminal procedure form. As a result of the study, two main forms of criminal procedure acts are identified: external (written, documentary) and internal (substantive). **Conclusions:** the issues discussed in the paper require further in-depth reflection to form a holistic understanding of criminal procedure acts and to enhance the effectiveness of criminal procedure activities.

Key words: criminal procedure act, procedural document, criminal procedure form, criminal proceedings, documentation, forms, templates.

Citation. Milikova A. V. Forms of Criminal Procedure Acts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 126-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.16>

УДК 343.13
ББК 67.410.2Дата поступления статьи: 29.07.2025
Дата принятия статьи: 27.02.2026

ФОРМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ

Анна Владимировна Миликова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: настоящая статья посвящена рассмотрению вопросов о формах уголовно-процессуальных актов. Автором отмечается важность исследования вопросов как о процессуальной форме в уголовном процессе, так и о ее элементах – формах уголовно-процессуальных актов. Таким образом, формы уголовно-процессуальных актов выступают составной частью общей процессуальной формы уголовного процесса. Именно процессуальная форма является особенностью уголовного судопроизводства. На основе проведенного исследования выделены две основные формы, присущие уголовно-процессуальным актам. **Целью исследования** стало рассмотрение и выявление форм уголовно-процессуальных актов и их характеристика. **Методы:** в статье применялись диалектический метод, методы обобщения, сравнения, анализа и описания, индукции и дедукции. **Результаты:** в проведенном исследовании обоснована значимость рассмотрения вопросов об уголовно-процессуальной форме. Выделены две основные формы уголовно-процессуальных актов: внешняя (письменная, документальная) и внутренняя (содержательная). **Выводы:** рассмотренные в статье вопросы нуждаются в дальнейшем глубоком осмыслении для формирования целостного представления об уголовно-процессуальных актах и повышении эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, процессуальный документ, уголовно-процессуальная форма, уголовный процесс, документирование, бланки, шаблоны.

Цитирование. Миликова А. В. Формы уголовно-процессуальных актов // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 126–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.16>

Введение

Вопрос о процессуальной форме в уголовном процессе всегда являлся и остается очень актуальным. Пожалуй, именно строгая, жесткая процессуальная форма считается отличительной чертой уголовного судопроизводства. Насколько она оправданна и какие проблемы возникают при ее соблюдении, в частности при издании уголовно-процессуальных актов, рассмотрим в данной статье.

С.Б. Россинский справедливо отмечает тенденцию отечественного уголовно-процессуального законодательства, ориентированную на формализацию уголовного судопроизводства, содержащего в большом количестве правовые запреты и предписания, усложняющие работу суда, других участников уголовного судопроизводства, а также следователя и дознавателя [14, с. 120]. Это означает, что назрела потребность в пересмотре существующего положения и во внесении изменений.

Стоит обратить внимание, что проблематика, касающаяся форм уголовно-процессуальных актов, тесно переплетается с вопросами об уголовно-процессуальной форме. Данный тезис подтверждается тем, что, как подчеркивается в научной и учебной литературе по уголовному процессу, процессуальная форма играет ключевую роль в обеспечении выполнения норм уголовного законодательства и гарантирует соблюдение всех требований уголовно-процессуального закона участниками уголовного процесса путем документирования [15, с. 33–34]. Соответственно, форма уголовно-процессуальных актов напрямую зависит от уголовно-процессуальной формы и является ее составной частью.

Основная часть исследования

Что же следует понимать под уголовно-процессуальной формой? В науке уголовного процесса единого мнения пока не сложилось. Например, С.Б. Россинский полагает, что она представляет собой законодательно закрепленный порядок производства по уголовным делам, обусловленный юридическими гарантиями эффективности и доброкачественности [13, с. 75]. Д.Р. Гимазетдинов выделяет в уголовно-процессуальной форме не только порядок

осуществления деятельности, но и оформление ее результатов с помощью уголовно-процессуальных актов-документов [2, с. 8].

На основании вышесказанного уголовно-процессуальные акты являются составной частью уголовно-процессуальной формы. С данной позицией согласны Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров, Н.О. Овчинникова; авторы полагают, что уголовно-процессуальные акты являются составной частью уголовно-процессуальной формы, поскольку УПК РФ предписывает обязательное закрепление всех процессуальных действий и решений, ведь без этого нет ни уголовного процесса, ни уголовных дел [9, с. 9]. П.А. Лупинская отмечала, что форма документа, содержащего решение, является существенной частью формы (процедуры) уголовного судопроизводства [8, с. 152]. Процессуальные документы представляют собой неотъемлемую часть процессуальной формы и выступают в роли одной из предпосылок, необходимых для возникновения правоотношений [5, с. 6].

В науке выделяются различные виды уголовно-процессуальной формы. Обычно к их числу относятся процессуальная и документальная формы. И.М. Алексеев полагает, что уголовно-процессуальная форма имеет как внутреннее содержание, так и внешнее выражение [1, с. 87].

Применительно к формам уголовно-процессуальных актов и процессуальных документов авторы выделяют подобные формы. Например, Н.Д. Муратова отметила внутреннюю и внешнюю формы процессуальных документов, отмечая, что внешняя форма отвечает за словесное и документальное представление процессуального акта, а внутренняя включает логически выстроенную, взаимосвязанную структуру [11, с. 87]. А.В. Землянухин определил дополнительную юридическую форму, включающую нормативные требования, предъявляемые к документу [6, с. 33–34].

Таким образом, уголовно-процессуальные акты имеют две основные формы: внешнюю (документальную), предполагающую преимущественно письменную фиксацию уголовно-процессуальных действий и решений за небольшим исключением, и внутреннюю (содержательную).

Внешняя письменная форма уголовно-процессуальных актов продиктована специфическим характером уголовного судопроизводства. Учитывая особенности уголовно-процессуальных правоотношений и возможность применения мер процессуального принуждения, необходимо ее неукоснительное соблюдение. Письменная форма уголовно-процессуальных актов обеспечивает соблюдение принципов законности, обоснованности и мотивированности. Кроме того, она предоставляет заинтересованным лицам возможность ознакомиться с содержанием акта и получить его копию, что способствует реализации их права на обжалование процессуальных действий и решений, установленного ст. 19 УПК РФ.

Ввиду активных обсуждений цифровизации различных сфер деятельности, в частности уголовно-процессуальной, стоит отметить, что этот процесс является необходимым для дальнейшего развития и решения накопившихся проблем. Новые технологии облегчают труд сотрудников правоохранительной системы и судебных органов [4, с. 123]. Введение электронного документооборота, подготовка уголовно-процессуальных актов с помощью систем поддержки принятия решений значительно сократят сроки на их подготовку.

В настоящее время А.Г. Маркелов подчеркивает, что значительная доля времени в работе органов предварительного следствия уходит на подготовку различных документов. Автор отмечает, что ни замечательная юридическая проницательность, ни превосходные ораторские навыки не способны так же полно отразить качество их работы, как составленные ими процессуальные акты, содержащиеся в материалах уголовного дела [10, с. 470].

Рассмотрим не менее значимую в контексте рассматриваемых нами вопросов так называемую внутреннюю форму уголовно-процессуальных актов, представляющую собой их структуру, состоящую из трех составных неразрывно связанных частей: вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной.

В вводной части уголовно-процессуального акта содержатся формальные сведения и реквизиты, характерные для любого официального документа (дата, время, место его составления, наименование, информация о

составителе, номер уголовного дела и иные данные). В связи с этим следует отметить, что законодатель зачастую достаточно подробно регламентирует содержание вводных частей различных уголовно-процессуальных актов. Например, вводной части приговора посвящена отдельная ст. 304 УПК РФ. Мнения ученых по данной позиции разнятся. В частности, П.А. Лупинская поддерживала необходимость детального закрепления требований к документам [7, с. 487]. С.Б. Россинский, напротив, считает, что в настоящее время многие нормы УПК РФ лишены правовой ценности и имеют исключительно технический или технологический характер, по сути, регламентируя правила уголовно-процессуального делопроизводства [12, с. 365].

Тем не менее, по нашему мнению, имеющиеся в УПК РФ требования следует сохранить, для того чтобы избежать в дальнейшем отступлений от единообразной формы уголовно-процессуальных актов. Видится верным, что, например, в судебной системе возможно регулировать данный вопрос ввиду функционирования единой судебной системы, чего, например, сложнее добиться в рамках предварительного расследования, реализуемого разными правоохранительными органами. Возможно, введение единой электронной базы, дающей доступ к возможности осуществления единообразного составления уголовно-процессуальных актов, решит данную проблему, и тогда закрепление данных требований в законе станет излишним.

В описательно-мотивировочной части уголовно-процессуального акта содержатся конкретные обстоятельства дела, которые требуют применения соответствующих норм материального или процессуального права. Иными словами, этот раздел включает в себя описание юридически значимого факта, который служит основанием для принятия определенного процессуального решения. Данная часть позволяет соблюсти предъявляемые к уголовно-процессуальным актам требования обоснованности и мотивированности. Особенностью является индивидуальный характер данного раздела.

Как справедливо подчеркивает Н.В. Григорьева, составление уголовно-процессуальных актов требует высокого уровня юриди-

ческой грамотности и безупречного исполнения. Любой вывод или суждение в данных актах должны быть логически обоснованными, соответствовать нормам законодательства и опираться на современный уровень правовых знаний [3, с. 105].

Резолютивная часть уголовно-процессуального акта играет ключевую роль, поскольку содержит процессуальное решение. В резолютивной части наиболее явно проявляется распорядительный характер уголовно-процессуальных актов, которые выступают в роли специфических инструментов реализации механизма государственного управления в области уголовного судопроизводства.

Учитывая единые требования к составлению уголовно-процессуальных актов, закономерным является вопрос об использовании соответствующих бланков или шаблонов: «Насколько полезно и эффективно их применение?» Стоит отметить, что бланки предполагают частично заполненные документы, имеющие пустые графы, которые необходимо заполнить, тогда как шаблоны, по сути, являются образцами документов. Когда в 2001 г. законодатель закрепил в УПК РФ бланки наиболее важных процессуальных документов, в науке началась активная дискуссия сторонников и противников подобного нововведения, что привело к их исключению в 2007 году. И все же

как бланки, так и образцы уголовно-процессуальных актов активно используются в правоприменительной практике. Стоит отметить важную роль издания различных учебных и учебно-методических пособий, содержащих как бланки, так и образцы уголовно-процессуальных актов и документов. К тому же использование новых информационных технологий может в значительной степени облегчить данную деятельность.

Выводы

В заключение отметим актуальность рассмотрения вопросов, касающихся уголовно-процессуальных актов. Процессуальная форма в уголовном процессе является его отличительной особенностью и включает в себя формы уголовно-процессуальных актов. Как представляется, следует выделять две основные формы: внешнюю (письменную, документальную) и внутреннюю (содержательную). Поскольку составление различных уголовно-процессуальных актов и документов требует достаточно много времени от сотрудников правоохранительных органов и судебной системы, видится необходимой цифровизация данного процесса путем использования электронных бланков и возможности применения электронного документооборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, И. М. И снова о понятии уголовно-процессуальной формы / И. М. Алексеев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2014. – № 4 (31). – С. 84–87.
2. Гимазетдинов, Д. Р. Уголовно-процессуальная форма: общетеоретический, нормативно-правовой и правоприменительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Гимазетдинов Дамир Рифкатович. – Саратов, 2013. – 27 с.
3. Григорьева, Н. В. Современный подход к определению процессуального документа в уголовном судопроизводстве / Н. В. Григорьева // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 102–105.
4. Дикарев, И. С. Использование информационных технологий и психологии принятия решений на предварительном следствии / И. С. Дикарев, А. В. Миликова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 120–127. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.3.17
5. Досудебное производство по уголовным делам. Образцы процессуальных документов : учеб. пособие / О. В. Химичева, Н. В. Григорьева, О. Е. Жамкова [и др.]. – М. : МосУ МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. – 687 с.
6. Землянухин, А. В. Отказ от обвинения в системе уголовно-процессуальных актов : дис. ... канд. юрид. наук / Землянухин Александр Валентинович. – М., 2018. – 201 с.
7. Лупинская, П. А. Избранные труды / П. А. Лупинская ; отв. ред. Л. А. Воскобитова. – М. : Норма : Инфра-М, 2017. – 607 с.
8. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2006. – 174 с.

9. Манова, Н. С. Уголовный процесс : учеб. для вузов / Н. С. Манова, Ю. В. Францифоров, Н. О. Овчинникова. – М. : Юрайт, 2025. – 276 с.
10. Маркелов, А. Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу / А. Г. Маркелов // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2. – С. 470–473.
11. Муратова, Н. Д. Теоретико-правовое значение содержания и формы процессуальных актов адвоката в уголовном судопроизводстве / Н. Д. Муратова // Вестник экономики, права и социологии. – 2010. – № 1. – С. 85–89.
12. Россинский, С. Б. О «технических» проблемах законотворческой политики в сфере уголовного судопроизводства / С. Б. Россинский // Современные глобальные вызовы и их нейтрализация уголовно-правовыми, криминологическими и уголовно-процессуальными средствами : сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 9 июня 2023 г. – Саратов : Саратов. гос. юрид. акад., 2023. – С. 364–370.
13. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития / С. Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 9 (118). – С. 67–79. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079
14. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства / С. Б. Россинский // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 116–135. – DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy
15. Уголовно-процессуальное право : учеб. для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 936 с.

REFERENCES

1. Alekseyev I.M. I snova o ponyatii ugovolno-protsessualnoy formy [Once Again, About the Concept of Criminal Procedure]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2014, no. 4 (31), pp. 84-87.
2. Gimazetdinov D.R. *Ugolovno-protsessualnaya forma: obshcheteoreticheskiy, normativno-pravovoy i pravoprimenitelnyy analiz: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Procedure Form: General Theoretical, Normative Legal, and Law Enforcement Analysis. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saratov, 2013. 27 p.
3. Grigoryeva N.V. Sovremenny podkhod k opredeleniyu protsessualnogo dokumenta v ugovolnom sudoproizvodstve [A Modern Approach to Defining a Procedural Document in Criminal Proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, no. 1, pp. 102-105.
4. Dikarev I.S., Milikova A.V. Ispolzovaniye informatsionnykh tekhnologiy i psikhologii prinyatiya reshenii na predvaritelnom sledstviy [The Use of Information Technologies and the Psychology of Decision-Making at the Preliminary Investigation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 120-127. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.3.17
5. Khimicheva O.V., Grigoryeva N.V., Zhamkova O.Ye. et al. *Dosudebnoye proizvodstvo po ugovolnym delam. Obraztsy protsessualnykh dokumentov: ucheb. posobiye* [Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. Samples of Procedural Documents. Textbook]. Moscow, MosU MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2022. 687 p.
6. Zemlyanukhin A.V. *Otkaz ot obvineniya v sisteme ugovolno-protsessualnykh aktov: dis. ... kand. yurid. nauk* [Refusal to Prosecute in the Criminal Procedure System. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 201 p.
7. Lupinskaya P.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Norma – Infra-M Publ., 2017. 607 p.
8. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovolnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo i praktika* [Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation, and Practice]. Moscow, Yurist Publ., 2006. 174 p.
9. Manova N.S., Frantsiforov Yu.V., Ovchinnikova N.O. *Ugolovny protsess: ucheb. dlya vuzov* [Criminal Proceedings]. Moscow, Yurayt Publ., 2025. 276 p.
10. Markelov A.G. K voprosu o primenenii yuridicheskikh konstruktsiy pri sostavlenii protsessualnykh dokumentov po ugovolnomu delu [On the Use of Legal Constructs in Drafting Procedural Documents in a Criminal Case]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2013, no. 7-2, pp. 470-473.
11. Muratova N.D. Teoretiko-pravovoye znachenie soderzhaniya i formy protsessualnykh aktov advokata v ugovolnom sudoproizvodstve [The Theoretical and Legal Significance of the Content and Form of a Lawyer's Procedural Acts in Criminal Proceedings]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2010, no. 1, pp. 85-89.
12. Rossinskiy S.B. O «tekhnicheskikh» problemakh zakonotvorcheskoy politiki v sfere ugovolnogo sudoproizvodstva [On the “Technical” Problems of Legislative Policy in the Field of Criminal Proceedings]. *Sovremennyye globalnye vyzovy i ikh neytralizatsiya ugovolno-pravovymi, kriminologicheskimi i ugovolno-protsessualnymi sredstvami: sb. tr. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf., Saratov, 9 iyunya 2023 g.* [Contemporary Global Challenges and Their Neutralization by Criminal-Legal, Criminological and Criminal-Procedural Means. Collection of Papers Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, June 9, 2023]. Saratov, Saratov. gos. yurid. akad., 2023, pp. 364-370.

13. Rossinskiy S.B. Uголовno-protsessualnaya forma: sushchnost, problemy, tendentsii i perspektivy razvitiya [Criminal Procedure Form: Essence, Problems, Trends, and Prospects for Development]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava*, 2020, no. 9 (118), pp. 67-79. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079
14. Rossinskiy S.B. Uголовno-protsessualnaya forma vs pravila uголовno-protsessualnogo deloproizvodstva [The Criminal Procedure Form vs Rules of Criminal Judicial Procedure]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116-135. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy
15. Lebedev V.M., ed. *Uголовno-protsessualnoye pravo: ucheb. dlya bakalavriata, spetsialiteta, magistratury i aspirantury (adyunktury)* [Criminal Procedure Law. Textbook for Bachelor's, Specialist's, Master's, and Postgraduate Studies]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2025. 936 p.

Information About the Author

Anna V. Milikova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

Информация об авторе

Анна Владимировна Миликова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.17>UDC 340.12
LBC 67.410.2Submitted: 13.01.2026
Accepted: 27.02.2026

TERMINATION OF A CRIMINAL CASE AND CRIMINAL PROSECUTION AS AN ALTERNATIVE FORM OF RESOLVING A CRIMINAL LAW CONFLICT

Vladimir V. SurovInvestigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Volgograd Region,
Volgograd, Russian Federation; Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in modern criminal procedure doctrine, both foreign and Russian, the view of termination of a criminal case and criminal prosecution as an alternative form of resolving a criminal law conflict is becoming increasingly widespread. In this context, the term refers both to the specifics of certain aspects of the novelization of the criminal procedure legislation itself and, in a broader sense, to a kind of convergence of various procedural forms. A certain fragmentary nature of research on this relevant issue, its interdisciplinary character, novelty, and practical significance predetermine the relevance of addressing these questions. **Methods:** the methodological framework for the research is comprehensive, being represented by a number of methods traditionally applied in modern jurisprudence: general scientific dialectical, formal-legal, comparative law, logical-syntactic, semantic, forecasting, analysis, and synthesis. **Results:** within the framework of the study, the author has conducted a comprehensive examination of the institutions of termination of a criminal case and criminal prosecution in Russian criminal proceedings, assessing them as alternative forms of resolving a criminal law conflict. The work, through the prism of analyzing the legislative novelties of recent years, emphasizes the issues of humanization of criminal proceedings, the implementation of the principle of expediency within its framework, and the correlation between discretionary and imperative principles. It also analyzes the potential for updating foreign experience in legal regulation. Based on the research results, the author formulates **conclusions** regarding possible prospects for the further development of alternatives to criminal prosecution in the domestic criminal process, and puts forward the proposals on issues of potential improvement of the legislative regulation of the termination of a criminal case and criminal prosecution, as well as the corresponding law enforcement practice.

Key words: termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, criminal law conflict, alternatives to criminal prosecution, criminal proceedings.

Citation. Surov V.V. Termination of a Criminal Case and Criminal Prosecution as an Alternative Form of Resolving a Criminal Law Conflict. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 132-137. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.17>

УДК 340.12
ББК 67.410.2Дата поступления статьи: 13.01.2026
Дата принятия статьи: 27.02.2026

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ФОРМА РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

Владимир Владимирович СуровСледственное управление Следственного комитета РФ по Волгоградской области,
г. Волгоград, Российская Федерация; Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современной уголовно-процессуальной доктрине, зарубежной и российской, все большее распространение получает взгляд на прекращение уголовного дела и уголовного преследования как альтернативную форму разрешения уголовно-правового конфликта. Речь в данном контексте идет как о специфике отдельных аспектов новеллизации собственно уголовно-процессуального законодательства, так

и, в более широком смысле, о своего рода конвергенции различных процессуальных форм. Определенная фрагментарность исследования соответствующей проблематики, ее межотраслевой характер, новизна и практическая значимость предопределяют актуальность обращения к данным вопросам. **Методы:** методологическая основа исследования носит комплексный характер, будучи представленной рядом методов, традиционно применимых в современной юриспруденции: общенаучным диалектическим, формально-юридическим, сравнительно-правовым, логико-синтаксическим, семантическим, прогнозирования, анализа и синтеза. **Результаты:** в рамках проведенного исследования автором осуществлено комплексное рассмотрение институтов прекращения уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве в разрезе их оценки в качестве альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта. В работе через призму анализа законодательных новелл последних лет подчеркнута проблематика гуманизации уголовного судопроизводства, реализации в его рамках принципа целесообразности, соотношения дискреционных и императивных начал, проанализированы возможности актуализации зарубежного опыта правового регулирования. По результатам исследования автором формулируются **выводы** относительно перспектив дальнейшего развития альтернативных уголовному преследованию мер в отечественном уголовном процессе, высказываются предложения по вопросам возможного совершенствования законодательной регламентации прекращения уголовного дела и уголовного преследования, а также соответствующей правоприменительной практики.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, уголовно-правовой конфликт, альтернативы уголовному преследованию, уголовное судопроизводство.

Цитирование. Суров В. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования как альтернативная форма разрешения уголовно-правового конфликта // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 132–137. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.17>

Введение

Анализ новеллизации правового регулирования институтов прекращения уголовного дела и уголовного преследования в отечественном уголовном судопроизводстве позволяет зафиксировать тенденцию к росту числа соответствующих оснований (в настоящее время предусмотренных ст. 24–28.2 УПК РФ) [9]. Вместе с тем речь не идет об изменениях сугубо количественного характера или технико-юридической составляющей. Рассматриваемый вопрос предполагает и качественный аспект, неотделимый, среди прочего, от проблематики оптимизации и расширения альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта, обеспечивающих достижение цели уголовного судопроизводства [1, с. 40]. Представляется, что потенциал для развития соответствующих процессуальных альтернатив в российском уголовно-процессуальном праве, в том числе с учетом возможностей актуализации зарубежного опыта, не исчерпан, хотя далеко не все предлагаемые в данном разрезе доктринальные решения выглядят бесспорными. В рамках данной работы сопутствующую проблематику представляется необходимым последовательно рассмотреть, соответственно, на отраслевом уровне,

через призму межотраслевых вопросов (с точки зрения оценки конвергенции процессуальных форм), и, наконец, со сравнительно-правовых позиций.

Прекращение уголовного дела и уголовного преследования как альтернативная форма прекращения уголовно-правового конфликта: отраслевое измерение

Рассмотрение процессуального института прекращения уголовного дела в качестве основы альтернативных форм разрешения уголовно-правового конфликта характерно как для зарубежной, так и для отечественной уголовно-процессуальной доктрины в последнее десятилетие. Среди российских авторов, концептуализирующих такой подход, следует назвать прежде всего М.А. Лавнова [6, с. 17; 7, с. 107] и О.В. Кузьмину [4, с. 56]; кроме того, в ряде работ рассматриваются вопросы характеристики в подобном ключе отдельных оснований прекращения уголовных дел. Отмечая безусловную перспективу дальнейших исследований этой проблематики, видится, прежде всего, необходимым констатировать возможность оценки в названном качестве и института прекращения уголовного преследо-

вания, позволяющего, во всяком случае, оптимизировать разрешение уголовно-правового конфликта (в отдельных случаях разрешить его в целом). Это обуславливает как возможность построения более целостной теоретической модели альтернативного разрешения анализируемых конфликтов, так и создание предпосылок для большей гармонизации законодательных положений.

Не вызывает сомнений тесная взаимосвязь развития системы соответствующих оснований прекращения уголовного дела с реализацией процессуальных принципов гуманизма и процессуальной экономии. В то же время в дискуссионном порядке следует указать на возможность их оценки и с позиций целесообразности как принципа, не характерного для отечественного уголовного процесса, в свете чего в контексте применения тех или иных оснований прекращения уголовного дела (преследования) важно не допустить конфликтности основополагающих начал судопроизводства, нивелирования принципа публичности процесса, ориентироваться на упрощение формы вопреки гарантиям прав его участников [2, с. 171]. Наконец, в этой связи обращает на себя внимание и проблематика соотношения императивных и дискреционных начал уголовного процесса [5, с. 215–216]; последние в аспекте вопросов прекращения уголовного дела (преследования) при определенном расширении должны быть вместе с тем разумно лимитированы. Иными словами, речь идет об определенном балансе названных начал применительно к формулированию конкретных рассматриваемых оснований, который в современных условиях изменяется.

Альтернативные формы разрешения уголовно-правового конфликта в оптике конвергенции процессуальных форм

Контур рассматриваемых вопросов не ограничивается сугубо отраслевыми рамками, предполагая и межотраслевую составляющую, что может быть проиллюстрировано в свете отдельных аспектов конвергенции процессуальных форм. Прежде всего, внимания здесь заслуживают дискреционные и компромиссные основания (примирение сторон,

возмещение ущерба, назначение судебного штрафа), далеко не в полной мере соотносимые с иными отраслевыми аналогами (например, мировым соглашением и соглашением о примирении), на что обоснованно обращается внимание в науке (в частности, А.Р. Шариповой) [10, с. 61]. В этом отношении думается, что возможности развития рассматриваемых институтов уголовно-процессуального законодательства далеко не исчерпаны (например, с точки зрения формализации обязательного и допустимого содержания соглашения о примирении сторон, возможностей его утверждения на любой стадии процесса, принудительного исполнения, заключения с одним или несколькими участниками процесса (последнее, в частности, подчеркивает возможный альтернативный характер прекращения не только уголовного дела, но и уголовного преследования), учета мнения лиц, чьим действиям дается правовая оценка в соответствующем процессуальном акте).

В конечном счете упомянутая проблематика также актуализирует и дискуссионное обсуждение возможностей дальнейшего развития системы оснований прекращения уголовного дела (преследования) с позиций введения альтернативных мер, неизвестных отечественному уголовно-процессуальному законодательству (при фактическом фрагментарном применении и отсутствии прямого запрета), но стандартизируемых в последние годы в рамках иных процессуальных форм (прежде всего медиации) [3, с. 11]. Представляется возможным также использование в данном ключе и других альтернативных мер (в частности, судебного примирения), во всяком случае применительно к разрешению вопросов примирения сторон.

В этом смысле уместно говорить именно о конвергенции, а, безусловно, не полной унификации процессуальных положений различной отраслевой природы. Так, очевидно, что специфика уголовного процесса обусловит особую сложность применения данных мер в рамках досудебного производства, что потребовало бы взвешенного подхода законодателя при разработке соответствующих новелл (при том, что практика свидетельствует о наличии значительного процента прекра-

шения уголовных дел на стадии судебного разбирательства по нереабилитирующим основаниям, возможность применения которых возникла ранее). Кроме того, в порядке сопровождения соответствующих законодательных изменений значительный эффект была бы способна принести и подготовка профильных обзоров судебной практики применения соответствующих мер по аналогии с изданными в отношении оснований прекращения уголовного дела (преследования), вводимых в последние годы (например, судебного штрафа).

Актуальные сравнительно-правовые аспекты прекращения уголовного дела и уголовного преследования

Характеризуя зарубежные модели прекращения уголовного дела и уголовного преследования, важно прежде всего подчеркнуть наличие ряда оснований, как соотносимых с известными отечественному законодателю (но в той или иной мере отличающихся – например, в контексте возмещения ущерба или выплаты штрафа, в том числе в порядке дополнительной компенсаторной составляющей) [11, р. 102], так и не имеющих аналогов в нашей стране (свободный отказ потерпевшего или органа расследования, вынесение предупреждения в различных формах, разные виды посредничества (медиации)) [8, с. 43–44]. Отечественное правовое регулирование в рассматриваемой области отличается сравнительно подробным характером регламентации.

Отмечая в предельно общем порядке возможные точки соприкосновения соответствующих практик, видится значимым подчеркнуть традиционный акцент российского законодательства на необходимости не только компенсировать причиненный преступлением вред, но и загладить его иным образом. В данном контексте представляется уместным солидаризоваться с точкой зрения ряда авторов (в частности, Я.А. Климовой, М.С. Колосович) [3, с. 13–14], выдвигающих аргументы в пользу возможности введения в российский уголовный процесс медиации как альтернативного средства разрешения уголовно-правового конфликта (однако виделось бы поверхностным

руководствоваться в данном вопросе исключительно категоризацией преступлений, без учета других факторов, например, общественной опасности, объекта посягательства, наличия потерпевшего). Думается, что, во всяком случае, это отвечало бы задачам последовательной реализации упомянутых принципов гуманизма и процессуальной экономии, снижению нагрузки на следственную и судебную системы, при соблюдении в то же время определенного уровня гарантий прав участников судопроизводства, а равно позволяло бы учитывать положительный опыт развития иных процессуальных форм, объективно более ориентированных на применение альтернативных средств разрешения конфликтов.

Выводы

Формат проведенного исследования позволил наметить только наиболее общие контуры проблематики оценки рассматриваемых правовых институтов как альтернативной формы разрешения уголовно-правового конфликта. Очевидно, что как теоретическая, так и практическая проблематика развития последних в данном разрезе не может остаться в стороне от вопросов межотраслевого (в свете конвергенции процессуальных отраслей) и сравнительно-правового плана. В порядке совершенствования действующего в исследуемой сфере законодательства видится целесообразным:

- расширение применения основания прекращения уголовного дела (преследования) в виде примирения сторон, в частности за счет возможности утверждения на любой стадии процесса (в том числе исполнения приговора), принудительного исполнения, заключения с одним из нескольких или несколькими участниками процесса;

- закрепление возможности проведения между потерпевшим и лицом, впервые подозреваемым или обвиняемым в совершении отдельных преступлений небольшой или средней тяжести, процедур медиации (судебного примирения) и введения дополнительного основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования в связи с достижением соглашения по их итогам (в том числе и в рамках досудебного производства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башаева, М. С. Институт прекращения уголовного дела как правовая основа альтернативной формы разрешения уголовно-правового конфликта / М. С. Башаева // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 4. – С. 40–41.
2. Буфетова, М. Ш. К вопросу о принципе целесообразности в российском уголовном судопроизводстве / М. Ш. Буфетова, Н. Ю. Литвинцева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 167–177. – DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-167-177
3. Климова, Я. А. Медиативные процедуры в уголовном судопроизводстве / Я. А. Климова, М. С. Коловочев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 4 (59). – С. 10–15. – DOI: 10.25724/VAMVD.WXYZ
4. Кузьмина, О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве / О. В. Кузьмина // Lex Russica. – 2015. – № 1. – С. 51–58.
5. Кучеров, Г. Н. Дискреционная модель правового регулирования прекращения уголовного дела и уголовного преследования: pro et contra / Г. Н. Кучеров // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 11. – С. 214–222. – DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.214-222
6. Лавнов, М. А. Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике : дис. ... д-ра юрид. наук / Лавнов Михаил Александрович. – Саратов, 2014. – 200 с.
7. Лавнов, М. А. Теоретическая модель альтернативного разрешения уголовно-правового конфликта путем прекращения уголовного дела / М. А. Лавнов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 1. – С. 106–113.
8. Суров, В. В. Актуальные сравнительно-правовые аспекты прекращения уголовного преследования в рамках досудебного производства / В. В. Суров // Advances in Law Studies. – 2025. – Т. 13, № 1. – С. 41–45. – DOI: 10.29039/2409-5087-2025-13-1-41-45
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
10. Шарипова, А. Р. Концепция конвергенции уголовно-процессуального права с иными отраслями процессуального права / А. Р. Шарипова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 57–63. – DOI: 10.15688/j.volsu.2022.1.8
11. A Comparative Analysis of Pre-Trial Procedure in Europe: The Search for an Ideal Model / ed. by E. Johnston, R. Erbaş, D. Jasinski. – Istanbul : Istanbul University Publication, 2020. – 250 p.

REFERENCES

1. Bashaeva M.S. Institut prekrashcheniya ugovornogo dela kak pravovaya osnova alternativnoj formy razresheniya ugovorno-pravovogo konflikta [The Institution of Termination of Criminal Proceedings as a Legal Basis for an Alternative Form of Resolution of a Criminal Legal Conflict]. *Yevrazijskij nauchnyj zhurnal* [Eurasian Scientific Journal], 2017, no. 4, pp. 40-41.
2. Bufetova M.Sh., Litvinceva N.Ju. K voprosu o principe celesoobraznosti v rossijskom ugovornom sudoproizvodstve [On the Issue of the Principle of Expediency in Russian Criminal Proceedings]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 3, pp. 167-177. DOI: 10.24412/2312-3184-2021-3-167-177
3. Klimova Ja.A., Kolosovich M.S. Mediativnye procedury v ugovornom sudoproizvodstve [Mediation Procedures in Criminal Proceedings]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 4 (59), pp. 10-15. DOI: 10.25724/VAMVD.WXYZ
4. Kuzmina O.V. Alternativnye sposoby razresheniya ugovorno-pravovykh konfliktov v rossijskom prave [Alternative Methods of Resolving Criminal Conflicts in Russian Law]. *Lex Russica*, 2015, no. 1, pp. 51-58.
5. Kuchеров G.N. Diskrecionnaya model pravovogo regulirovaniya prekrashcheniya ugovornogo dela i ugovornogo presledovaniya: pro et contra [Discretionary Model of Legal Regulation of a Criminal Case and Criminal Prosecution Termination: Pro et Contra]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Current Issues of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 11, pp. 214-222. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.120.11.214-222
6. Lavnov M.A. *Institut prekrashcheniya ugovornogo dela v sisteme ugovorno-processualnogo prava i pravoprimeritelnoj praktike: dis. ... d-ra yurid. nauk.* [The Institution of Termination of Criminal Proceedings in the System of Criminal Procedural Law and Law Enforcement Practice. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2014. 200 p.

7. Lavnov M.A. Teoreticheskaya model alternativnogo razresheniya ugovolno-pravovogo konflikta putem prekrashcheniya ugovolnogo dela [Theoretical Model of Alternative Resolution of the Criminal Legal Conflict by the Termination of Criminal Case]. *Sudebnaya vlast i ugovolnyj process* [The Judiciary and Criminal Procedure], 2019, no. 1, pp. 106-113.

8. Surov V.V. Aktualnye sravnitelno-pravovye aspekty prekrashcheniya ugovolnogo presledovaniya v ramkakh dosudebnogo proizvodstva [Current Comparative Legal Aspects of Termination of Criminal Prosecution within the Framework of Pre-Trial Proceedings]. *Advances in Law Studies*, 2025, vol. 13, no. 1, pp. 41-45. DOI: 10.29039/2409-5087-2025-13-1-41-45

9. Ugolovno-processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 27.10.2025) [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law № 174-FZ of 18.12.2001 (As Amended on October 27, 2025)]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislative Acts of the Russian Federation], 2001, no. 52 (pt. I), art. 4921.

10. Sharipova A.R. Konceptiya konvergencii ugovolno-processualnogo prava s inymi otraslyami processualnogo prava [The Concept of Convergence of Criminal Procedure Law With Other Branches of Procedural Law]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 57-63. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.8

11. Johnston E., Erbaş R., Jasinski D., eds. *A Comparative Analysis of Pre-Trial Procedure in Europe: The Search for an Ideal Model*. Istanbul, Istanbul University Publication, 2020. 250 p.

Information About the Author

Vladimir V. Surov, Head of the Investigative Department for the Central District of Volgograd, Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Volgograd Region, Rokossovskogo St, 10, 400131 Volgograd, Russian Federation; Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, skr-surov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7716-9311>

Информация об авторе

Владимир Владимирович Суров, руководитель следственного отдела по Центральному району г. Волгограда, Следственное управление Следственного комитета РФ по Волгоградской области, ул. Рокоссовского, 10, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация; аспирант кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, skr-surov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-7716-9311>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.18>UDC 343.13
LBC 67.410.2Submitted: 13.01.2026
Accepted: 27.02.2026

SPECIFIC CASES OF IMPOSING A MONETARY PENALTY FOR NON-COMPLIANCE WITH PROCEDURAL OBLIGATIONS BY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Andrei A. Dekhert

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: a monetary penalty is one of the forms of criminal procedural liability applied in cases of non-compliance with procedural obligations by participants in criminal proceedings. Despite the extensive regulation of this form in Article 117 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the range of grounds for its application remains limited in practice and requires theoretical understanding. The relevance of the research is determined by the need to systematize specific cases of imposing penalties, identify gaps in the legal regulation, and distinguish between procedural violations and abuse of rights. **Purpose:** to examine specific cases of imposing a monetary penalty on participants in criminal proceedings, systematize general and special grounds for applying this form of criminal procedural liability, identify problems in law enforcement practice, and propose directions for improving the legislation. **Methodology:** the research methodology is based on the formal legal method, the analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the study of judicial practice, a comparative legal approach, and the method of systematic interpretation of procedural norms. **Results:** the study identifies general grounds for imposing penalties (failure to appear, giving false testimony, and violation of duties by an expert or interpreter) and special grounds (non-fulfillment of obligations by a surety, a person supervising a minor, or a juror). Specific gaps in the regulation of procedural obligations of certain participants in criminal proceedings have been identified. **Conclusions:** the conducted research allows for the systematization of grounds for applying a monetary penalty and formulating proposals for improving the provisions on a monetary penalty.

Key words: criminal procedure law, criminal procedural liability, sanction, monetary penalty, criminal procedural offense.

Citation. Dekhert A.A. Specific Cases of Imposing a Monetary Penalty for Non-Compliance with Procedural Obligations by Participants in Criminal Proceedings. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 138-144. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.18>

УДК 343.13
ББК 67.410.2Дата поступления статьи: 13.01.2026
Дата принятия статьи: 27.02.2026

ЧАСТНЫЕ СЛУЧАИ НАЛОЖЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ВЗЫСКАНИЯ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ УЧАСТНИКАМИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Андрей Андреевич Дехерт

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: денежное взыскание выступает одной из форм уголовно-процессуальной ответственности, применяемой при неисполнении участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей. Несмотря на широкое закрепление данной формы в ст. 117 УПК РФ, на практике круг оснований ее применения остается ограниченным и требует теоретического осмысления. Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации частных случаев наложения взыскания, выявления пробелов правового регулирования и разграничения процессуальных правонарушений и злоупотреблений правом. **Цель:** исследовать частные случаи наложения денежного взыскания на участников уголовного судопроиз-

водства, систематизировать общие и специальные основания применения данной формы уголовно-процессуальной ответственности, выявить проблемы правоприменительной практики и предложить направления совершенствования законодательства. **Методология** исследования основана на формально-юридическом методе, анализе норм УПК РФ, изучении судебной практики, сравнительно-правовом подходе и методе системного толкования процессуальных норм. **В результате** выделены общие основания наложения взыскания (уклонение от явки, дача ложных показаний, нарушение обязанностей экспертом и переводчиком) и специальные основания (неисполнение обязательств поручителем, лицом, осуществляющим присмотр за несовершеннолетним, присяжным заседателем). Выявлены пробелы в регулировании процессуальных обязанностей некоторых участников уголовного судопроизводства. **Выводы:** проведенное исследование позволяет систематизировать основания применения денежного взыскания, а также сформулировать предложения по совершенствованию положений о денежном взыскании.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовно-процессуальная ответственность, санкция, денежное взыскание, уголовно-процессуальное правонарушение.

Цитирование. Дехерт А. А. Частные случаи наложения денежного взыскания за неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 138–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvol25.2026.1.18>

Введение

В силу действующих норм уголовно-процессуального права денежное взыскание может быть назначено при неисполнении участниками уголовного судопроизводства своих процессуальных обязанностей, а также при допущении ими нарушений порядка в судебном заседании.

Ю.А. Кузовенкова подчеркивает, что сфера применения санкции охватывает все случаи нарушения процессуальных обязанностей, однако практика ограничивается узким перечнем составов правонарушений [6, с. 101]. К тому же такая формулировка носит отсылочный характер, поэтому конкретные основания следует искать в иных нормах, устанавливающих ответственность за уголовно-процессуальное правонарушение [10, с. 69]. Недостаток конструкции ст. 117 УПК РФ состоит и в том, что при определении статуса участников уголовного судопроизводства закон не всегда использует термин «процессуальные обязанности», указывая лишь на то, какие действия участник «вправе» или «не вправе» совершать.

При этом термин «участники уголовного судопроизводства» в контексте ст. 117 УПК РФ трактуется не в широком значении – как «лица, участвующие в уголовном процессе» (п. 58 ч. 1 ст. 5 УПК РФ), а в более узком – как круг субъектов, прямо указанных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, а также в ряде специальных норм (ч. 4 ст. 103, ч. 3 ст. 105, ч. 3 ст. 333

УПК РФ). Исходя из данного разграничения, целесообразно различать общие и специальные основания применения денежного взыскания.

Общие основания наложения денежного взыскания

Каждый из субъектов, поименованных в ч. 2 ст. 111 УПК РФ в качестве участников уголовного судопроизводства, несет предусмотренную законом уголовно-процессуальную ответственность за неявку (уклонение от явки) по вызову дознавателя, следователя либо суда. В качестве доказательств факта уголовно-процессуального правонарушения суды учитывают: надлежащее извещение, отсутствие документально подтвержденных уважительных причин, своевременное уведомление о причинах неявки, систематичность нарушений. Надлежащее извещение подтверждается наличием росписи в корешке повестки или уведомлении о вручении¹. При этом извещение лишь одного из супругов не свидетельствует о надлежащем извещении второго супруга.

Уважительность причины неявки подлежит критической оценке². Верховный суд Республики Адыгея по одному из дел указал, что справка о нахождении на амбулаторном лечении не препятствовала участию в следственных действиях³. Основанием для отмены постановления Находкинского городского суда стало установление факта недостаточного

обеспечения явки потерпевших⁴. Потерпевшие заблаговременно сообщили о причинах неявки и заявили ходатайство об отложении в связи с участием представителя в другом заседании. Данные обстоятельства суд признал неубажительными. При оценке такой причины следует учитывать документальное подтверждение, заблаговременность ходатайства и отсутствие систематических срывов производства следственных и судебных действий по вине соответствующего участника процесса.

Если наложение денежного взыскания за уклонение от явки при наличии состава уголовно-процессуального правонарушения очевидно, то решение о применении двух санкций одновременно, например в случае применения привода за то же уклонение от явки, представляется спорным. По мнению С.С. Каримовой, применение привода исключает наложение денежного взыскания, однако закон предусматривает обе формы ответственности и не содержит прямого запрета на их сочетание [5, с. 255].

А.П. Лыга предлагает модернизировать ст. 118 УПК РФ, установив последовательность применения мер процессуального принуждения: сначала привод, затем выяснение причин, и при отсутствии уважительных причин – наложение взыскания [7, с. 167–168]. И.Б. Тутынин считает, что вопрос о наложении взыскания должен ставиться только при наличии к тому оснований [13, с. 49–50]. Т.Н. Добровольская указывает, что разные отступления от норм права представляют разную степень опасности и отсутствие прямого запрета позволяет применять различные по целям меры одновременно [4, с. 61].

Согласимся с позицией исследователей, предлагающих при наличии состава уголовно-процессуального правонарушения после применения привода решать вопрос о наложении денежного взыскания. Разная правовая природа привода и денежного взыскания, а также отсутствие прямого запрета на их совместное применение позволяют констатировать возможность одновременного использования различных по целям мер уголовно-процессуальной ответственности.

Стоит отметить и существующую грань между уклонением от явки как уголовно-процессуальным правонарушением и злоупотреблением правом. Уклонение может быть направ-

лено на создание процессуальной паузы, затруднение собирания доказательств, формирование выгодного доказательственного «фона» либо истечение разумных сроков судопроизводства. При этом преследуемая цель состоит не в реализации права на защиту, а в манипулировании процедурными механизмами для получения недобросовестного процессуального преимущества. Основными индикаторами такой направленности выступают повторяемость и избирательность неявок, использование формально-уважительных причин без подтверждающих данных, последовательная смена адресов и средств связи, координация поведения с иными участниками процесса.

Разграничение требует оценки конкретных обстоятельств: наличия надлежащего уведомления, реальности препятствий для явки, соразмерности реакции органа и влияния неявки на ход доказывания. Критически важно установление целевой обусловленности поведения: если неявка преследует единственную цель – воспрепятствовать правосудию посредством затягивания процесса, то она приобретает характер правонарушения.

М.Х. Гафизов предлагает нормативно закрепить исчерпывающий перечень уважительных причин неявки [2, с. 71]. По нашему мнению, подобный подход излишне перегрузит нормы УПК РФ, поскольку повлечет необходимость конкретизации всех возможных оснований применения мер ответственности. Проблема правоприменительной практики кроется не в сложности оценки причин, а в нежелании их надлежащего исследования, что создает предпосылки для пересмотра судебных решений.

Законодатель закрепил в п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ обязанность потерпевшего представлять образцы для сравнительного исследования, однако для свидетеля сохранил лишь общий долг содействия правосудию, не конкретизировав специальной обязанности по представлению образцов. В случае потерпевшего отказ предоставить образцы рассматривается как неисполнение возложенной на него процессуальной обязанности, что обуславливает возможность применения мер юридической ответственности. Напротив, применительно к свидетелю аналогичное поведение формально соотносится с общей обязанностью содей-

ствовать производству по делу, вследствие чего привлечение к денежному взысканию оказывается менее проблематичным.

Неравномерность статусов потерпевшего и свидетеля порождает селективные пробелы в возможности оперативно получать сравнительные образцы при расследовании преступлений. Органы расследования вынуждены прибегать к обходным «маршрутам» (например, к назначению освидетельствования по ст. 179 УПК РФ), что не всегда процессуально эквивалентно и повышает риск признания доказательств недопустимыми.

Процессуальные обязанности эксперта закреплены в ч. 4 ст. 57 УПК РФ. Запрет на несанкционированные контакты служит процессуальной гарантией объективности и беспристрастности эксперта, предотвращая скрытую коммуникацию, которая может повлиять на содержание заключения. Запрет на самостоятельный сбор материалов экспертом обусловлен тем, что он не является субъектом доказывания и не уполномочен собирать доказательства. Его процессуальная роль – исследование предоставленных объектов и дача заключения в пределах специальных знаний. Сохранение предметов в их исходном состоянии – ключ к проверяемости экспертизы и реализации прав сторон на контрэкспертизу [9, с. 105].

Запреты, закрепленные в п. 1–3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, являются не карательными ограничениями, а структурными гарантиями: они поддерживают разделение процессуальных ролей, обеспечивают проверяемость экспертного знания в суде, защищают права сторон и целостность доказательственной базы.

Перечень процессуальных обязанностей эксперта следует дополнить требованием выполнения экспертизы в установленный срок. Л.К. Бондаренко полагает, что непредставление в срок результатов экспертизы может рассцениваться как правонарушение против правосудия [1, с. 33]. Подобную идею следует распространить и на переводчика, к которому за нарушение сроков выполнения перевода также необходимо применять санкцию в виде денежного взыскания. А.В. Гуськова обосновывает целесообразность применения денежного взыскания к переводчикам в случаях недобросовестного перевода, отмечая, что уголовное судопроизводство в целом детермини-

ровано процессуальными сроками, а имущественные потери за ненадлежащее исполнение обязанностей выступают действенным и очевидным для большинства субъектов механизмом воздействия [3, с. 165].

Специальные основания наложения денежного взыскания

Диспозиция ч. 4 ст. 103 УПК РФ закрепляет императивный запрет на неисполнение поручителем принятых на себя обязательств. По своему содержанию эти обязанности сводятся к возложению на поручителя ответственности за надлежащее поведение лица, за которого дано поручительство, что предполагает обеспечение его явки по вызовам дознавателя, следователя и суда, а также отказ от любых действий, способных воспрепятствовать производству по уголовному делу (п. 2 и 3 ч. 1 ст. 102 УПК РФ).

К таким действиям (бездействию) стоит отнести следующие.

Во-первых, неисполнение обязанности по обеспечению явки подконтрольного лица. Юридически значимым является не факт неявки подозреваемого (обвиняемого), а установление того, что поручитель не принял достаточных и разумных мер для обеспечения явки, исходя из конкретной обстановки и реальных возможностей поручителя. Данное обстоятельство обуславливает материальный состав рассматриваемых нарушений [12, с. 25].

Нарушением следует признавать невыполнение поручителем корреспондирующих организационных обязанностей уведомительного характера: непредставление своевременной информации о невозможности обеспечить явку по уважительным причинам, об утрате контакта с лицом, в отношении которого дано поручительство, либо о выявленных рисках недобросовестного поведения последнего. При этом в случае невещения самого личного поручителя о необходимости явки его подопечного в назначенный срок говорить о возможности наложения денежного взыскания не приходится.

Во-вторых, правонарушением будет содействие поручителя уклонению лица от производства по делу либо непринятие им необходимых превентивных мер, когда поручителю было известно или должно было быть известно о намерении подконтрольного лица скрыть-

ся, уничтожить доказательства либо воспрепятствовать производству иным образом. Сюда можно отнести предоставление убежища, финансирование переезда, сокрытие информации о местонахождении, а равно утаивание от органа расследования или суда изменений статуса, а также места жительства подопечного.

Второе специальное основание наложения денежного взыскания, установленное в ч. 2 ст. 111 УПК РФ, содержится в ч. 3 ст. 105 УПК РФ [11, с. 23–24]. Помимо процессуальных обязанностей, возлагаемых при применении личного поручительства, устанавливается дополнительная обязанность по осуществлению контроля за несовершеннолетним подозреваемым либо обвиняемым в части его пребывания по месту жительства или месту нахождения. Самовольное оставление указанных мест без разрешения дознавателя, следователя или суда квалифицируется как нарушение предписаний уголовно-процессуального закона.

Норма, закрепленная в ч. 3 ст. 333 УПК РФ, устанавливает специальное основание привлечения присяжного заседателя к уголовно-процессуальной ответственности за неисполнение возложенной на него процессуальной обязанности явиться в судебное заседание. По мнению Д.А. Лыкова, иные механизмы обеспечения исполнения обязанностей присяжных заседателей оказались бы бездейственными [8, с. 207].

28 ноября 2003 г. гражданин Б., будучи надлежащим образом уведомлен о времени и месте проведения судебного заседания, в суд не прибыл и каких-либо сведений, позволяющих установить уважительность причин неявки, не представил. В дальнейшем, 19 января 2004 г., Б. вновь не явился на судебное заседание для осуществления возложенных на него функций присяжного заседателя, тем самым повторно не исполнив предусмотренные законом обязанности. Совокупность указанных обстоятельств была расценена судом как уклонение от участия в отправлении правосудия, в связи с чем суд принял решение о наложении денежного взыскания⁵.

Примечательно, что в ч. 2 ст. 333 УПК РФ указаны еще пять процессуальных обязанностей присяжных заседателей, однако за их нарушение предусмотрена лишь одна мера ответственности – отстранение от дальнейшего участия в рассмотрении уголовного дела [14, с. 131].

Выводы

Все вышеперечисленные основания относятся к частным случаям неисполнения участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, предусмотренных УПК РФ.

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Денежное взыскание применяется за неисполнение участниками уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей, которые следует разделить на общие и специальные.

2. Применение привода не исключает наложения денежного взыскания, поскольку эти меры преследуют различные цели.

3. Необходимо разграничивать уклонение от явки по вызову лица, ведущего производство по делу, как правонарушение и как злоупотребление правом. Критически важно установление целевой обусловленности поведения: если неявка преследует единственную цель – воспрепятствовать правосудию посредством затягивания процесса, то она приобретает характер правонарушения.

4. Выявлен дисбаланс в архитектуре обязанностей участников процесса: законодатель закрепил для потерпевшего обязанность предоставить образцы для сравнительного исследования, однако для свидетеля сохранил лишь общий долг содействия правосудию.

5. Перечень процессуальных обязанностей эксперта и переводчика следует дополнить требованием выполнения экспертизы и перевода в разумный срок с возможностью применения денежного взыскания за нарушение данного требования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апелляционное постановление Верховного суда Республики Адыгея от 21.06.2020 № 22К-386/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/>

² Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 12.08.2019 № 22-3311/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/>

³ Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 05.08.2019 № 22К-3312/2019

// Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL : <https://sudact.ru/>

⁴ Апелляционное постановление Псковского областного суда от 25.07.2018 № 22-445/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/>

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за I квартал 2005 г. (по гражданским делам) (утв. постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 4, 11 и 18 мая 2005 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондаренко, Л. К. Денежное взыскание за нарушение сроков экспертизы в уголовном процессе / Л. К. Бондаренко // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 2 апреля 2021 г. Ч. 1. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2021. – С. 30–39.
2. Гафизов, М. Х. Денежное взыскание как мера уголовно-процессуального принуждения : дис. ... канд. юрид. наук / Гафизов Мурад Хелилович. – М., 2007. – 168 с.
3. Гуськова, А. В. Функция переводчика в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Гуськова Анна Вячеславовна. – Н. Новгород, 2018. – 336 с.
4. Добровольская, Т. Н. Принципы советского уголовного процесса. Вопросы теории и практики / Т. Н. Добровольская. – М. : Юрид. лит., 1971. – 200 с.
5. Каримова, С. С. Денежное взыскание как иная мера уголовно-процессуального принуждения / С. С. Каримова // Общество и право. – 2016. – № 2 (56). – С. 253–257.
6. Кузовенкова, Ю. А. Денежное взыскание в системе мер уголовно-процессуальной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук / Кузовенкова Юлия Алексеевна. – Самара, 2009. – 209 с.
7. Лыга, А. П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера : дис. ... канд. юрид. наук / Лыга Алексей Петрович. – Омск, 2023. – 253 с.
8. Лыков, Д. А. Теоретические основы и проблемы процессуальной организации рассмотрения уголовных дел коллегиальными составами суда : дис. ... канд. юрид. наук / Лыков Дмитрий Андреевич. – Волгоград, 2023. – 263 с.
9. Миликова, А. В. Уголовно-процессуальный акт следователя о назначении судебной экспертизы или ходатайство адвоката: к вопросу о состязательности и равноправии сторон? / А. В. Миликова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 103–108. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.1.14
10. Мычак, Т. В. Уголовно-процессуальное правонарушение как основание уголовно-процессуальной ответственности / Т. В. Мычак // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 3 (26). – С. 68–70.
11. Никитина, О. В. Сущность и значение судебного контроля при применении иных мер процессуального принуждения в досудебном производстве: в порядке гл. 14 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Никитина Оксана Вадимовна. – Челябинск, 2006. – 28 с.
12. Тутынин, И. Б. Некоторые проблемы применения денежного взыскания как меры уголовно-процессуального принуждения / И. Б. Тутынин // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 23–29.
13. Тутынин, И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Тутынин Игорь Борисович. – М., 2023. – 63 с.
14. Чистилина, Д. О. Процедурные и фактические сложности установления объективной истины в суде с участием присяжных заседателей / Д. О. Чистилина, Е. В. Возгрин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 128–135. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.3.18

REFERENCES

1. Bondarenko L.K. Denezhnoye vzyiskaniye za narusheniye srokov ekspertizy v ugodovnom processe [Monetary Penalty for Violation of Examination Terms in Criminal Proceedings]. *Aktualnyye problemy sudebnoy, pravookhranitel'noy, pravozashchitnoy, ugodovno-protsessual'noy deyatel'nosti i natsional'noy bezopasnosti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Krasnodar, 2 aprelya 2021 g. Ch. 1* [Actual Problems of Judicial, Law Enforcement, Human Rights, Criminal Procedure, and National Security. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, April 2, 2021. Pt. 1]. Krasnodar, Kuban. gos. un-t, 2021, pp. 30-39.

2. Gafizov M.H. *Denezhnoye vzyskaniye kak mera ugolovno-processualnogo prinuzhdeniya: dis. ... kand. jurid. nauk* [Monetary Punishment as a Measure of Criminal Procedural Coercion. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2007. 168 p.
3. Guskova A.V. *Funkciya perevodchika v ugolovnom processe: dis. ... kand. jurid. nauk* [The Function of an Interpreter in Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. diss.]. N. Novgorod, 2018. 336 p.
4. Dobrovolskaya T.N. *Principy sovetskogo ugolovnogo processa. Voprosy teorii i praktiki* [Principles of the Soviet Criminal Procedure. Questions of Theory and Practice]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1971. 200 p.
5. Karimova S.S. *Denezhnoye vzyskaniye kak inaya mera ugolovno-processualnogo prinuzhdeniya* [Monetary Punishment as Another Measure of Criminal Procedural Coercion]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2016, no. 2 (56), pp. 253-257.
6. Kuzovenkova Yu.A. *Denezhnoye vzyskaniye v sisteme mer ugolovno-processualnoj otvetstvennosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Monetary Punishment in the System of Measures of Criminal Procedural Responsibility. Cand. jurid. sci. diss.]. Samara, 2009. 209 p.
7. Lyga A.P. *Mery ugolovno-processualnogo prinuzhdeniya imuschestvennogo kharaktera: dis. ... kand. jurid. nauk* [Measures of Criminal Procedural Coercion of a Property Nature. Cand. jurid. sci. diss.]. Omsk, 2023. 253 p.
8. Lykov D.A. *Teoreticheskiye osnovy i problemy processualnoj organizatsii rassmotreniya ugolovnykh del kollegialnymi sostavami suda: dis. ... kand. jurid. nauk* [Theoretical Foundations and Problems of the Procedural Organization of the Consideration of Criminal Cases by Collegial Composition of the Court. Cand. jurid. sci. diss.]. Volgograd, 2023. 263 p.
9. Milikova A.V. *Ugolovno-processualnyj akt sledovatelya o naznachenii sudebnoj ekspertizy ili khodatajstvo advokata: k voprosu o sostyazatelnosti i ravnopravii storon?* [The Investigator's Criminal Procedure Act on Commissioning of Forensic Examination or the Lawyer's Petition: On the Competition and Equality of the Parties?]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 103-108. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.1.14
10. Mychak T.V. *Ugolovno-processualnoye pravonarusheniye kak osnovaniye ugolovno-processualnoj otvetstvennosti* [Criminal Procedural Offense as the Basis of Criminal Procedural Responsibility]. *Vektor nauki Tolyatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences], 2016, no. 3 (26), pp. 68-70.
11. Nikitina O.V. *Suschnost i znachenije sudebnogo kontrolya pri primenenii inykh mer processualnogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve: V poryadke gl. 14 UPK RF: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Essence and Significance of Judicial Control in the Application of Other Measures of Procedural Coercion in Pre-Trial Proceedings: In the Order of Chapter 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2006. 28 p.
12. Tutynin I.B. *Nekotorye problemy primeneniya denezhnogo vzyskaniya kak mery ugolovno-processualnogo prinuzhdeniya* [Some Problems of the Use of Monetary Punishment as a Measure of Criminal Procedural Coercion]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 2 (26), pp. 23-29.
13. Tutynin I.B. *Processualnoye prinuzhdeniye imuschestvennogo kharaktera v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk* [Procedural Coercion of a Property Nature in Criminal Proceedings. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2023. 63 p.
14. Chistilina D.O., Vozgrina E.V. *Procedurnye i fakticheskiye slozhnosti ustanovleniya obyektivnoj istiny v sude s uchastiyem prisyzhnykh zasedatelej* [Procedural and Factual Difficulties of Establishing the Objective Truth in a Jury Trial]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 128-135. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.3.18

Information About the Author

Andrei A. Dekhert, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dekhert@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

Информация об авторе

Андрей Андреевич Дехерт, аспирант кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dekhert@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2871-2213>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.19>

UDC 336.225.673

LBC 65.261.41-212.1

Submitted: 16.11.2025

Accepted: 27.02.2026

LEGAL INNOVATIONS IN TAX ADMINISTRATION: ADAPTATION MODELS AND THE TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION IN THE DIGITAL AGE

Stanislav D. Kazachenkov

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the global digitalization of the economy and public administration presents challenges to the legal system unprecedented in history. Tax administration, being the most technologically advanced segment of public governance, is the first to face the necessity of adapting legal norms to new digital realities. **Purpose:** based on a systematic analysis of Russian and international doctrinal sources, the study aims to identify key models of legal adaptation for tax systems, analyze the specifics of regulating new digital assets, and assess the impact of the transformation of administration on economic security. **Methodology:** the methodological framework for the research comprises the comparative legal method (the analysis of OECD and Russian approaches) and the formal-legal method (the analysis of regulatory acts), as well as the methods of periodization and classification of legal regimes. **Results:** the paper substantiates the identification of three stages in the evolution of legal regulation: from the digitization of reporting to the implementation of the “Tax Administration 3.0” concept. It is proven that the effectiveness of digital control directly correlates with the level of economic security but requires the introduction of new legal guarantees for investors in digital financial assets. The influence of non-financial factors (ESG) on corporate tax behavior in the digital environment is revealed. **Conclusions:** the transition to an “embedded” taxation model requires a fundamental restructuring of legal regulation aimed at minimizing tax risks and creating a transparent environment for the circulation of digital assets.

Key words: tax administration, digital financial assets, Tax Administration 3.0, tax risks, economic security, legal regulation, OECD, digitalization.

Citation. Kazachenkov S.D. Legal Innovations in Tax Administration: Adaptation Models and the Transformation of Legal Regulation in the Digital Age. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 145-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.19>

УДК 336.225.673

ББК 65.261.41-212.1

Дата поступления статьи: 16.11.2025

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ПРАВОВЫЕ ИННОВАЦИИ В НАЛОГОВОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ: МОДЕЛИ АДАПТАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Станислав Дмитриевич Казаченков

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: глобальная цифровизация экономики и государственного управления ставит перед правовой системой вызовы, не имеющие аналогов в прошлом. Налоговое администрирование, являясь наиболее технологичным сегментом публичного управления, первым сталкивается с необходимостью адаптации правовых норм к новым цифровым реалиям. **Цель исследования:** на основе системного анализа российских и международных доктринальных источников выявить ключевые модели правовой адаптации налоговых систем, проанализировать специфику регулирования новых цифровых активов и оценить влияние трансформации администрирования на экономическую безопасность. **Методология:** методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой метод (анализ подходов ОЭСР и РФ), формально-юридический метод (анализ нормативных актов), а также методы периодизации и классификации правовых режимов. **Результаты:** в работе обосновано выделение трех этапов эволюции правового регулирования: от оцифровки отчетности до внедрения концепции «Налоговое администрирование 3.0». Доказано, что эффективность цифрового контроля напрямую коррелирует с уровнем экономической безопасности, однако требует внедрения новых правовых гарантий для инвесторов в цифровые финансовые активы. Выявлено влияние нефинансовых факторов (ESG) на налоговое поведение корпораций в цифровой среде. **Выводы:** переход к модели «встроенного» налогообложения требует фундаментальной перестройки правового регулирования, направленной на минимизацию налоговых рисков и создание прозрачной среды для оборота цифровых активов.

Ключевые слова: налоговое администрирование, цифровые финансовые активы, налоговое администрирование 3.0, налоговые риски, экономическая безопасность, правовое регулирование, ОЭСР, цифровизация.

Цитирование. Казаченков С. Д. Правовые инновации в налоговом администрировании: модели адаптации и трансформация правового регулирования в цифровую эпоху // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 145–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.19>

Введение

Современный этап развития государственности характеризуется переходом от декларативной информатизации к глубокой цифровой трансформации всех публичных институтов. Этот вектор нормативно закреплён в Указе Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309, который определяет цифровую трансформацию государственного управления как одну из национальных целей развития на период до 2030 года. В налоговой сфере данные процессы протекают наиболее интенсивно, опережая развитие других отраслей права.

Однако стремительное внедрение технологий порождает существенный разрыв между техническими возможностями фискальных органов и состоянием нормативно-правовой базы. Возникает феномен «регуляторного отставания», когда новые экономические сущности (цифровые активы, алгоритмическая торговля, экосистемы) уже функционируют, а правовые модели их налогообложения ещё не сформированы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления моделей, с помощью которых правовая система адаптируется к технологическим вызовам. В фокусе внимания находятся не только вопросы процедурного характера (как проводить проверки в цифровую эпо-

ху), но и сущностные проблемы: как регулировать цифровые инвестиции и как обеспечить баланс между фискальной прозрачностью и экономической безопасностью бизнеса.

Эволюция моделей правового регулирования: от отчетности к «встроенному» налогу

Для понимания логики правовых инноваций необходимо обратиться к периодизации процессов цифровизации. О.И. Лютова (2024) предлагает глубокий анализ эволюции налоговых обязанностей, выделяя этапы, на которых менялась сама парадигма взаимодействия государства и плательщика. Если на ранних этапах речь шла лишь об электронном документообороте, то сегодня мы наблюдаем трансформацию сущности налогового обязательства [4, с. 75].

Глобальным ориентиром в этом процессе выступает концепция Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), изложенная в докладе «Tax Administration 3.0». Данная модель предполагает переход от ретроспективного контроля (проверка того, что уже случилось) к контролю в режиме реального времени. В модели 3.0 налоговое администрирование встраивается в естественные бизнес-системы налогоплательщиков.

В правовом поле это означает смену регуляторной модели:

1. Модель 1.0 (Оцифровка). Законодательство регулирует форматы электронных документов, но сохраняет традиционные процедуры декларирования.

2. Модель 2.0 (Экосистема данных). Правовое регулирование фокусируется на межведомственном обмене данными и перекрестном контроле (текущий этап для большинства развитых стран, включая РФ).

3. Модель 3.0 (Интеграция). Правовые нормы переносят обязанность по исчислению налога с плательщика на алгоритмы, встроенные в транзакционные системы.

Российская практика движется в сторону третьей модели, что подтверждается внедрением режима автоматизированной упрощенной системы налогообложения (АУСН) и развитием института единого налогового счета.

Новые объекты регулирования: проблема цифровых финансовых активов

Цифровая трансформация не ограничивается изменением процедур контроля; она порождает принципиально новые объекты инвестирования и налогообложения. Д.Е. Матыцин и А.О. Иншакова (2024) в своем исследовании справедливо указывают на сложную природу цифровых финансовых активов (ЦФА) как объекта правового регулирования [5, с. 18].

Использование ЦФА в качестве инвестиций открывает огромные возможности для экономики, однако создает «серые зоны» в налоговом праве. Проблемы правового регулирования здесь лежат в плоскости квалификации дохода и определения момента возникновения налоговой базы. Как отмечают авторы, отсутствие четких правовых дефиниций и механизмов контроля за оборотом ЦФА может сдерживать приток инвестиций. Правовые инновации в этой сфере должны быть направлены на создание прозрачного режима, который, с одной стороны, легализует доходы от «криптоэкономики», а с другой – защитит права инвесторов [5, с. 24].

Трансформация налогового контроля и экономическая безопасность

Внедрение цифровых технологий кардинально меняет методологию налогового контроля, что напрямую влияет на экономическую безопасность хозяйствующих субъектов. Г.М. Касаткина и Е.А. Рябухина (2025) убедительно доказывают, что эффективность налогового администрирования сегодня выступает не просто фискальным инструментом, но фактором укрепления экономической безопасности государства и бизнеса [1, с. 15].

Связка «администрирование – безопасность» работает через категорию налоговых рисков. Г.М. Касаткина (2024) определяет управление налоговыми рисками как важнейший элемент стратегии организации [2, с. 106]. В условиях цифровизации (АСК НДС-2, онлайн-кассы) налоговые органы видят деятельность компании «насквозь». Это снижает возможности для теневой экономики, но повышает требования к качеству внутреннего комплаенса компаний.

Г.П. Комарова, О.В. Змановская и Г.М. Касаткина (2024) анализируют актуальные вопросы налоговых проверок и констатируют смещение акцента с выездных проверок на предпроверочный анализ [3, с. 1315]. Правовая инновация здесь заключается в том, что государство побуждает налогоплательщика к добровольному уточнению обязательств под угрозой назначения проверки. Такой формат взаимодействия («мягкое право» или nudging) требует специфического нормативного регулирования, чтобы исключить произвол властных субъектов.

Результаты и обсуждение

Проведенное исследование, базирующееся на компаративном анализе теоретических моделей и практических кейсов (включая российский и международный опыт), позволило сформулировать несколько фундаментальных результатов, характеризующих текущий этап трансформации налогового права и администрирования.

1. Институциональная трансформация налогового контроля: от реактивного к проактивному. Ключевым результатом

исследования является фиксация смены парадигмы налогового контроля. Анализ работ Г.П. Комаровой и соавторов (2024) показывает, что традиционная модель «выездной проверки» (post-audit), базирующаяся на ретроспективном анализе документов, де-факто уходит в прошлое [3]. Ей на смену приходит модель **проактивного мониторинга**, основанная на анализе больших данных в режиме реального времени. Результатом этой трансформации стало появление нового правового феномена – «побуждение к добровольному уточнению налоговых обязательств». Это гибридный институт, находящийся на стыке административного принуждения и партнерского диалога. С одной стороны, он снижает конфликтность (как отмечают Г.М. Касаткина и Е.А. Рябухина, это фактор укрепления экономической безопасности [1]), с другой – создает зону правовой неопределенности, где налогоплательщик может быть вынужден согласиться с мнением инспекции под угрозой назначения проверки, даже не имея возможности полноценно оспорить алгоритмические выводы. Обсуждение этого аспекта приводит к выводу о необходимости законодательной регламентации процедур «предпроверочного диалога» для защиты прав налогоплательщиков.

2. ESG-факторы как новый драйвер налогового поведения в цифровой среде. Важнейшим научным результатом является выявление взаимосвязи между нефинансовыми показателями деятельности компаний (ESG) и их налоговой дисциплиной в условиях цифровизации. Анализируя исследование Ma, Yim & Zhang (2025) [7], мы видим, что неопределенность в оценках устойчивости бизнеса (разные ESG-рейтинги) провоцирует корпорации на более агрессивное налоговое планирование. В контексте российской действительности это означает, что цифровизация администрирования не может быть изолирована от общих стандартов корпоративной прозрачности. Налоговые органы, получая доступ к массивам данных, начинают анализировать не только финансовые транзакции, но и нефинансовую отчетность. «Налоговая порядочность» становится частью ESG-профиля компании, влияя на ее инвестиционную привлекательность. Таким образом, налоговое администрирование становится

инструментом, косвенно регулирующим устойчивое развитие экономики.

3. Проблема правовой квалификации цифровых активов. Дискуссионным остается вопрос регулирования цифровых финансовых активов. Как справедливо указывают Д.Е. Матшин и А.О. Иншакова, ЦФА обладают двойственной природой – это и инвестиционный инструмент, и средство платежа, и имущественное право. Текущее налоговое законодательство пытается адаптировать к ним старые нормы (НДС, налог на прибыль), что создает барьеры для развития рынка. Результатом исследования является вывод о неэффективности фрагментарного регулирования. Необходима разработка специального налогового режима для операций с ЦФА, который учитывал бы их технологическую специфику (невозможность отмены транзакции, трансграничность, псевдонимность). Обсуждение показывает, что без создания четких правил (safe harbor) капитал будет уходить в юрисдикции с более понятным регулированием, что противоречит национальным целям развития РФ.

4. Эволюция налоговой обязанности: от действия к алгоритму. Опираясь на периодизацию О.И. Лютовой и концепцию ОЭСР, можно констатировать, что мы находимся в точке бифуркации. Налоговая обязанность трансформируется из активного действия налогоплательщика (заполнить, подать, заплатить) в пассивное согласие с действиями алгоритма (автоматическое удержание налога платформой). Это обсуждение поднимает фундаментальный вопрос о субъектности. Если налог исчисляет алгоритм, кто несет ответственность за ошибку? Текущее правовое регулирование возлагает ответственность на налогоплательщика, однако в модели «Tax Administration 3.0» это становится несправедливым [8]. Результаты исследования указывают на необходимость пересмотра института налоговой ответственности в сторону разделения рисков между налогоплательщиком, оператором цифровой платформы и государством (как разработчиком алгоритмов контроля).

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие

шие развернутые выводы и рекомендации, имеющие теоретическое и практическое значение для развития налоговой системы Российской Федерации.

1. Смена правовой модели администрирования. Цифровая трансформация привела к переходу от модели «последующего контроля» к модели «встроенного контроля» (compliance by design). Это требует концептуального обновления Налогового кодекса РФ, в котором должны быть закреплены не только процедуры проверок, но и процедуры автоматизированного мониторинга, а также статус данных, полученных с помощью систем искусственного интеллекта. Законодательство должно четко определять, в каких случаях выводы алгоритма являются основанием для доначисления налога, а в каких – лишь поводом для проведения углубленного анализа человеком.

2. Экономическая безопасность как критерий эффективности. Подтверждена гипотеза о том, что качество налогового администрирования является критическим фактором экономической безопасности. Эффективная цифровая система снижает «серую зону» экономики, выравнивает конкурентные условия и делает налоговые риски предсказуемыми. Для укрепления безопасности необходимо дальнейшее развитие сервисной составляющей ФНС, направленной на предупреждение ошибок налогоплательщиков (система предиктивной аналитики в личных кабинетах), что позволит снизить конфликтный потенциал в налоговых правоотношениях.

3. Императив адаптивности регулирования ЦФА. Правовое регулирование цифровых финансовых активов не должно быть зап-

ретительным. Для реализации инвестиционного потенциала ЦФА необходимо создание «регуляторных песочниц», где будут тестироваться налоговые режимы для токенизированных активов. Это позволит выработать оптимальные ставки и порядок администрирования, не подавляя инновационную активность бизнеса.

4. Гармонизация с нефинансовой отчетностью. В условиях глобальной прозрачности налоговая стратегия компаний становится частью их ESG-профиля. Российскому регулятору следует учитывать этот тренд, стимулируя компании к раскрытию информации о налоговых платежах (Tax Transparency) как элементу социальной ответственности. Это повысит доверие общества к налоговой системе и улучшит инвестиционный климат.

5. Баланс интересов в цифровую эпоху. Главным вызовом остается сохранение баланса между фискальной эффективностью цифрового Левиафана и правами частных лиц. Технологическая возможность тотального контроля должна быть уравновешена правовыми гарантиями защиты данных и процедурной справедливостью. Будущее налогового права – не в ужесточении санкций, а в создании такой цифровой среды, где уплата налога является наиболее простым и безопасным экономическим поведением.

Таким образом, реализация национальных целей развития до 2030 г. в части цифровой трансформации требует синхронизации технологических инноваций с глубокой модернизацией правовых институтов, ставящей во главу угла экономическую безопасность и правовую определенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Касаткина, Г. М. Эффективность налогового администрирования как фактор снижения налоговых рисков и укрепления экономической безопасности / Г. М. Касаткина, Е. А. Рябухина // *Global & Regional Research*. – 2025. – Т. 7, № 2. – С. 13–22.
2. Касаткина, Г. М. Налоговые риски в экономической безопасности организации / Г. М. Касаткина // *Экономическая безопасность: финансовые, правовые и IT-аспекты : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., Иркутск – Томск, 23 ноября 2023 года.* – Иркутск : Байкал. гос. ун-т, 2024. – С. 104–109.
3. Комарова, Г. П. Актуальные вопросы налоговых проверок / Г. П. Комарова, О. В. Змановская, Г. М. Касаткина // *Baikal Research Journal*. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 1313–1326. – DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1313-1326
4. Лютова, О. И. Налоговые обязанности в цифровую эпоху: периодизация правового регулирования / О. И. Лютова // *Антиномии*. – 2024. – Т. 24, вып. 1. – С. 73–88. – DOI: 10.17506/26867206_2024_24_1_73

5. Матыцин, Д. Е. Использование цифровых финансовых активов в качестве инвестиций: проблемы правового регулирования / Д. Е. Матыцин, А. О. Иншакова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 16–26. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.1.2
6. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // *Собрание законодательства РФ*. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.
7. Ma, Y. The Cost of ESG Rating Disagreement: Increased Corporate Tax Avoidance in China / Y. Ma, S. Yim, L. Zhang // *International Tax and Public Finance*. – 2025. – DOI: 10.1007/s10797-025-09927-3
8. OECD. *Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration*. – Paris : OECD Publishing, 2020. – URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-3-0-the-digital-transformation-of-tax-administration_ca274cc5-en.html

REFERENCES

1. Kasatkina G.M., Ryabukhina E.A. Effektivnost nalogovogo administrirovaniya kak faktor snizheniya nalogovykh riskov i ukrepleniya ekonomicheskoy bezopasnosti [Efficiency of Tax Administration as a Factor in Reducing Tax Risks and Strengthening Economic Security]. *Global & Regional Research*, 2025, vol. 7, no. 2, pp. 13–22.
2. Kasatkina G.M. Nalogovye riski v ekonomicheskoy bezopasnosti organizatsii [Tax Risks in the Economic Security of an Organization]. *Ekonomicheskaya bezopasnost: finansovyye, pravovyye i IT-aspekty: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf., Irkutsk – Tomsk, 23 noyabrya 2023 goda* [Economic Security: Financial, Legal, and IT Aspects: Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk – Tomsk, November 23, 2023]. Irkutsk, Baykal. gos. un-t, 2024, pp. 104–109.
3. Komarova G.P., Zmanovskaya O.V., Kasatkina G.M. Aktualnye voprosy nalogovykh proverok [Actual Issues of Tax Audits]. *Baikal Research Journal*, 2024, vol. 15, no. 3, pp. 1313–1326. DOI: 10.17150/2411-6262.2024.15(3).1313-1326
4. Lyutova O.I. Nalogovye obyazannosti v cifrovuyu epokhu: periodizatsiya pravovogo regulirovaniya [Tax Obligations in the Digital Age: Periodization of Legal Regulation]. *Antinomii* [Antinomies], 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 73–88. DOI: 10.17506/26867206_2024_24_1_73
5. Matytsin D.E., Inshakova A.O. Ispolzovaniye cifrovyykh finansovykh aktivov v kachestve investitsiy: problemy pravovogo regulirovaniya [Using Digital Financial Assets as Investments: Problems of the Legal Regulation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.2>
6. Ukaz Prezidenta RF ot 7 maya 2024 g. № 309 «O natsionalnykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036”]. *Sobraniye zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2024, no. 20, art. 2584.
7. Ma Y., Yim S., Zhang L. The Cost of ESG Rating Disagreement: Increased Corporate Tax Avoidance in China. *International Tax and Public Finance*, 2025. DOI: 10.1007/s10797-025-09927-3
8. OECD. *Tax Administration 3.0: The Digital Transformation of Tax Administration*. Paris, OECD Publishing, 2020. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-3-0-the-digital-transformation-of-tax-administration_ca274cc5-en.html

Information About the Author

Stanislav D. Kazachenkov, Senior Lecturer, Department of Financial and Administrative Law, Rostov State University of Economics, Bolshaya Sadovaya St, 69, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, kazachenkov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8090-6800>

Информация об авторе

Станислав Дмитриевич Казаченков, старший преподаватель кафедры финансового и административного права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), ул. Большая Садовая, 69, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, kazachenkov94@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8090-6800>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.20>

UDC 67.404.2

LBC 347.53

Submitted: 27.11.2025

Accepted: 27.02.2026

RESTRICTIONS ON CIVIL RIGHTS OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC

Ulan D. Dzhakipov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper provides a comprehensive comparative law analysis of the legislative restrictions on civil rights imposed on internal affairs officers in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. The relevance of the study is determined by the necessity to find an optimal balance between the legitimate restrictions arising from the specific nature of law enforcement service and the need to ensure legal guarantees for the internal affairs officers themselves. **Methods:** the methodological framework is based on the comparative law, formal legal, historical legal and systemic research methods. **Results:** the study identifies both common approaches to establishing key restrictions (such as the prohibition of entrepreneurship and strikes) and significant differences in the regulation of the civil rights of internal affairs officers in the two countries under consideration. **Conclusions:** the author formulates specific proposals for improving the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. These proposals concern the liberalization of the permit-based procedure for traveling abroad; the development and legislative establishment of a system of compensatory mechanisms for the imposed restrictions; the enhancement of the legislative level of procedural guarantees; and the unification of approaches to regulating restrictions within both states.

Key words: internal affairs officer, restrictions on civil rights, law enforcement agencies, comparative analysis, legislation of the Russian Federation, legislation of the Kyrgyz Republic, legal status.

Citation. Dzhakipov U.D. Restrictions on Civil Rights of Internal Affairs Officers: A Comparative Legal Analysis of the Legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 151-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.20>

**ОГРАНИЧЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

Улан Дженишович Джакипов

Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации
им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ законодательных ограничений гражданских прав, налагаемых на сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации и Кыргызской Республике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска оптимального баланса между законными ограничениями, вызванными особым характером правоохранительной службы, и необходимостью обеспечения правовых гарантий для самих сотрудников органов внутренних дел. **Методологическую основу** составили: сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой и системный методы исследования. **Результаты:** в ходе исследования выявлены как общие подходы к установлению ключевых ограничений (запрет предпринимательства, забастовок), так и существенные различия в регулировании гражданских прав сотрудников органов внутренних дел рассматриваемых стран. **Выводы:** сформулированы конкретные предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики в области разрешительного порядка выезда за границу в сторону его либерализации; разработки и законодательного закрепления системы компенсационных механизмов за установленные ограничения; повышения уровня законодательного закрепления процедурных гарантий; унификации подходов к регулированию ограничений в рамках обоих государств.

Ключевые слова: сотрудник ОВД, ограничения гражданских прав, правоохранительные органы, сравнительный анализ, законодательство Российской Федерации, законодательство Кыргызской Республики, правовой статус.

Цитирование. Джакипов У. Д. Ограничение гражданских прав сотрудников органов внутренних дел: сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 151–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.20>

Введение

Современная правоохранительная система представляет собой сложный социально-правовой институт, эффективность функционирования которого напрямую зависит от правового статуса ее сотрудников. Сотрудник органов внутренних дел как особый субъект права характеризуется дуализмом правового положения: с одной стороны, он является носителем государственно-властных полномочий, а с другой – остается гражданином, обладающим конституционными правами и свободами. Это объективное противоречие разрешается через установление системы сбалансированных ограничений гражданских прав [6, с. 34].

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, наблюдается постоянный

поиск оптимального баланса между необходимыми ограничениями и гарантиями прав сотрудника, что непосредственно влияет на эффективность служебной деятельности и социальное самочувствие личного состава. Во-вторых, отсутствие комплексных сравнительно-правовых исследований ограничений гражданских прав сотрудников органов внутренних дел (далее по тексту – ОВД) в контексте российско-кыргызского правового диалога создает научный вакуум, требующий заполнения (см.: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020).

Степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием значитель-

ного количества трудов, посвященных административно-правовому статусу сотрудников ОВД (работы Д.И. Гушина, А.В. Куракина, К.С. Саркисяна), а также исследований, изучающих в целом проблему ограничения субъективных гражданских прав (Т.В. Дерюгина [4, с. 36], Л.А. Чеговадзе [10, с. 22]), либо ограничений прав государственных служащих (работы Ж.К. Абакировой, С.М. Петрова). Однако сравнительный анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики в контексте гражданско-правовых ограничений остается недостаточно изученным.

Анализ норм Гражданского кодекса Кыргызской Республики позволяет констатировать наличие двух устойчивых тенденций в правовом регулировании деликтной ответственности органов государственной власти. С одной стороны, в гражданском законодательстве Кыргызской Республики воспроизводятся базовые принципы ответственности за вред, причиненный публичной властью, которые в целом коррелируют с подходами, закрепленными в гражданском праве Российской Федерации. С другой стороны, при формальном совпадении ключевого условия наступления ответственности – незаконности поведения причинителя вреда – его нормативно-правовое содержание в указанных правовых системах имеет существенные различия.

Указанные расхождения обусловлены различным доктринальным и нормативным пониманием категории «законодательство». Так, в соответствии с положениями ГК КР данное понятие интерпретируется в расширительном смысле и охватывает не только сам Гражданский кодекс и законы, но также иные нормативные правовые акты и международные договоры. В то же время гражданское законодательство Российской Федерации, согласно ГК РФ, ограничивается Гражданским кодексом и федеральными законами. В результате в российском правовом порядке юридическая ответственность органов внутренних дел и иных публичных органов обусловлена исключительно нарушением норм федерального законодательства, тогда как в Кыргызской Республике правовая оценка незаконности поведения осуществляется с учетом более широкого круга источников права, включая

подзаконные нормативные акты и международно-правовые обязательства государства [7, с. 150].

Целью настоящего исследования является проведение комплексного сравнительно-правового анализа законодательных ограничений гражданских прав сотрудников ОВД в Российской Федерации и Кыргызской Республике, оценка их обоснованности и соразмерности, а также выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть понятие и правовую природу ограничений гражданских прав сотрудников ОВД; определить систему и классификацию данных ограничений; провести сравнительный анализ нормативной базы Российской Федерации и Кыргызской Республики; выявить общие закономерности и национальные особенности правового регулирования; сформулировать конкретные предложения по оптимизации законодательства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с установлением и реализацией ограничений гражданских прав сотрудников ОВД. Предметом исследования являются нормы конституционного, гражданского, административного и специального отраслевого законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики, регламентирующие данные ограничения.

Методологическую основу составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение) и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический, историко-правовой, системный). Применение сравнительно-правового метода позволило выявить универсальные и специфические черты правового регулирования в рассматриваемых в статье странах.

Теоретическую основу исследования составили научные труды российских и кыргызских ученых в области административного, гражданского и конституционного права.

Нормативную базу исследования образуют Конституции Российской Федерации и Кыргызской Республики, федеральные законы Российской Федерации, законы Кыргыз-

кой Республики, подзаконные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы службы в органах внутренних дел.

Теоретико-правовые основы ограничений гражданских прав сотрудников ОВД

Ограничения гражданских прав сотрудников ОВД представляют собой установленные федеральным законом изъятия из общего правового статуса гражданина, обусловленные спецификой правоохранительной службы и направленные на обеспечение ее эффективности, беспристрастности и публичных интересов [3, с. 56].

Правовая природа данных ограничений характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, они носят легальный характер, то есть устанавливаются исключительно на уровне закона (в Российской Федерации – федерального закона, в Кыргызской Республике – закона республики). Это соответствует конституционному принципу, согласно которому права и свободы человека могут быть ограничены только федеральным законом (см.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416).

Во-вторых, ограничения имеют целевой характер – они направлены на достижение конституционно значимых целей: обеспечение национальной безопасности, общественного порядка, защиту прав и законных интересов других лиц.

В-третьих, они должны соответствовать критерию соразмерности, то есть быть адекватными, необходимыми и пропорциональными преследуемым целям [8, с. 78].

Система ограничений гражданских прав сотрудников ОВД может быть классифицирована по различным основаниям.

По *сфере реализации прав* выделяют: ограничения в экономической сфере (запрет на предпринимательскую деятельность); ограничения политических прав (ограничения на членство в политических партиях, участие в политических акциях); ограничения личных прав (свободы передвижения, неприкосновен-

ности частной жизни); ограничения социально-культурных прав (права на забастовку) [5, с. 112].

По *юридической силе нормативного акта* различаются ограничения, установленные на конституционном уровне; на уровне законов; на уровне подзаконных актов.

По *степени определенности* ограничения могут быть абсолютными (полный запрет); относительными (допускающими исключения) [1, с. 111].

Сравнительный анализ ограничений гражданских прав в законодательстве Российской Федерации и Кыргызской Республике

Запрет на предпринимательскую деятельность. В Российской Федерации (ст. 17 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и Кыргызской Республике (ст. 11 Закона «Об органах внутренних дел Кыргызской Республики») содержится прямой и безусловный запрет на занятие предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц.

Сравнительный анализ показывает полную унификацию данного подхода, что отражает единое понимание законодателями недопустимости совмещения государственно-властных полномочий с коммерческой активностью. Это служит важной антикоррупционной мерой и предотвращает конфликт интересов.

Ограничения в области имущественных отношений. Законодательство обеих стран устанавливает дополнительные ограничения в имущественной сфере. В частности, предусмотрена обязанность сотрудников предоставлять сведения о своих доходах и имуществе, а также о доходах и имуществе членов своей семьи. В Российской Федерации этот институт регламентирован более детально, включая контроль за крупными расходами.

Ограничения права на объединение. Сотрудники ОВД в обеих странах не вправе состоять в политических партиях, участвовать в политических акциях. Однако законодательство Кыргызской Республики содержит более

детальную регламентацию данных ограничений, включая запрет на публичные политические высказывания.

Ограничения права на участие в управлении делами государства. В Российской Федерации сотрудники ОВД не могут быть членами законодательных органов, а в Кыргызской Республике дополнительно установлен запрет на занятие выборных должностей в органах местного самоуправления.

Ограничения свободы передвижения. В Российской Федерации (ст. 15 ФЗ № 342-ФЗ) установлен уведомительный порядок выезда за пределы страны. Сотрудник обязан уведомлять руководителя о каждом факте выезда. Фактический запрет может быть установлен лишь при наличии допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

В Кыргызской Республике (ст. 48 Закона «Об органах внутренних дел») действует более строгий разрешительный порядок. Выезд сотрудника за пределы республики допускается только с разрешения непосредственного начальника или вышестоящего руководителя [2, с. 134].

Сравнительный анализ выявляет существенное различие в подходах. Разрешительный порядок в Кыргызской Республике представляет собой более жесткое ограничение прав сотрудника и требует дополнительного обоснования своей соразмерности.

Ограничения неприкосновенности частной жизни. В законодательствах рассматриваемых стран установлена обязанность сотрудников правоохранительных органов сообщать как о месте своей регистрации, так и о месте своего фактического нахождения. В то время как в Российской Федерации данное требование закреплено преимущественно в ведомственных нормативных актах, в законодательстве Кыргызской Республики – на уровне закона.

Запрет на забастовку. Законодательство рассматриваемых в статье стран (ст. 28 ФЗ № 342-ФЗ в Российской Федерации и соответствующая норма в Законе Кыргызской Республики) прямо запрещает сотрудникам ОВД участие в забастовках. Обоснование данного ограничения заключается в обеспечении непрерывности функционирования правоохранительной системы.

В качестве компенсации законодатель предусматривает альтернативные процедуры разрешения коллективных трудовых споров, однако их эффективность на практике требует дополнительного изучения в сравнительном аспекте.

Проблемы реализации ограничений и пути совершенствования законодательства

Проведенный анализ выявил ряд системных проблем в регулировании ограничений гражданских прав сотрудников ОВД рассматриваемых стран.

Во-первых, наблюдается дисбаланс между уровнем закрепления ограничений и гарантий. Если ограничения часто устанавливаются на уровне закона, то многие гарантии остаются в сфере подзаконного регулирования.

Во-вторых, в законодательстве Кыргызской Республики присутствуют более жесткие ограничения (разрешительный порядок выезда), не всегда имеющие адекватное обоснование.

В-третьих, в обеих странах недостаточно развиты альтернативные механизмы защиты прав сотрудников, компенсирующие установленные ограничения [9, с. 167].

На основе проведенного исследования предлагаются следующие меры по оптимизации правового регулирования: в законодательстве Кыргызской Республики представляется целесообразным рассмотреть вопрос о пересмотре разрешительного порядка выезда за границу в сторону его либерализации; разработке и законодательном закреплении системы компенсационных механизмов за установленные ограничения.

В законодательстве Российской Федерации представляется целесообразным рассмотреть вопрос о повышении уровня законодательного закрепления процедурных гарантий; унифицировании подходов к регулированию ограничений в рамках ЕАЭС.

МВД России и МВД Кыргызской Республики в рамках двустороннего сотрудничества представляется целесообразным рассмотреть вопрос о разработке единых стандартов применения ограничений; создании эффективных внесудебных механизмов разрешения служеб-

ных споров; гармонизировании подходов к установлению и реализации ограничений.

Заключение

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Законодательство Российской Федерации и Кыргызской Республики демонстрирует высокую степень унификации в подходах к установлению наиболее существенных ограничений гражданских прав сотрудников ОВД (запрет на предпринимательство и забастовки), что подтверждает их объективную необходимость и обоснованность.

Наиболее значимые различия выявлены в регулировании свободы передвижения (уве-

домительный порядок в Российской Федерации и, напротив, разрешительный в Кыргызской Республике), а также в степени детализации ограничений политических прав.

Общей проблемой для обеих стран является недостаточный уровень законодательного закрепления гарантий прав сотрудников, компенсирующих установленные ограничения.

Наблюдается тенденция к гармонизации законодательства в исследуемой сфере, что соответствует общим интеграционным процессам.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении зарубежного опыта регулирования ограничений прав сотрудников правоохранительных органов, а также в проведении социологических исследований эффективности установленных ограничений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы науки частного права : монография / под ред. Ю. Н. Андреева, Т. В. Дерюгиной, Л. А. Чеговадзе. – М. : Проспект, 2024. – 1072 с.
2. Абакирова, Ж. К. Административно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел Кыргызской Республики : дис. ... канд. юрид. наук / Абакирова Ж. К. – Бишкек, 2021. – 210 с.
3. Гушин, Д. И. Служебное право : учеб. для вузов / Д. И. Гушин. – М. : Юрайт, 2022. – 456 с.
4. Дерюгина, Т. В. Об ограничениях гражданских прав в общем, и об ограничениях гражданских прав обладателя цифровой валюты в частности / Т. В. Дерюгина // Власть закона. – 2025. – № 3 (63). – С. 34–46.
5. Куракин, А. В. Административно-правовой статус сотрудников правоохранительных органов : монография / А. В. Куракин. – М. : Юнити-Дана, 2020. – 367 с.
6. Петров, С. М. Ограничения прав государственных служащих: теория и практика / С. М. Петров // Государство и право. – 2023. – № 4. – С. 34–48.
7. Рысбекова, Б. Р. Понятие гражданско-правовой ответственности органов внутренних дел при причинении вреда в Российской Федерации и Кыргызской Республике / Б. Р. Рысбекова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 148–155. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.19>
8. Саркисян, К. С. Правовой статус сотрудника полиции: сравнительно-правовое исследование / К. С. Саркисян. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. – 278 с.
9. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Правовые системы стран СНГ / под ред. В. И. Лафитского. – М. : Норма, 2022. – 672 с.
10. Чеговадзе, Л. А. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. – 2021. – № 2. – С. 22–40.

REFERENCES

1. Andreyev Yu.N., Deryugina T.V., Chegovadze L.A. *Aktualnye problemy nauki chastnogo prava: monografiya* [Current Issues in the Science of Private Law. Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 1072 p.
2. Abakirova Zh.K. *Administrativno-pravovoj status sotrudnika organov vnutrennih del Kyrgyzskoj Respubliki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Administrative and Legal Status of an Employee of the Internal Affairs Bodies of the Kyrgyz Republic. Cand. jurid. sci. diss.]. Bishkek, 2021. 210 p.
3. Gushchin D.I. *Sluzhebnoye pravo: ucheb. dlya vuzov* [Service Law. Textbook for Universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 456 p.
4. Deryugina T.V. Ob ogranicheniyakh grazhdanskikh prav v obshchem, i ob ogranicheniyakh grazhdanskikh prav obladatelya cifrovoy valyuty v chastnosti [On Restrictions of Civil Rights in General,

and on Restrictions of the Civil Rights of the Owner of Digital Currency in Particular]. *Vlast zakona*, 2025, no. 3 (63), pp. 34-46.

5. Kurakin A.V. *Administrativno-pravovoj status sotrudnikov pravoohranitelnykh organov: monografiya* [Administrative and Legal Status of Law Enforcement Officers. Monograph]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2020. 367 p.

6. Petrov S.M. Ogranicheniya prav gosudarstvennykh sluzhashchikh: teoriya i praktika [Restrictions on the Rights of Civil Servants: Theory and Practice]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2023, no. 4, pp. 34-48.

7. Rysbekova B.R. Ponyatiye grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti organov vnutrennikh del pri prichinenii vreda v Rossiyskoy Federatsii i Kyrgyzskoy Respublike [The Concept of Civil Liability of Internal Affairs Bodies in Case of Harm in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 2, pp. 148-155. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.2.19>

8. Sarkisyan K.S. *Pravovoj status sotrudnika policii: sravnitelno-pravovoye issledovaniye* [Legal Status of a Police Officer: A Comparative Legal Study]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2021. 278 p.

9. Lafitskiy V.I., ed. *Sravnitelnoye pravovedeniye: nacionalnye pravovye sistemy. Pravovye sistemy stran SNG* [Comparative Law: National Legal Systems. Legal Systems of the CIS Countries]. Moscow, Norma Publ., 2022. 672 p.

10. Chegovadze L.A., Deryugina T.V. Dogmatika sodержaniya subyektivnogo prava i problemy yego sudebnoy zashchity [Dogmatics of the Content of Subjective Right and the Problems of Its Judicial Protection]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II, Pravo*, 2021, no. 2, pp. 22-40.

Information About the Author

Ulan D. Dzhakipov, Adjunct, Faculty of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, ulan.dzhakyp@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1657-7986>

Информация об авторе

Улан Дженишович Джакипов, адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров, Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, ulan.dzhakyp@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1657-7986>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.21>

UDC 327.3(100):343.575

LBC 66.4(0),305

Submitted: 29.11.2025

Accepted: 27.02.2026

EVOLUTION OF THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE BRICS ANTI-DRUG POLICY IN THE SUMMIT DECLARATIONS (2009–2024)

Grigory A. Udodov

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: combating drug trafficking, a complex transnational threat to public health, security, and sustainable development, has become one of the priority areas of cooperation within BRICS. However, a systematic analysis of the evolution of the legal and institutional foundations of this policy within such a heterogeneous association is required. This work examines the reflection of anti-drug issues in the final BRICS summit declarations.

Purpose: based on a systematic analysis of the BRICS summit declarations from 2009 to 2024, identify and characterize the main stages and substantive directions in the formation of the group's unified anti-drug policy. **Methodology:** the research methodology is based on the application of the principles of the comparative-historical method and content analysis of the declaration texts. **Results:** the conducted research has made it possible to identify key stages of evolution: from the absence of the issue in the early period (2009–2012), through its initial verbalization (2013) and institutional formalization (2014), to systemic integration into the overall security architecture (2018–2024). **Conclusions:** the BRICS anti-drug policy has undergone a full development cycle, forming a mature system based on an unshakable legal platform (UN conventions of 1961, 1971, 1988), an established institutional mechanism (the Anti-Drug Working Group), and a comprehensive understanding of the link between the drug threat and terrorism, organized crime, and corruption. Despite persistent challenges, the forecast for the development of cooperation is assessed as moderately optimistic.

Key words: BRICS, anti-drug policy, drug trafficking, summit declarations, evolution, international cooperation, transnational crime, BRICS Anti-Drug Working Group.

Citation. Udodov G.A. Evolution of the Legal Foundations of the BRICS Anti-Drug Policy in the Summit Declarations (2009–2024). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2026, vol. 25, no. 1, pp. 158–168. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.21>

УДК 327.3(100):343.575

ББК 66.4(0),305

Дата поступления статьи: 29.11.2025

Дата принятия статьи: 27.02.2026

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БРИКС В ДЕКЛАРАЦИЯХ САММИТОВ (2009–2024 гг.)

Григорий Александрович Удодов

Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: противодействие незаконному обороту наркотиков, представляющему собой комплексную транснациональную угрозу общественному здоровью, безопасности и устойчивому развитию, стало одним из приоритетных направлений сотрудничества в рамках БРИКС. Вместе с тем требуется системный анализ эволюции правовых и институциональных основ данной политики в столь разнородном объединении. В настоящей работе изучается отражение антинаркотической проблематики в итоговых декларациях саммитов БРИКС. **Цель:** на основе системного анализа деклараций саммитов БРИКС с 2009 по 2024 г. выявить и охарактеризовать основные этапы и содержательные направления формирования единой антинаркотической политики указанной группы стран. **Методология** исследования базируется на применении принципов сравнительно-исторического метода и контент-анализа текстов деклараций. **Результаты** проведенного исследования позволили выделить ключевые этапы эволюции: от отсутствия проблематики в ранний период (2009–2012) через ее первоначальную вербализацию (2013) и институциональное оформление (2014) к системной

интеграции в общую архитектуру безопасности (2018–2024). **Выводы:** антинаркотическая политика БРИКС прошла полный цикл развития, сформировав зрелую систему, основанную на незыблемой правовой платформе (конвенции ООН 1961, 1971, 1988 гг.), отлаженном институциональном механизме (Антинаркотическая рабочая группа) и комплексном понимании связи наркоугрозы с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией. Несмотря на сохраняющиеся вызовы, прогноз развития сотрудничества оценивается как умеренно оптимистичный.

Ключевые слова: БРИКС, антинаркотическая политика, незаконный оборот наркотиков, декларации саммитов, эволюция, международное сотрудничество, транснациональная преступность, Антинаркотическая рабочая группа БРИКС.

Цитирование. Удодов Г. А. Эволюция правовых основ антинаркотической политики БРИКС в декларациях саммитов (2009–2024 гг.)// Legal Concept = Правовая парадигма. – 2026. – Т. 25, № 1. – С. 158–168. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2026.1.21>

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной глобализацией вызовов, связанных с незаконным оборотом наркотиков и наркоторговлей, которые в современную эпоху трансформировались в одну из наиболее серьезных транснациональных угроз. Данное явление носит комплексный деструктивный характер, подрывая основы общественного здоровья, способствуя распространению опасных заболеваний, разрушая человеческий потенциал и нанося масштабный социально-экономический ущерб.

Параллельно наркобизнес представляет собой прямую угрозу национальной и международной безопасности, будучи тесно интегрированным с такими явлениями, как финансирование терроризма, деятельность организованных преступных групп, коррупция и отмывание денег, что в совокупности создает серьезные препятствия для достижения целей устойчивого развития.

В этом контексте особое значение приобретает изучение роли и подходов БРИКС – неформального, но влиятельного объединения, позиционирующего себя в качестве одного из ключевых центров формирующейся многополярной мировой политики. Страны БРИКС, обладая значительным демографическим, экономическим и политическим весом, а также находясь на критически важных для глобального наркотрафика географических направлениях, несут особую ответственность и имеют стратегический интерес в выработке согласованных мер противодействия данной угрозе.

Постановка проблемы заключается в наличии объективной необходимости координа-

ции антинаркотической политики в рамках столь разнородной группы государств. Уникальность БРИКС состоит в объединении стран с различными историко-культурными традициями, правовыми системами, моделями уголовного преследования и неидентичными внутренними вызовами, связанными с наркопреступностью. Эта разнородность, с одной стороны, является источником комплексного подхода, но с другой – порождает существенные сложности в достижении консенсуса и формировании единых правовых и оперативных стандартов.

Исходя из вышесказанного, центральной проблемой исследования является анализ того, каким образом в условиях институциональной гибкости и правового плюрализма государствам – членам БРИКС удастся (или нет) конструировать общее правовое поле и эффективные институциональные механизмы для совместного противодействия транснациональной наркопреступности.

В соответствии с указанной проблемой объектом исследования определена политика БРИКС в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков. Предметом исследования выступает эволюция правовых основ и институциональных механизмов данной политики, непосредственно отраженная в текстах итоговых деклараций саммитов объединения с 2009 по 2024 год.

Цель статьи – на основе системного анализа деклараций саммитов БРИКС за данный период выявить и охарактеризовать основные этапы и содержательные направления формирования единой антинаркотической политики указанной группы стран.

Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: просле-

дить динамику упоминания проблематики в документах; идентифицировать ключевые международные правовые нормы, легитимирующие сотрудничество; проанализировать процесс создания и развития профильных рабочих органов; определить эволюцию контекстуальных связей наркоугрозы с иными вызовами безопасности.

Методологическую основу работы составляют принципы сравнительно-исторического метода, позволяющего провести диахронный анализ эволюции подходов БРИКС и выделить ключевые вехи в развитии его антинаркотической стратегии. Вторым ключевым методом является контент-анализ текстов деклараций саммитов, направленный на выявление частоты, контекста и семантических изменений в использовании ключевых понятий, правовых отсылок и институциональных решений, связанных с темой наркотиков.

Обзор научной литературы

Проблематика антинаркотической политики и сотрудничества в рамках БРИКС привлекает внимание исследователей из разных стран-участниц. Проведенный анализ научных работ позволяет выделить несколько ключевых тематических направлений, в рамках которых рассматривается данная проблематика.

Во-первых, ряд исследований посвящен непосредственно институциональному развитию и правовым основам взаимодействия в рамках объединения. Работа Р.В. Нигматуллина [1] предлагает комплексный анализ эволюции сотрудничества государств БРИКС в сфере противодействия наркопреступности, рассматривая его в контексте многосторонней дипломатии. Более широкий взгляд на международное сотрудничество по уголовным делам и его современные тенденции представлен в исследовании О.С. Колосович [2]. Легитимности и основополагающим ориентирам уделено внимание в работе А.С. Григоряна [3], в которой рассматриваются подходы к международному праву, обеспечивающие нормативную базу для любых совместных действий, включая борьбу с наркотиками.

Во-вторых, значительное число работ фокусируется на национальных особенностях и сравнительно-правовом анализе. Исследование В.А. Шестак и В.Э. Карпович [4] поднимает

сложный вопрос соизмеримости наказаний на примере смертной казни, применяемой в Индии за наркопреступления, что подчеркивает фундаментальные расхождения в уголовно-правовых подходах внутри БРИКС. И.Б. Григорьев [5] изучает зарубежный опыт стран объединения в сфере правового регулирования статуса отдельных категорий лиц, что также может иметь значение для выстраивания скоординированной правоохранительной деятельности. Роль России как активного участника международных усилий по противодействию наркотрафику раскрывается в статье Ш.Д. Содикова [6].

В-третьих, актуальные вызовы наркорынка и формы угроз находят отражение в современных исследованиях. Появление новых психоактивных веществ (далее – НПВ) как глобальная проблема анализируется в работе авторов Р.Б. Иванченко, А.В. Полякова и О.В. Демидовой [7], где рассматриваются системные вызовы, порождаемые этим феноменом. Отдельный, но смежный аспект, связанный с легальным оборотом контролируемых фармацевтических препаратов в условиях расширяющегося рынка БРИКС+, поднимается в исследовании Д.Д. Вихарева [8].

В-четвертых, вопросы оперативного взаимодействия и применения технологий также освещаются в научной литературе. Работа коллектива авторов И.Н. Архипцева, А.В. Сарычева и А.Б. Белошапко [9] посвящена конкретным направлениям использования информационных технологий в раскрытии наркопреступлений, что напрямую связано с практической стороной сотрудничества. Краткий обзор В.И. Малика [10], посвященный данным УНП ООН, служит важным источником для понимания текущей глобальной наркоситуации, на фоне которой действует БРИКС.

Таким образом, научная литература охватывает широкий спектр вопросов – от общих рамок международного права до конкретных оперативных методик. Однако в ней отмечается дефицит комплексных работ, которые бы системно анализировали именно эволюцию антинаркотической повестки БРИКС на основе анализа ее ключевых программных документов – деклараций саммитов, что и определяет новизну и цель настоящего исследования.

Институционализация антинаркотической политики БРИКС

Формирование антинаркотической политики в рамках межгосударственных объединений представляет собой сложный многоэтапный процесс, требующий выработки консенсуса между странами-участницами, обладающими различными правовыми системами и подходами к противодействию преступности. Анализ деклараций саммитов БРИКС за начальный период (2009–2012 гг.) [11–14] позволяет констатировать полное отсутствие проблематики незаконного оборота наркотиков в итоговых документах.

Указанный факт следует интерпретировать не как игнорирование угрозы со стороны государств-учредителей, но скорее как закономерное следствие приоритетов институционального строительства БРИКС. На этапе своего становления объединение было сосредоточено на решении фундаментальных задач экономической и финансовой координации, выстраивании диалога по вопросам глобального управления и реформирования международных финансовых институтов. В этих условиях вопросы безопасности, в том числе противодействие наркопреступности, оставались на периферии общей повестки, уступая приоритет формированию организационной идентичности и базовых институтов взаимодействия.

Поворотным моментом, ознаменовавшим переход от латентного осознания проблемы к ее первичной вербализации на высшем уровне, стал V саммит БРИКС в 2013 году. В Этеквинской декларации [15] наркотики были впервые упомянуты в качестве «новой области» для потенциального сотрудничества. При этом формулировки документа носили крайне осторожный и ознакомительный характер, ограничиваясь указанием на необходимость изучения проблемы на уровне национальных компетентных ведомств.

С точки зрения уголовно-правового и международно-правового анализа данная позиция характеризуется как признание наличия транснациональной угрозы на политическом уровне, но при полном отсутствии конкретных обязательств и четких правовых ориентиров для совместных действий.

Неупоминание в тексте декларации ключевых международно-правовых инструментов, в частности трех конвенций ООН по наркотикам, а также отсутствие императивов по созданию специализированных органов внутри БРИКС свидетельствуют о том, что на данном этапе государства-члены лишь начинали процесс согласования своих позиций, не будучи готовыми к выработке единой стратегии или механизмов оперативного взаимодействия в указанной сфере. Таким образом, 2013 г. можно охарактеризовать как фазу «предполитики», когда проблема была маркирована, но ее юридическое и институциональное наполнение оставалось делом будущего.

Консолидация антинаркотической политики БРИКС

Качественно новый этап в эволюции антинаркотической политики БРИКС наступил в 2014 г., ознаменовавшись переходом от общих деклараций о намерениях к формированию конкретной правовой и институциональной основы для многостороннего сотрудничества. Данный период характеризуется стремительной консолидацией подходов государств-членов и оперативной имплементацией согласованных принципов в практическую плоскость.

VI саммит БРИКС в Форталезе стал судьбоносным моментом, в рамках которого антинаркотическая проблематика была окончательно легитимизирована в качестве самостоятельного и приоритетного направления деятельности объединения. Ключевым индикатором этого прорыва стало появление в тексте декларации отдельного пункта [16, п. 47], целиком посвященного вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков. Данное структурное изменение в документе высшего уровня свидетельствовало о достижении государствами-участниками принципиального консенсуса относительно значимости данной угрозы и необходимости ее системного решения.

Наиболее существенным с правовой точки зрения явилось закрепление в Форталезской декларации универсального международно-правового фундамента для будущего сотрудничества. В тексте п. 47 содержалось прямое и недвусмысленное упоминание трех

базовых конвенций ООН в сфере контроля над наркотиками: Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., Конвенции о психотропных веществах 1971 г. и Конвенции о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [16].

Последнее позволило перевести взаимодействие из области политических пожеланий в правовое поле, определив для всех участников единый нормативный ориентир. Ссылка на указанные конвенции, носящие для государств БРИКС обязательный характер, де-юре унифицировала понимание ключевых понятий, целей и мер противодействия, создав прочную основу для гармонизации национальных правоприменительных практик в рамках уголовного права.

Одновременно с правовой интеграцией в Форталезе был инициирован процесс институционализации антинаркотического сотрудничества. Декларация содержала конкретное предложение о создании специализированного органа – Антинаркотической рабочей группы БРИКС, а также предусматривала проведение совещаний экспертов для разработки Плана действий [16, п. 6].

Это решение демонстрирует осознание государствами-членами того, что эффективная борьба с транснациональной наркопреступностью требует не только общей правовой базы, но и создания постоянно действующего механизма для координации, обмена оперативной информацией и выработки совместных подходов.

Таким образом, 2014 г. можно охарактеризовать как момент институционального оформления антинаркотического вектора политики БРИКС, когда были заложены краеугольные камни его дальнейшего развития: структурное обособление, правовая унификация и операционализация взаимодействия через систему специализированных рабочих органов.

Период с 2018 по 2024 г. характеризуется переходом антинаркотической политики БРИКС в новое качественное состояние, для которого свойственны как интеграция в макроподходы к безопасности, так и консолидация собственных правовых и институциональных механизмов. Данный этап отражает зрелость подхода объединения, при котором борьба с незаконным оборотом наркотиков перестает быть изолированной темой и становится орга-

ничным элементом комплексной системы противодействия транснациональным угрозам.

Анализ деклараций саммитов в Йоханнесбурге (2018, 2023) [20; 25], Бразилиа (2019) [21] выявляет значимый феномен: тема наркотиков формально исчезает из перечня отдельных пунктов, однако при этом не утрачивает своей актуальности. Напротив, происходит ее содержательная интеграция в более широкие концептуальные разделы, посвященные вопросам безопасности. В Декларации 2018 г. наркоторговля идентифицируется как ключевой источник финансирования терроризма [20, п. 36], а в документах 2019 и 2023 гг. напрямую увязывается с контекстом транснациональной организованной преступности.

Подобная трансформация нарратива не свидетельствует о регрессии, но, напротив, указывает на системную инкорпорацию антинаркотической деятельности в общую архитектуру безопасности БРИКС. Борьба с незаконным оборотом наркотиков начинает восприниматься не как автономная задача, а как неотъемлемый и критически важный компонент противодействия таким явлениям, как терроризм, отмывание денег и деятельность транснациональных преступных синдикатов.

С уголовно-правовой точки зрения это отражает понимание комплексного характера современной преступности, где наркобизнес является финансовым стержнем для других тяжких и особо тяжких преступлений. Таким образом, в указанные периоды происходит концептуальное «сращивание» антинаркотического направления с общегрупповой стратегией контрпреступной деятельности, что демонстрирует возросший уровень координации и стратегического планирования.

Окончательное утверждение наркополитики БРИКС

Начиная с Московского саммита 2020 г. [22] в декларациях БРИКС вновь устойчиво фиксируется отдельный пункт, посвященный наркополитике. Это «возвращение» знаменует собой этап консолидации и детализации ранее сформированных подходов. Правовая основа была окончательно закреплена как незыблемая: в документах этого периода присутствует постоянное и прямое упоминание трех конвенций

ООН о контроле над наркотиками, что подчеркивает приверженность государств-членов устойчивым нормам международного права в условиях дебатов о глобальной наркополитике.

Институциональная составляющая также достигла высокой степени стабильности. Функционирование Антинаркотической рабочей группы БРИКС приобрело регулярный и планомерный характер, о чем свидетельствуют систематические упоминания о ее заседаниях (2020 [22], 2021 [23], 2022 [24], 2024 [26]). Данный орган превратился в ключевую практическую площадку для выработки совместных оперативных мер, обмена данными и гармонизации правоприменительной практики.

Наиболее показательной чертой этого этапа является углубление и детализация системных связей между наркопреступностью и смежными угрозами. В дополнение к устойчивой связи с терроризмом в декларациях (особенно 2021 и 2024 гг.) актуализируется проблема коррупции как фактора, способствующего наркоторговле, с акцентом на роль Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) [23, п. 33].

Кроме того, сохраняется и усиливается фокус на конкретных кризисных точках, в первую очередь на ситуации в Афганистане [24], что свидетельствует о выходе антинаркотической повестки БРИКС на уровень анализа конкретных региональных вызовов глобальной безопасности. Таким образом, к 2024 г. антинаркотическая политика БРИКС представляет собой зрелую, многоуровневую систему, сочетающую прочную правовую основу, отлаженные институты и комплексное понимание места наркоугрозы в общей палитре транснациональных рисков.

Проблематика различий в национальных политиках и уголовно-правовых системах стран БРИКС

Несмотря на единую международно-правовую основу, выраженную в трех конвенциях ООН по наркотикам (1961, 1971 и 1988 гг.), государства – члены БРИКС сохраняют существенные различия в своих национальных подходах к борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Эти различия, коренящиеся в исторических,

культурных и правовых традициях, создают практические сложности для углубления сотрудничества и формирования полностью унифицированных стандартов взаимодействия.

Основная дивергенция наблюдается в правовых моделях. Прежде всего это касается жесткости уголовного преследования. Существует значительный разрыв между странами с репрессивной моделью, где за тяжкие наркопреступления предусмотрены высшие меры наказания, и странами, где акцент смещен в сторону декриминализации хранения для личного потребления и развития реабилитационных программ. Кроме того, различаются количественные пороги, отделяющие хранение от сбыта, а также сама оценка степени общественной опасности конкретных веществ.

Приоритеты антинаркотической политики также расходятся. Одни государства БРИКС фокусируют основные усилия на силовом пресечении наркотрафика, борьбе с организованной преступностью и жестком уголовном преследовании. Другие все больше внимания уделяют стратегиям снижения вреда, профилактике, лечению наркозависимости и социальной реабилитации потребителей в рамках подхода общественного здравоохранения. Особую проблему представляет разная скорость реакции на вызовы рынка, прежде всего на появление НПВ. Механизмы и оперативность включения таких веществ в национальные запретительные списки варьируются, создавая «серые зоны» для наркоторговцев.

На оперативном уровне различия в уголовно-процессуальных системах способны создавать барьеры для эффективного взаимодействия. Запросы о правовой помощи могут сталкиваться с трудностями из-за неодинаковых стандартов сбора и допустимости доказательств, требований к оформлению документов и судебных процедур. Наконец, разная институциональная архитектура наркоконтроля, когда ответственность распределена между силовыми ведомствами, спецслужбами, органами здравоохранения или финансового мониторинга, также усложняет налаживание прямых и оперативных межведомственных каналов связи.

Соответственно, эти объективные различия не отменяют общих принципов сотрудничества, но формируют область для постоян-

ной гармонизации. Дальнейшее укрепление антинаркотического партнерства в рамках БРИКС зависит от способности стран-участниц развивать гибкие, необязывающие форматы обмена опытом, сближать правоприменительные практики и вырабатывать общие оперативные протоколы, которые позволят преодолевать правовые и процедурные нестыковки в практической работе.

Результаты

Проведенный анализ эволюции правовых основ антинаркотической политики БРИКС, отраженной в декларациях саммитов с 2009 по 2024 г., позволяет сформулировать ряд системных выводов, характеризующих становление данного направления как полноценного элемента сотрудничества государств-членов.

Прежде всего, выявлена четкая и последовательная эволюция подходов объединения от полного игнорирования проблематики на начальных этапах до ее глубокой институционализации и последующей интеграции в общую повестку региональной и глобальной безопасности. Данный переход не был линейным, однако его общий вектор свидетельствует о постепенном осознании транснациональной природы наркопреступности как вызова, требующего консолидированных и институционально оформленных ответных мер.

В рамках указанной эволюции определены ключевые вехи, каждая из которых знаменовала собой новый качественный этап развития. Так, 2014 г. (Форталезская декларация) стал моментом формирования основ, когда впервые была закреплена универсальная правовая база и предложен специализированный институциональный механизм.

Период 2015–2017 гг. можно охарактеризовать как фазу операционализации, в ходе которой произошла практическая реализация ранее достигнутых договоренностей через запуск рабочей группы и проведение профильных министерских встреч [17–19]. Наконец, этап 2018–2024 гг. демонстрирует зрелость и интеграцию, для которых свойственно как устойчивое функционирование институтов, так и концептуальное включение антинаркотической тематики в более широкие стратегические рамки борьбы с транснациональными угрозами.

Важнейшим выводом является констатация того, что на всех этапах начиная с 2014 г. незыблемой правовой основой сотрудничества неизменно выступают три конвенции ООН по наркотикам (1961, 1971, 1988 гг.). Эта устойчивая референция к устоявшимся нормам международного права служит краеугольным камнем, обеспечивающим единообразие подходов и легитимность совместных действий государств-членов в уголовно-правовой сфере.

Параллельно сформирована и доказала свою устойчивость институциональная структура. Созданная в 2014 г. Антинаркотическая рабочая группа БРИКС не только была учреждена, но и перешла к стадии регулярного и планомерного функционирования, что подтверждается систематическим упоминанием ее заседаний в итоговых документах. Это свидетельствует о переходе от разовых акций к постоянному и управляемому процессу взаимодействия компетентных органов.

Наконец, существенная трансформация произошла в контекстуальном восприятии проблемы. Если изначально она могла рассматриваться как относительно узкотематическая, то к настоящему моменту произошла ее окончательная концептуализация в качестве неотъемлемого элемента комплекса транснациональных угроз.

Проблема незаконного оборота наркотиков прочно увязана в документах БРИКС с такими явлениями, как терроризм, организованная преступность, отмывание денег и коррупция. Это отражает комплексное понимание природы современной преступности, где наркобизнес выступает не изолированным феноменом, а финансовым и операционным ресурсом для других видов тяжких преступлений.

Таким образом, антинаркотическая политика БРИКС прошла полный цикл институционального развития – от отсутствия в повестке дня до формирования зрелой, основанной на международном праве системы, интегрированной в общестратегические подходы объединения к вопросам безопасности.

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что государствам – членам БРИКС удалось выработать единый, последователь-

ный и основанный на нормах международного права подход к противодействию незаконному обороту наркотиков. Институциональное оформление сотрудничества в виде создания и регулярного функционирования Антинаркотической рабочей группы, а также устойчивая правовая платформа, базирующаяся на конвенциях ООН 1961, 1971 и 1988 гг., свидетельствуют о создании эффективного механизма для координации усилий и гармонизации национальных правоприменительных практик.

Интеграция наркопроблематики в общий контекст борьбы с транснациональной организованной преступностью, терроризмом и коррупцией демонстрирует комплексное и системное понимание природы угрозы, что соответствует современным вызовам в сфере международной безопасности.

Независимо от достигнутых успехов дальнейшее развитие сотрудничества в данной сфере сталкивается с рядом потенциальных вызовов. К числу таковых прежде всего следует отнести сохраняющиеся различия в национальных политиках и уголовно-правовых системах стран-участниц.

Дивергенция может проявляться в подходах к дифференциации степени общественной опасности отдельных видов наркотических средств, санкционных моделях уголовных законов, а также в приоритетах профилактической и реабилитационной деятельности. Эти различия, не нивелированные полностью рамками международных конвенций, способны создавать практические сложности в оперативном взаимодействии и выработке единых критериев оценки эффективности.

Еще одним серьезным вызовом стало перманентное появление новых психоактивных веществ, не включенных в международные контрольные списки. Данный феномен создает правовой вакуум и опережает возможности традиционных процедур по внесению изменений в запретительные перечни. Динамичность наркорынка требует от государств БРИКС развития гибких и оперативных механизмов обмена информацией о новых угрозах, а также гармонизации национальных правовых инструментов для быстрого введения запретов на оборот НПВ, что является сложной задачей в условиях многостороннего согласования.

Несмотря на указанные вызовы, прогноз на дальнейшее развитие антинаркотического сотрудничества в рамках БРИКС можно оценить как умеренно оптимистичный. Ожидаемым направлением эволюции является дальнейшее укрепление взаимодействия, которое, вероятно, будет развиваться по следующим векторам: углубление оперативного информационного обмена, в том числе с использованием современных технологий; сближение подходов к контролю над прекурсорами и НПВ.

Можно также предположить усиление координации в области противодействия отмыванию криминальных доходов от наркобизнеса, в том числе в контексте реализации стандартов ФАТФ. Таким образом, сформированный за прошедшие годы надежный каркас для сотрудничества обладает достаточным потенциалом для адаптации к новым вызовам и поступательного развития в целях обеспечения региональной и глобальной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нигматуллин, Р. В. Сотрудничество государств БРИКС по противодействию наркопреступности / Р. В. Нигматуллин // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 4 (78). – С. 177–185. – DOI: 10.33184/pravgos-2024.4.20
2. Колосович, О. С. Современные тенденции международного сотрудничества по уголовным делам и их правовое регулирование / О. С. Колосович // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 124–130. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.2.16
3. Григорян, А. С. О некоторых подходах к международному праву в исследованиях британских ученых (часть I) / А. С. Григорян // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 203–213. – DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-6-203-213
4. Шестак, В. А. Проблемы соизмеримости применения смертной казни за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков: опыт Республики Индия / В. А. Шестак, В. Э. Карпович // Наркоконтроль. – 2021. – № 3. – С. 45–48. – DOI: 10.18572/2072-4160-2021-3-45-48

5. Григорьев, И. Б. Зарубежный опыт правового регулирования конституционных ограничений прав и свобод лиц, наделенных специальным правовым статусом, и вопросы его актуализации в России (на примере стран БРИКС) / И. Б. Григорьев // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 118–123. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15

6. Содиков, Ш. Д. Роль России в борьбе с международным наркотрафиком / Ш. Д. Содиков // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10, № 5 (62). – С. 1290–1296. – DOI: 10.35775/PSI.2020.62.5.032

7. Иванченко, Р. Б. Новые психоактивные вещества: общие изменения и вызовы по соответствующим системам / Р. Б. Иванченко, А. В. Поляков, О. В. Демидова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2025. – № 2. – С. 194–201.

8. Вихарев, Д. Д. Развитие фармацевтического рынка БРИКС+ через призму правоохранительной системы: легальный оборот подконтрольных лекарственных препаратов / Д. Д. Вихарев // Саммиты БРИКС и ШОС: устойчивое развитие : материалы Междунар. науч.-практ. конф. мол. исслед., Москва, 17 октября 2024 г. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2025. – С. 57–69.

9. Архипцев, И. Н. Основные направления использования информационных технологий при раскрытии преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств / И. Н. Архипцев, А. В. Сарычев, А. Б. Белошапко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 139–148. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.1.19

10. Малик, В. И. Краткий обзор Всемирного доклада о наркотиках за 2023 год управления по наркотикам и преступности ООН / В. И. Малик // Информационные технологии в деятельности правоохранительных органов: современное состояние, проблемы и перспективы : сб. науч. ст., Орел, 11 апреля 2024 г. – Орел : Орл. юрид. ин-т МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2024. – С. 81–84.

11. I саммит БРИКС – Совместное заявление лидеров стран БРИКС (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 г.) // Национальный комитет по исследованию БРИКС (далее – НКИ БРИКС). – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

12. II саммит БРИКС – Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц БРИКС (г. Бразилиа, Бразилия, 15 апреля 2010 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

13. III саммит БРИКС – Саньянская декларация (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

14. IV саммит БРИКС – Делийская декларация (г. Нью-Дели, Индия, 29 марта 2012 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

15. V саммит БРИКС – Этеквинская декларация (г. Дурбан, ЮАР, 27 марта 2013 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

16. VI саммит БРИКС – Форталезская декларация (г. Форталеза, Бразилия, 15 июля 2014 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

17. VII саммит БРИКС – Уфимская декларация (г. Уфа, Россия, 9 июля 2015 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

18. VIII саммит БРИКС – Декларация Гоа (Гоа, Индия, 16 октября 2016 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

19. IX саммит БРИКС – Сямэньская декларация (г. Сямэнь, Китай, 4 сентября 2017 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

20. X саммит БРИКС – Йоханнесбургская декларация (г. Йоханнесбург, ЮАР, 26 июля 2018 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

21. XI саммит БРИКС – Декларация Бразилиа (г. Бразилиа, Бразилия, 14 ноября 2019 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

22. XII саммит БРИКС – Московская декларация (г. Москва, Россия, 17 ноября 2020 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

23. XIII саммит БРИКС – Делийская декларация (г. Нью-Дели, Индия, 9 сентября 2021 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

24. XIV саммит БРИКС – Пекинская декларация (г. Пекин, Китай, 23 июня 2022 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

25. XV саммит БРИКС – Йоханнесбургская декларация (г. Йоханнесбург, ЮАР, 24 августа 2023 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

26. XVI саммит БРИКС – Казанская декларация (г. Казань, Россия, 23 октября 2024 г.) // НКИ БРИКС. – URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

REFERENCES

1. Nigmatullin R.V. Sotrudnichestvo gosudarstv BRIKS po protivodeystviyu narkoprestupnosti [BRICS Cooperation in Combating Drug-Related Crime]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Rule of Law State: Theory and Practice], 2024, no. 4 (78), pp. 177-185. DOI: 10.33184/pravgos-2024.4.20
2. Kolosovich O.S. Sovremennyye tendentsii mezhdunarodnogo sotrudnichestva po ugolovnym delam i ikh pravovoye regulirovaniye [Current Trends in International Cooperation in Criminal Cases and Their Legal Regulation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 124-130. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.16>
3. Grigoryan A.S. O nekotorykh podkhodakh k mezhdunarodnomu pravu v issledovaniyakh britanskikh uchenykh (chast I) [About Some Approaches to the International Law in British Scientists' Researches (Part 1)]. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve* [Gaps in Russian Legislation], 2024, vol. 17, no. 6, pp. 203-213. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-6-203-213
4. Shestak V.A., Karpovich V.E. Problemy soizmerimosti primeneniya smertnoy kazni za prestupleniya, svyazannyye s nezakonnym oborotom narkotikov: opyt Respubliki Indiya [Problems of Proportionality in the Application of the Death Penalty for Drug-Related Crimes: The Experience of the Republic of India]. *Narkokontrol*, 2021, no. 3, pp. 45-48. DOI: 10.18572/2072-4160-2021-3-45-48
5. Grigoryev I.B. Zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya konstitutsionnykh ogranicheniy prav i svobod lits, nadelennykh spetsialnym pravovym statusom, i voprosy yego aktualizatsii v Rossii (na primere stran BRIKS) [Foreign Experience of the Legal Regulation of Constitutional Restrictions on the Rights and Freedoms of Persons with Special Legal Status and the Issues of Its Actualization in Russia (Through the Example of the BRICS Countries)]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 2, pp. 118-123. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.15>
6. Sodikov Sh.D. Rol Rossii v borbe s mezhdunarodnym narkotrafikom [Russia's Role in the Fight Against International Drug Trafficking]. *Voprosy natsionalnykh i federativnykh otnosheniy*, 2020, vol. 10, no. 5 (62), pp. 1290-1296. DOI: 10.35775/PSI.2020.62.5.032
7. Ivanchenko R.B., Polyakov A.V., Demidova O.V. Novyye psikhoaktivnyye veshchestva: obshchiye izmeneniya i vyzovy po sootvetstvuyushchim sistemam [New Psychoactive Substances: General Changes and Challenges for the Relevant Systems]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia], 2025, no. 2, pp. 194-201.
8. Vikharev D.D. Razvitiye farmatsevticheskogo rynka BRIKS+ cherez prizmu pravookhranitelnoy sistemy: legalnyy oborot podkontrolnykh lekarstvennykh preparatov [BRICS+ Pharmaceutical Market Development through the Lens of Law Enforcement: Legal Circulation of Controlled Drugs]. *Sammity BRIKS i SHOS: ustoychivoye razvitiye: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. mol. issled., Moskva, 17 oktyabrya 2024 g.* [BRICS and SCO Summits: Sustainable Development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Young Researchers, Moscow, October 17, 2024]. Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 2025, pp. 57-69.
9. Arkhipov I.N., Sarychev A.V., Beloshapko A.B. Osnovnyye napravleniya ispolzovaniya informatsionnykh tekhnologiy pri raskrytii prestupleniy v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv [The Main Directions of Using Information Technology in Solving Drug Trafficking Crimes]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 139-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.19>
10. Malik V.I. Kratkiy obzor Vsemirnogo doklada o narkotikakh za 2023 god upravleniya po narkotikam i prestupnosti OON [A summary of the World Drug Report 2023 of the United Nations Office on Drugs and Crime]. *Informatsionnyye tekhnologii v deyatelnosti pravookhranitelnykh organov: sovremennoye sostoyaniye, problemy i perspektivy: sb. nauch. st., Orel, 11 aprelya 2024 g.* [Information Technology in Law Enforcement: Current Status, Problems, and Prospects. Collection of Scientific Articles, Orel, April 11, 2024]. Orel, Orl. yurid. in-t MVD RF im. V.V. Lukyanova, 2024, pp. 81-84.
11. I sammit BRIKS – Sovmestnoye zayavleniye liderov stran BRIKS (g. Yekaterinburg, Rossiya, 16 iyunya 2009 g.) [1st BRICS Summit – Joint Statement of the BRICS Leaders (Yekaterinburg, Russia, June 16, 2009)]. *Natsionalnyy komitet po issledovaniyu BRIKS* (hereinafter – NKI BRIKS) [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
12. II sammit BRIKS – Sovmestnoye zayavleniye glav gosudarstv i pravitel'stv stran – uchastnits BRIKS (g. Braziliya, Braziliya, 15 aprelya 2010 g.) [2nd BRIC Summit – Joint Statement of the Heads of State and Government of the BRICS Member States (Brasilia, Brazil, April 15, 2010)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
13. III sammit BRIKS – Sanyanskaya deklaratsiya (g. Sanya, o. Khaynan, Kitay, 14 aprelya 2011 g.) [3rd BRICS Summit – Sanya Declaration (Sanya, Hainan Island, China, April 14, 2011)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

14. IV sammit BRIKS – Deliyskaya deklaratsiya (g. Nyu Deli, Indiya, 29 marta 2012 g.) [4th BRICS Summit – Delhi Declaration (New Delhi, India, March 29, 2012)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
15. V sammit BRIKS – Etekvinskaya deklaratsiya (g. Durban, YuAR, 27 marta 2013 g.) [5th BRICS Summit – Etekwini Declaration (Durban, South Africa, March 27, 2013)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
16. VI sammit BRIKS – Fortalezskaya deklaratsiya (g. Fortaleza, Braziliya, 15 iyulya 2014 g.) [6th BRICS Summit – Fortaleza Declaration (Fortaleza, Brazil, July 15, 2014)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
17. VII sammit BRIKS – Ufinskaya deklaratsiya (g. Ufa, Rossiya, 9 iyulya 2015 g.) [7th BRICS Summit – Ufa Declaration (Ufa, Russia, July 9, 2015)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
18. VIII sammit BRIKS – Deklaratsiya Goa (Goa, Indiya, 16 oktyabrya 2016 g.) [8th BRICS Summit – Goa Declaration (Goa, India, October 16, 2016)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
19. IX sammit BRIKS – Syamenskaya deklaratsiya (g. Syamen, Kitay, 4 sentyabrya 2017 g.) [9th BRICS Summit – Xiamen Declaration (Xiamen, China, September 4, 2017)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
20. X sammit BRIKS – Yokhannsburgskaya deklaratsiya (g. Yokhannsburg, YuAR, 26 iyulya 2018 g.) [10th BRICS Summit – Johannesburg Declaration (Johannesburg, South Africa, July 26, 2018)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
21. XI sammit BRIKS – Deklaratsiya Braziliya (g. Braziliya, Braziliya, 14 noyabrya 2019 g.) [11th BRICS Summit – Brasilia Declaration (Brasilia, Brazil, November 14, 2019)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
22. XII sammit BRIKS – Moskovskaya deklaratsiya (g. Moskva, Rossiya, 17 noyabrya 2020 g.) [12th BRICS Summit – Moscow Declaration (Moscow, Russia, November 17, 2020)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
23. XIII sammit BRIKS – Deliyskaya deklaratsiya (g. Nyu-Deli, Indiya, 9 sentyabrya 2021 g.) [13th BRICS Summit – Delhi Declaration (New Delhi, India, September 9, 2021)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
24. XIV sammit BRIKS – Pekinskaya deklaratsiya (g. Pekin, Kitay, 23 iyunya 2022 g.) [14th BRICS Summit – Beijing Declaration (Beijing, China, June 23, 2022)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
25. XV sammit BRIKS – Yokhannsburgskaya deklaratsiya (g. Yokhannsburg, YuAR, 24 avgusta 2023 g.) [15th BRICS Summit – Johannesburg Declaration (Johannesburg, South Africa, August 24, 2023)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>
26. XVI sammit BRIKS – Kazanskaya deklaratsiya (g. Kazan, Rossiya, 23 oktyabrya 2024 g.) [16th BRICS Summit – Kazan Declaration (Kazan, Russia, October 23, 2024)]. *NKI BRIKS* [National Committee on BRICS Research]. URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs>

Information About the Author

Grigory A. Udodov, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Letchika Pilyutova St, 1, 198206 Saint Petersburg, Russian Federation, grigoriudodov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9233-490X>

Информация об авторе

Григорий Александрович Удодов, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет МВД России, ул. Летчика Пилутова, 1, 198206 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, grigoriudodov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9233-490X>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialties 5.1. Law according to the Nomenclature of specialties of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

